

ФАНТАСТИКА И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ДЕНИС МОРОЗОВ

RATTUS SAPIENS
или
КРЫСА РАЗУМНАЯ

Денис Владимирович Морозов
Rattus Sapiens, или
Крыса Разумная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29849424

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-03238-5

Аннотация

Человеческая цивилизация исчезла. Место людей заняли разумные крысы. Молодого крысенка Тихоню инквизиция приговаривает к казни за разговоры о загадочных Предках, живших задолго до Крысы Разумной. Его подругу Белянку отдают в гарем олигарху Гнилозубу. Крысиный город содрогается от подземных толчков: землю трясет дракон, охвативший сушу гигантским хвостом. Тихоня с Белянкой сбегают, чтобы спастись и отыскать драгоценное морское стекло. Однако их уже поджидают пираты, жаждущие наживы, а дракон рыщет в подводных глубинах, выискивая добычу... Фантастика и приключения для старшего школьного возраста.

Содержание

Глава 1. Тихоня, атас!	4
Глава 2. Пиратская гавань	34
Глава 3. Дикий остров	70
Глава 4. Дымчатая рысь	96
Глава 5. Летающий демон	129
Глава 6. Пир упыря	160
Глава 7. В Крысином гнезде	193
Глава 8. Верховный деспот	217
Глава 9. Дыхание дракона	243
Глава 10. Тайна исчезнувших предков	276
Глава 11. Волна	304
Глава 12. Большой потоп	333
Глава 13 Праздник	369

Денис Морозов

Rattus Sapiens, или Крыса Разумная

Глава 1. Тихоня, атас!

– Тихоня, атас! – пронзительно заверещали студенты.

Огромный стражник в медной кирасе схватил Тихоскока за воротник университетской мантии и сорвал с его шеи талисман, на одной стороне которого блестел серебряный лик луны, а на другой – золотистый лик солнца.

– Сила дня, сила ночи! – закричал молодой крысенок. – Верни мою «Силу светил»! Она хранит меня с детства!

Стражник расхохотался, швырнул талисман на мраморный пол Дворца правосудия и издевательски придавил его пяткой. Толпа студентов возмущенно загомонила, но охрана тут же оттеснила ее к стене. Тихоскока подхватили подмышки и поволокли в зал заседаний, где уже собралась инквизиция во главе с епископом Крысиного гнезда.

Молодой крысенок ужасно боялся. Его серая шерстка вставала дыбом. Голый хвост нервно метался из стороны в сторону, а длинные усики шевелились, выдавая волнение.

Острый нос с черной бусинкой на конце вытягивался, как будто стараясь почуять, откуда исходит опасность.

Он выхватил из толпы провожающих лицо своего наставника, пожилого профессора Гладкошерста, и чуть-чуть успокоился: ученое общество должно встать за него горой.

– Пусть этот судебный процесс превратится в торжество разума над суеверием! – крикнул он профессору. – Пусть городские законы возьмут верх над прихотью инквизиции!

Однако в глубине души он знал, что все будет совсем по-другому. Город второй год подряд страдал от неурожая. Ячмень и пшеница сильно подорожали, и горожане не знали, на ком сорвать раздражение. Селянам нечего было сеять, и они требовали, чтобы им объяснили, за что Восемь Мудрых Крыс так разгневались, и когда их ярость угаснет.

Председательствовал на суде сам епископ Мурöver. Он был облачен в лиловую сутану, подвязанную широким поясом. Рядом с его столом возвышался посох, увенчанный серебряной головой Мудрой Крысы, разинувшей пасть.

Стражники грубо затолкали Тихоскока в бамбуковую клетку. Он уселся на жесткую скамью и просунул горячий нос между толстых прутьев. В зале пахло расплавленным сургучом и прелой кожей, из которой шили доспехи для стражи. Епископ нетерпеливо поерзал в высоком кресле и скрипучим голосом спросил:

– Подсудимый, когда вы начали сомневаться в божественном происхождении Крысы Разумной?

– Когда мне стало ясно, что мы не первые обитатели на земле, – проговорил Тихоскок.

Он старался держаться с достоинством, хотя пляшущий из стороны в сторону хвост выдавал сильное волнение.

– Время от времени море выносит на берег морское стекло. Оно дорого стоит, и богатые дамочки носят его, как редкое украшение. Но природа не могла создать такую хрупкую красоту! Это искусственный материал. И он создан руками существ, живших задолго до нас!

Зал зашумел. Профессора, диссертанты, студенты – все пришли в замешательство. Раздались выкрики с мест – и восхищенные, и негодующие. Секретарь заскрипел гусиным пером, записывая показания.

– И что, они тоже были разумны, как мы? – с сарказмом спросил епископ. – У них тоже была душа? Они умели любить и смеяться, они строили города и плавали на кораблях?

– Я не знаю, – признался обвиняемый. – Но мне хотелось бы это узнать. Я перерыл всю библиотеку. В Книге Судеб сохранились легенды, дошедшие из глубины веков. В них говорится, что в прежние времена землю населяли могучие великаны. Они строили здания, вершины которых царапали облака. Они летали по небу, как птицы.

– По небу летают лишь крылатые демоны! – возмущенно пролаял епископ. – А настоящие божества живут под землей, в глубоких норах. Книга Судеб – грязная ересь, ее давно пора сжечь!

– Извините, ваше святейшество, – возразил профессор Гладкошерст, – но в университете не принято жечь книг. Они – ценный источник для изучения, из которого следует извлекать рациональное зерно.

– Нет в них никакого зерна! – зашелся епископ от ярости. Его упругий хвост заходил ходуном, сметая с пола табуретки и треножки с цветочными вазами.

– Зерно растет в поле, а не в вашей библиотеке, – продолжал визжать он, брызгая слюной. – Ваш университет давно пора прикрыть. Он превратился в рассадник ереси и неуважения к старшим.

– Вовсе нет! – громко возразил Тихоскок, высовывая мордочку сквозь бамбуковые прутья клетки. – Нас учат почитать ученых прежних времен, совершавших подвиги ради науки. Учителя древности подают нам пример светлой мысли и храброго духа – лучших качеств, которыми отличается вид *Rattus Sapiens*, Крысы Разумной.

По залу прокатилась буря аплодисментов. Студенты срывали с голов квадратные шапочки с кисточками и бросали их в воздух. Негодующие возгласы со всех сторон посыпались на инквизиторов. Епископ зазвонил в колокольчик и громко потребовал:

– Тишина! Подсудимый даже не думает скрывать своих кощунственных заблуждений. Разве вы не знаете старинного предания, сохраненного для нас Книгой Мудрых?

И Муровер заговорил нараспев, размахивая широкими

рукавами лиловой сутаны:

– Давным-давно Землю населяли ужасные колдуны. Сила их колдовства была так велика, что никто во всем мире не мог перед ней устоять. Они ненавидели крыс и травили их всеми возможными средствами. Злоба их дошла до того, что весь род крысиный они грозились уничтожить под корень.

Но Восемь Мудрых Крыс встали стеной, чтобы защитить свое потомство. Они обрушили на врагов силы стихий. Земля заходила ходуном, небеса разверзлись, и на головы демонов рухнули заоблачные воды. И колдуны утонули. Их крепости стерлись с лица земли, их города погрузились в пучину.

Однако не все великаны сгинули без следа. Где-то в морской глубине до сих пор сохранились руины их древней столицы. В ней бродит дух Великого Крысолова. Он томится в неволе и мечтает вырваться на свободу. Если он обретет плоть и кровь, то устроит Глобальную Дератизацию, и тогда ни одна крыса не укроется от его дикой ярости.

Помогать ему может лишь отчаянный безумец. Но если даже такой и найдется, то я объявлю его пособником Лютого Дьявола, прокляну и приговорю к самой безжалостной казни. Подсудимый, недоучившийся бакалавр Тихоскок, заявляет, что хочет найти город предков. Я объявляю его виновным в пособничестве Сатане. Коллегия инквизиторов постановляет утопить его на Глубоководье, в Темной бездне, и пусть любой, кто помыслит о помощи Дьяволу, отправится

вслед за ним!

И в знак своей власти епископ гулко стукнул по полу посохом с серебряной головой. Присутствующие опять зашумели, на этот раз испуганно и приглушенно.

– Позвольте за него заступиться! – возвысил голос профессор.

Декан состроил испуганное лицо и принялся ожесточенно размахивать руками, давая знак, чтобы тот замолчал. Но Гладкошерст не обратил на него внимания.

– В науке принято доказывать свою правоту. Провинившийся имеет право на отсрочку. Пусть он представит нам доказательства. Если он окажется прав, то его следует оправдать. Если нет – то приговор будет приведен в исполнение.

Епископ посоветовался с коллегами.

– Священный совет дает осужденному отсрочку на одну ночь, не считая сегодняшней, – провозгласил он. – По окончании этого срока он должен представить неопровержимые доказательства своей теории. А до тех пор приговаривается к изгнанию, и если его хвост хоть раз мелькнет внутри Города – то он будет казнен на месте!

И он поднялся из-за стола, давая знать, что заседание окончено. Собравшиеся принялись расходиться. Тихоскок оказался в пустоте – никто не решался к нему подойти, никто не осмеливался сказать ему слова. Когда он направился к двери, все шарахнулись в стороны, как от больного мышинной лихорадкой. И лишь пожилой профессор не побоялся

приблизиться и обнять его.

– Что вы? Зачем так? Они же увидят, – смущаясь, проговорил ученик.

– Я не боюсь этих облезлых котов, – ответил учитель. – В мои годы робеть уже поздно.

Гладкошерст протянул ему круглый талисман, на одной стороне которого был изображен серебряный лик луны, а на другой – золотистый лик солнца.

– Сила дня, сила ночи! – обрадовался Тихоскок. – Я выронил его, когда меня волокли на судилище.

Он склонил голову, и профессор надел цепочку ему на шею. И тут же Тихоскок ощутил, как кто-то нежно дотронулся до его ладони. Он поднял глаза. На него печально смотрела Беянка. В ее карих глазках виднелись капельки слез. Белая шерстка на голове была уложена в модную прическу. Беянка была альбиноской, из-за чего по ней сходила с ума вся студенческая общага.

– Тихоня, мне так тебя жаль! – дрожащим голосом проговорила она.

– Подожди, меня еще рано жалеть! – расхрабрившись, заверил он. – У меня есть целые сутки. А в рукаве припрятан козырь, о котором они не знают.

– Какой у тебя может быть козырь? – грустно улыбнулся профессор.

– Вы самые близкие мне существа, поэтому вам я откроюсь, – с жаром заговорил Тихоскок. – Я два года просидел в

библиотеке и видел там чертежи старых мастеров. Они проектировали подводный колпак, с помощью которого можно погружаться на морское дно. Я уже сделал несколько опытных образцов для морехода по имени Ветрогон. Мы нырнем в пучину и добудем морское стекло. И я докажу, что его сделали Древние Предки.

– Никаких предков нет, это миф! – сказала Беянка и погладила его по плечу.

– Это Восемь Мудрых Крыс в подземном царстве – миф! – рассердился Тихоскок.

– Тише, ты что? – испуганно огляделся профессор. – Не святотатствуй. Вдруг нас услышат?

Но слышать их было некому – никто не хотел приближаться.

Пожилой профессор отправился домой. Он неспешно шагал по длинному коридору мимо мраморных статуй Восемь Мудрых Крыс. Его ноги болели и плохо сгибались, отчего каблуки стертых туфель громко стучали по паркету. Голый хвост выглядывал из-под мантии и мел половицы у него за спиной, а очки на носу сверкали в лучах заходящего солнца, отпугивая притихших студентов. Тихоскок и Беянка посмотрели ему вслед.

Теплая летняя ночь уже окутала Крысиное гнездо. Сияющая луна выкатилась на небосвод и заливала улицы призрачным светом. Народ оживился и высыпал наружу, отовсюду

раздавались веселые пiski и цокот коготков, царапающих мостовые. Беянка игриво взяла друга за руку и повела на центральную площадь.

– А у меня сегодня последняя ночь вольной жизни, – сообщила она. – Меня отдадут в гарем магистру Гнилозубу. Он очень богат, хотя и немолод. В его гареме уже двенадцать жен, я буду тринадцатой.

Тихоскок сжался и взглянул на нее. Она была такой юной, такой прелестной! Ее упругий хвостик игриво вилял из стороны в сторону. Глазки, похожие на коричневые бусины, живо стреляли в прохожих. Гладко расчесанная шерстка была такой мягкой, что пальцы сами тянулись погладить ее. Он вздохнул, но вслух сказал только:

– Магистр Гнилозуб – один из отцов нашего Города. В его гарем мечтают попасть девушки из лучших семей. Наверное, ты будешь счастлива.

– Вот еще! – обиженно надулась Беянка. – Он такой строгий! И такой ревнивый. Говорят, что своих жен он не выпускает из келий. А зачем я училась? Чтобы меня заперли на всю жизнь? Я хочу путешествовать! Хочу видеть мир! И это ты называешь счастьем?

– Если б я только мог тебе помочь! Но я сам превратился в изгоя.

– А знаешь что? – глазки Беянки игриво забегали. – Будь моим дружкой на обряде Целомудрия. Это еще не свадьба, но мне покажут будущую келью, а няньки жениха осмотрят

меня и удостоверят, что я гожусь в жены. Я хочу, чтобы со мной был кто-нибудь из друзей. Мне так нужна твоя поддержка!

Магистр Гнилозуб чувствовал себя очень больным. Его мучала одышка, а с утра разболелось колено, которому трудно было выдерживать вес его пухлой тушки. Дворецкий Долгопят принес стаканчик мятной настойки, но целебное средство не помогло, от него только начало урчать в животе. Вдобавок, явилась старшая жена и заявила, что не потерпит этой молоденькой альбиноски по соседству, и потребовала отселить ее в самую дальнюю нору.

Кряхтя, Гнилозуб поднялся с кресла, из которого обозревал рыночную площадь и расположенную напротив ратушу. Пора было выходить на обряд целомудрия. Он рассмотрел отображение своей постной физиономии в медном подносе и сверкнул золотой коронкой, прикрывавшей дырку от выдранного зуба. Шерсть на боках еще с ночи стояла торчком, и он позвал дворецкого, чтобы тот расчесал его.

На площади уже толпился народ. Поздравить магистра пришла целая свора прихлебателей и лизоблюдов. Они дружно заголосили, едва он показался в широком окне своего кабинета. Невесту под белым покрывалом уже подвели к ступеням.

Увидев ее, Гнилозуб сразу забыл про свои печали. Молодая крысодева выглядела чудесно! Гладкая белая шерстка,

изящные изгибы бедер, безупречная фигурка и тонкие коготки, торчащие из-под накидки – все было безупречно.

Он вспомнил свою первую любовь, которой давно уже не было на свете. Она была совсем не такой! Ее темная шерсть казалась почти черной под волшебным сиянием луны. Она была живой и игривой, и заливисто хохотала, когда сбегала из дома и бродила с ним до рассвета. Он был тогда молод и беден, у него не было своей норы, и ему нечем было заплатить за невесту выкуп. Поэтому ее отдали за другого – зажиточного купчишку, собиравшего урожай у селян. А он поклялся, что разбогатеет любой ценой и никогда больше не позволит отнять у себя то, что ему хочется больше всего.

Проходили годы, он становился все ближе к своей цели. В его сундуках начали звенеть деньги – сначала серебряные, потом золотые. Он успел побывать торговцем, уличным старостой, судьей, и в конце концов стал магистром и членом городского правления. У него было много жен: они все были красивыми и все из хороших семей. Но ни разу с тех пор он не испытывал такого упоения от любви, как тогда, в самые юные годы. И самое большее, чего он желал теперь, на склоне лет – вернуть то ощущение радости, которая приносила ему когда-то любовь.

Долгопят помог застегнуть камзол из мягкого бархата, нахлобучил на хозяина пышный парик, аккуратно водрузил сверху широкополую шляпу с пушистым лисьим хвостом, а в довершение всего торжественно поднес длинную острую

шпагу. Гнилозуб бережно взял ее в ладони. Шпага представляла собой настоящее произведение кузнечного искусства. Магистр получил ее в подарок от заморского князя, с которым вел торговые дела. Идеально сбалансированный трехгранный клинок имел в разрезе форму сердечка, а в рукоять был вставлен большой кусок зеленого стекла, поражавший внутренней чистотой и незамутненностью. Шпага эта стояла целого состояния и даже имела собственное имя – «Блиставица», что значило: быстрая, как молния.

Долгопят подвесил это дорогое оружие к поясу своего господина и любовно поправил его. Шпага придавала хозяину одновременно воинственный и роскошный вид.

Звеня клинком о мраморные ступени, Гнилозуб чинно вышел на крыльцо. Его уже поджидали бургомистр в парадной одежде и епископ Муровер с церемониальной лопатой, предназначенной для рытья семейной норы.

Двое сановников подвели к магистру невесту. Ее лица не было видно под плотной белой тканью. Гнилозубу вдруг так захотелось поделиться со всеми ощущением триумфа, показать всем: смотрите, эта редкая красавица – моя! Потому что я – первый и самый богатый. Самый влиятельный и многовластный. Я получаю все, что хочу. Никто не может со мной соперничать, потому что я – Гнилозуб, член городского совета, магистр и олигарх!

Он подошел к ней и резко сорвал покрывало с ее головы. Все вокруг ахнули. Показывать невесту до свадьбы было

неслыханным нарушением обычая. Гнилозуб даже смутился – он не ожидал такого ропота от толпы. Однако всеобщее неодобрение лишь еще больше распалило в нем самолюбие.

– Что вы тут ахаете? – закричал он на горожан. – Подумаешь, нарушение правил. Я – член городского совета, и сам решаю, что правильно, а что – нет. Правила будут такими, какие я сочиню!

– Магистр, вы нарушаете обычай! – раздался звонкий, как пощечина, возглас.

Гнилозуб замер и с удивлением взгляделся в толпу. Он не привык, чтобы ему перечили. К его невесте подбежал нахальный студент в академической мантии с дурацкой четырехугольной шапочкой, на которой болталась длинная золотистая кисточка. Карие глаза молодого нахала полыхали от гнева. Длинные усики на его перекошенной мордочке яростно шевелились, а серая шерстка топорщилась.

– А ты что тут делаешь? – удивленно спросил Гнилозуб. – Тебя вообще в городе быть не должно.

Ему стало неловко от того, что какой-то молокосос позорит его на глазах епископа, бургомистра, и всех самых влиятельных обывателей.

– Не смейте срывать покрывало с невесты при честной публике! – продолжал верещать хулиган. – И вообще, отпустите ее подобру-поздорову. Мало вам, что ли, наложниц в гареме?

– Ах ты, дрыщ! – рассердился Гнилозуб. – Да тебя вооб-

ще должны утопить в Темной бездне, если только твой нос мелькнет в городе после рассвета. Стража, взять его!

Твердолоб, начальник караульной службы, бросился исполнять приказ. Однако толпа студентов встала стеной на его пути, и стражник запутался в охвативших его руках. А дерзкий хулиган тем временем вырвал из ладоней епископа церемониальный черенок от лопаты и изо всех сил двинул им Гнилозуба по боку.

Жирок под бурой шерстью заколыхался волной, причиняя его хозяину немалое страдание. Но еще больше Гнилозуба уязвило то, что это попрание его авторитета происходит у всех на виду. Он не мог допустить, чтобы горожане перестали его уважать и бояться. Выхватив шпагу, он направил ее на Тихоскока и грозно сказал:

– Берегись, ты сам напросился!

Тихоня похолодел. Острие шпаги целило ему прямо в нос. Это было грозное оружие, которое могло лишить жизни в одно мгновение. От страха он резко отпрыгнул в сторону, а затем еще раз огрел магистра черенком, на этот раз по голове. Тот зарычал от злости и сделал резкий выпад. Движение магистра получилось неловким, но грамотным – он мог позволить себе нанимать лучших учителей фехтования. Однако в университете тоже преподавали искусство владения оружием, и делали это знатные мастера. Тихоскок стремительно уклонился, но кончик шпаги все же задел его ухо и проколол тонкую кожу насквозь.

Тихоня почувствовал острую боль. По его голове потекло что-то теплое и липкое. Однако раздумывать было некогда – грузный магистр все еще напирал на него. Шпага была хороша: она как будто сама порхала в воздухе, стремясь уколоть в самое уязвимое место. Вот только владелец ее был слишком толстым и неповоротливым. Это спасло Тихоскока. Он еще раз увернулся и изо всех сил ударил Гнилозуба по руке. Тот ойкнул и выронил шпагу. Оружие ударилось о мостовую и зазвенело. Тихоскок подхватил его и встал в фехтовальную стойку.

Увидев прямо перед лицом клинок, Гнилозуб струсил и попятился назад.

– Не смей на меня нападать! – тонким голоском пискнул он. – Отдай шпагу!

– Еще чего! – насмешливо выкрикнул Тихоскок. – Я ее конфискую. В твоих руках и оружие, и власть служат злу.

– Стража! – отчаянно заголосил Гнилозуб, пугаясь еще больше. – На помощь!

Твердолоб наконец выпутался из рук веселых студентов и загородил хозяина грудью. Его прикрывала медная кираса, которую трудно было пробить. Однако Тихоня и не собиравался его колоть. Он подхватил Белянку и потянул ее прочь. Девушка с готовностью бросилась за ним.

– Держите их! Не дайте им уйти! – голосил Гнилозуб.

Однако толпа студентов принялась швырять в него и в охранника булыжниками, вывороченными из мостовой. Под

градом камней им пришлось отступить. А Тихоня с Белянкой нырнули в широкий туннель, который вел с Рыночной площади в студенческий городок, и пропали в его темноте.

– Ой, как больно! – заголосил Тихоскок, когда Белянка приложила к его разодранному уху мокрую марлю.

– Не дергайся! – строго велела она. – Кровь еще хлещет. Нужно ее остановить.

Они очутились в ее каморке под самой крышей университетского общежития. Комнатка была совсем маленькой, но в ней царил уют. Постель в углу была аккуратно заправлена, а на столике в полном порядке расставлены глиняные горшочки с ароматными мазями. В воздухе пахло лечебными травами, сушившимися под потолком.

– Говорили мне, что ты ведьма, да я не верил! – состроил Тихоня страдальческое выражение лица.

– Не ведьма, а ведунья, – ничуть не обидевшись, поправила его девушка. – Сейчас я пошепчу над тобой заговор. А ты не шевелись.

Она склонилась над ним и принялась тихо напевать колдовские слова, одновременно протирая рану пахучим целебным настоем. Тихоня корчил ужасные рожи, но героически старался терпеть и не показывать виду, как ему больно. Однако усики на его серой морде ходили ходуном так красноречиво, что Белянка его пожалела.

– Ну все, все, – ласково произнесла она, глядя его по шер-

стистому боку. – Кровь уже не течет. Но вот ухо уже не срастется. Оно так и останется рваным.

– Чего только не сделаешь ради твоей белой шерстки! – игриво сказал Тихоскок. – И ради рыжего пятнышка у тебя на спине. Оно сводит меня с ума!

Он попытался погладить Белянку по спинке. Та захохотала, но руку его отвела, хотя и не очень решительно.

– Ты так рисковал ради меня! – с чувством произнесла она. – Этот толстый магистр мог тебя заколоть! Ты такой храбрый!

Тихоня приосанился и гордо расправил плечи. По правде говоря, сам он совсем не думал, будто он храбрый. Как раз наоборот – он никогда не совался в бурные драки между студентами и даже не участвовал в шумных попойках, гремевших в общаге каждую пятницу. Друзья даже смеялись над ним за то, что вместо веселых посиделок в пивной он предпочитал забиться в угол темной библиотеки, чтобы найти в ветхой книжке какую-то забытую истину. Однако Белянка смотрела на него с таким восторгом, что он сам начинал в себя верить.

– Как сияет в эфесе этот зеленый камень! – сказала девушка, переводя взгляд на шпагу. – Наверное, он очень дорогой. Гнилозуб сильно рассердится из-за того, что ты отнял у него любимое оружие.

– Еще больше он рассердится из-за того, что я отнял у него тебя, – улыбнувшись, ответил Тихоня.

Белянка приоткрыла комод и извлекла из него синий прозрачный платок из тонкого шелка. Она сбрызнула его ароматными духами и ловко завязала у Тихоскока на шее. Узелок получился похожим на розочку. Тихоня ощупал его и воскликнул:

– Это любовный узелок!

Белянка рассмеялась и отвела глаза. Повязывать «любовный узелок» было давней традицией студенческого городка. Так делали девушки, когда желали признаться, что им нравится парень. С этого момента парень и девушка считались парой.

Тихоня вскочил со стула и попытался обнять ее, но Белянка расхохоталась и увернулась.

Магистр Гнилозуб метался по просторному кабинету, заставленному мебелью из мореного дуба. У стенки стояли, вытянувшись в струнку и не дыша, дворецкий Долгопят в длинной зеленой ливрее с красными отворотами, и начальник охраны Твердолоб в медной кирасе и шлеме. Гнилозуб подбежал к ним, и, свирепо вращая маленькими глазками, заорал:

– Как вы могли допустить, что они унесли свои хвосты? Почему не вцепились в них зубами? Почему не вернули?

Долгопят вжал голову в плечи и попытался прикрыть испуганную морду отворотом ливреи. Твердолоб, наоборот, распрямылся, уставился в потолок и разинул рот, но не на-

шел слов и только беспомощно заглотив воздух.

– Какой-то студент увел у меня невесту! – продолжал орать на них Гнилозуб. – Надо мной теперь весь город будет издеваться! В придачу, он стащил мою шпагу, а она стоит больше, чем ваши дрянные хвосты! Да мне сам бургомистр завидовал, потому что ему никогда ничего похожего не дарили!

– Извините, ваше высокородие! Мы непременно исправимся! – собравшись с духом, пробубнил Твердолоб.

– Не верю! – завизжал Гнилозуб. – Вы, коты драные, со всем мышей ловить перестали! Пущу вас на фарш! Крокодилам скормлю!

Кажется, Долгопят принял эту угрозу всерьез. У него застучали зубы, и он так опустил голову, что лишь один кончик носа остался торчать из ливреи. Твердолоб поскреб когтем медный шлем и через силу выдавил из себя:

– Я сейчас же пошлю стражу арестовать их. Обоих. Возьмем еще тепленькими, не извольте волноваться.

– Я с них шкуру спущу! – с мстительной мечтательностью произнес Гнилозуб. – Прямо на рыночной площади, у всех на виду. И пусть эта чернь зарубит себе на носу: со мной шутки плохи! А если они уйдут – тогда с вас. Выбирайте, кого мне разделать – либо вас, либо их!

Оба прислужника испуганно забормотали невнятные обещания и тут же унесли ноги. А Гнилозуб подошел к окну, оглядел рыночную площадь, заполненную народом, и грозно

прорычал в воздух:

– Только попробуйте мне посмеяться!

Золотая коронка на зубе хищно сверкнула под солнцем – так, что ее можно было увидеть даже из ратуши, возвышавшейся на другом конце площади.

Никогда еще Твердолоб не казался своим подчиненным таким страшным и грозным. Он ожесточенно царапал когтями свою медную кирасу, издавая при этом режущие ухо звуки. На кирасе серебряной нитью по блестящему медному фону было выгравировано изображение городских стен и башни с воротами, перед которыми стояли две крысы в доспехах, скрестившие алебарды. И эта картинка, и сама кираса с ее хозяином были хорошо известны горожанам. Едва увидев ее, они старались убраться подальше и не попадаться на глаза начальнику стражи.

Рядовые охранники насупленно выслушивали его приказы. Обложить со всех сторон студенческий городок. Растряссти студентов и выспросить, где они укрывают преступника с беглой подружкой. Никого не жалеть, на старинный закон, запрещающий страже входить на территорию университета, внимания не обращать. Жалобы игнорировать. Главное – выполнить повеленье Хозяина.

– Что искать в первую очередь – девушку или шпагу? – спросил один из охранников.

– Дурак! – обругал его Твердолоб. – Ищи сразу всех. И

самого преступника не забудь.

– А разве можно заходить на территорию университета? – спросил другой. – Городские власти спокон веку этого не позволяли.

– Плевать на городские власти! – в бешенстве заорал Твердолоб. – Тебя кто кормит – Хозяин или этот жалкий бургомистр? Чую: измена давно уже свила гнездо в этом грязном рассаднике ереси. Ступайте, и покончите с ней одним разом!

Стражники подняли наконечники копий и устремились к студенческому городку. Они неслись по узеньким улочкам, распугивая прохожих и мелких торговцев. Горожане торопились отойти в сторону, чтобы дать им дорогу.

А Тихоскок тем временем наслаждался покоем, вдыхая аромат духов, исходивший от повязанного на его шею платка. Белянка суетилась, укладывая в дорожный рюкзак одежду, сушеные травы и мази.

– Куда мы теперь денемся? – с тревогой спросила она.

– Ты когда-нибудь видела море? – улыбнулся ей Тихоскок.

– Нет!

– А ведь оно совсем рядом.

– Но порядочные горожане не выходят за крепостные стены. За ними столько опасностей! Там водятся змеи, лисы, собаки, крокодилы и дикие кошки. А еще может прилететь страшный коршун.

– Чем же он такой страшный? – с сомнением проговорил

Тихоскок.

– Тем, что главное лакомство для него – крыса! – заявила Белянка.

– Обидно быть чьей-то едой, – проговорил Тихоскок. – Ведь нас еще в школе учили, что *Rattus Sapiens* – вершина биологической эволюции, и что на всей земле нет других существ, наделенных умом и душой. А тут кто-то считает нас лакомством, как будто мы – дичь. Да еще Орден учит, будто на небе обитают крылатые мстители. И стоит только совершить грех – как из-за облаков явится демон в образе хищной птицы и утащит тебя в свой заоблачный ад.

– Заоблачный ад – пустыки! – уверенно заявила Белянка. – Гораздо страшнее – пучина Глубоководья. В ее темной бездне хранятся несметные залежи морского стекла, но их охраняет дракон. Подобраться к сокровищам невозможно – дракон тут же проглотит живьем.

– Ты меня просто пугаешь! Думаешь, я задрожу от твоих страшилок? – рассмеялся Тихоскок.

– Какие же это страшилки? – возразила Белянка. – Об этом мне нянька рассказывала.

Неожиданно пол у них под ногами дрогнул. Глиняные бутылочки и горшочки на полках задрезбужали. В соседних комнатах тревожно загомонили соседи.

– Ой! – испуганно сказала Белянка. – Это дракон трясет землю!

– Ну что ты! – расхохотался Тихоскок. – Твоего дракона

никто никогда не видел. По-моему, его просто не существует!

– А почему тогда земля дрожит под ногами? – рассердилась на него Белянка. – Если мы кого-то не видим – это не значит, что его нет. Да и как мы можем увидеть дракона? Он же живет под водой!

– Читал я в старинных книгах, будто в подводном мире обитает морское чудовище. Оно обвилось хвостом вокруг земли и дремлет. А когда просыпается и начинает шевелиться – земля ходит ходуном. Однако я думал, что это легенды. Да и профессор Гладкошерст так считает.

Пол под ногами тряхнуло еще раз. Белянку покачнуло, она ухватилась за стенку и поднесла палец ко рту, давая Тихоскоку знак, чтобы тот замолчал.

– Тише! – испуганно прошептала она. – Не говори так! Дракон услышал тебя и рассердился!

Тихоскок с сомнением покачал головой, однако все же огляделся по сторонам и попытался понять, отчего трясет пол. Профессор Гладкошерст посоветовал бы искать причину у себя под ногами. Но как понять, что происходит с землей? Как заглянуть в ее глубину? Ведь это же невозможно!

В этот миг на лестнице, ведущей в каморку под крышей, раздался тяжелый топот. Сомнений не было: так топталась только стража, одетая в медные кирасы и сверкающие шлемы. Гулкие голоса командиров, раздающих приказы, разлетелись по этажам. Белянка выглянула за дверь и изменилась

в лице.

– Стражники! Они пришли за нами! – бледнея, прошептала она.

Тихоня сорвался с места. Одним движением он прицепил шпагу к поясу, а сверху накинул студенческую мантию.

– Уходим! Немедля! – решительно сказал он.

– Подожди! Я еще рюкзак не успела собрать! – капризно возразила Белянка.

– Бросай его, и бежим! – выкрикнул Тихоскок, хватая ее за ладонь.

Из тесной комнатки под самой крышей выбраться можно было только в окно. Тихоскок вылез первым и потянул за собой Белянку. Она высунула нос наружу, и тут же отпрянула обратно.

– Тут высоко! Я боюсь! – тоненьким голоском заныла она.

– Не смотри вниз! Лезь за мной! – велел ей Тихоня.

– Как мы спустимся? Там даже лестницы нет!

– Мы не будем спускаться! Мы поднимемся!

Он вскарабкался на покатую крышу и протянул девушке руку. Та вцепилась в него мертвой хваткой. Ему пришлось напрячься изо всех сил, чтобы втащить ее на покатый склон, застеленный черепицей.

– Как хорошо, что ты сидишь на диете! – с облегчением выдохнул он. – Если бы ты растолстела, как твои пышки-однокурсницы, то я ни за что бы тебя не поднял!

Белянка неуверенно выпрямилась на ногах, но не смогла

устоять и заскользила вниз, к краю. Тихоскок ухватил ее и потащил вверх, к деревянному коньку.

Удержаться на крутом склоне было трудно. Тихоскок сам едва карабкался вверх, но все же ему удалось переправиться на противоположный склон крыши и помочь подруге. Он едва не соскользнул вниз, и на этот раз уже Белянка удержала его за шкуру, вцепившись в деревянного конька.

С крыши было видно Крысиное гнездо, расстилавшееся внизу. За каменными стенами цитадели тянулся торговый посад, улицы которого кишели от трудового народа. За посадом начинались бескрайние поля, засеянные пшеницей и ячменем. Недавно взошедшее солнце слепило глаза. Его яркий багровый диск, повисший над краем земли, пугал и напоминал, что Большой Мир опасен.

– Ну вот, мы попались! Мы не сможем спуститься! – отчаянно заголосила Белянка.

Тихоскок и сам понял, что они оказались в ловушке. Деваться с высокой крыши было некуда. В другое время он впал бы в отчаяние, но показать робость при белошерстой красотке было никак невозможно.

– Держи меня за хвост! – стараясь сохранять уверенный вид, распорядился он.

Он подполз к краю крыши и непременно скатился бы вниз, если бы Белянка не намотала на коготь кончик его хвоста. Хвост натянулся так, что казалось, будто он вот-вот оторвется. Ощущение было не из приятных, но пришлось по-

терпеть. Тихоскок заметил, что до земли далеко, однако внизу, сразу под крышей, тянется целый ряд распахнутых окон.

Он свесил голову вниз, впился когтями в деревянный косяк оконной рамы, и испуганно заверещал:

– Отпускай!

Белянка бросила его хвост и в страхе закрыла ладонями глаза. Тихоня совершил в воздухе переворот, подтянулся на руках и быстро нырнул в темный оконный проем.

– Лезь за мной! – крикнул он.

– Я боюсь! – запищала Белянка.

– Я держу тебя! – настаивал он.

– Я упаду и разобьюсь! – вопила девушка в панике.

– Давай же! Я тебя подхвачу!

Белянка решилась и скатилась вниз с края крыши. Тихоскок схватил ее за шиворот и быстро затащил в окно. Вдвоем они пробежали по темному коридору, спустились по лестнице и выбежали на улицу как раз в тот момент, когда стражники вломились в их комнату.

– Бежим быстрее! Если поймают, то нам будет худо! – подгонял подругу Тихоня.

Они понеслись по узеньким улочкам, то и дело ныряя в подземные норы. Однако и стража свое дело знала. Опытные преследователи вмиг обнаружили их следы.

– Эй, студяга! А ну, стой! Поймаю – порву на кусочки! – раздался за спиной резкий оклик.

Тихоскок на бегу оглянулся. За ним гнался немолодой

толстый воин в медной кирасе. На его голове сиял до блеска начищенный шлем, а в руках он сжимал тяжелую алебарду. С первого взгляда Тихоскок узнал знакомый всему городу рисунок на его доспехе: ворота под башней и двух стражников, скрестивших оружие.

– Белянка, дай ходу! – завопил Тихоскок во всю глотку. – За нами гонится Твердолоб!

Это и в самом деле был Твердолоб, начальник караульного приказа и прислужник магистра Гнилозуба. Доспехи на нем были тяжелые, он выбивался из сил, но не отставал. Пот ручьем катился из-под шлема ему на лицо и застилал взгляд, но первый городской стражник следовал по пятам. Приблизившись, он поднял алебарду повыше и попытался ткнуть Тихоскока в зад, но тот резво скакнул вперед, опустился для удобства на четвереньки и понесся вперед во всю прыть, увлекая подругу за собой. Белянка тоже драпанула на всех четырех, забыв о приличиях и не стесняясь показаться в таком смешном виде перед добропорядочными горожанками. Ее хвост дернулся, хлестко съездив Твердолобу прямо по морде.

Тихоскок перепрыгивал из одной темной норы в другую. Они оказались в разветвленном подземном лабиринте, который тянулся под городом на несколько ярусов вниз.

– Я больше не могу! – запричитала Белянка, совсем выбившаяся из сил.

Ее шаг начал замедляться, она заметно отставала. На ее

счастье, Твердолоб в своей тяжелой кирасе тоже изнемогал и уже едва тащился. Его темный силуэт виднелся в проеме подземного хода. Тихоскок потянул подругу за руку и принялся уговаривать:

– Беляночка, нам осталось чуть-чуть, и мы оторвемся!

– Я выдохлась. Беги один! – заявила подруга и рухнула на покрытый каменной плиткой пол.

Тихоскок попытался ее поднять. Стражник в дальнем конце коридора медленно брел к ним. Он уже поднимал алебарду и громко выл:

– Что, попались? От меня не уйдешь!

– Тихоня, спасайся! – заголосила Белянка. – Тебя казнят. А меня всего лишь затащат в гарем.

– Ну, нет! – серая шерсть на боках Тихоскока встала дыбом. – Я тебя не отдам!

Он закрыл своим телом Белянку и сделал шаг навстречу стражнику. Тот встал перед ним на задние лапы и вытянулся во весь рост. Он был высоким – не меньше шести крысофуттов, да и весу в нем было добрых полтора пуда. Тощий Тихоня на его фоне выглядел, как стебель тростника. Но Белянка за его спиной попискивала так жалко, что бросить ее было невыносимо.

Деваться было некуда. Тихоскок подавил в себе жуткое желание сбежать и выставил вперед острые когти. Он даже забыл про шпагу, до сих пор болтавшуюся у него на боку. Стражник оглядел его и расхохотался.

– Ты что, драться со мной собрался? – издевательски спросил он. – Да я тебя разделаю, как ежа на сковородке!

И он замахнулся над его головой алебардой. В этот миг земля под ногами качнулась. С потолка посыпались комья земли. Вывороченный камень сорвался и со звоном стукнул Твердолоба по шлему. Тот удивленно посмотрел вверх и застыл с разинутым ртом. Тихоня от ярости зарычал и приготовился броситься на него, но тут его самого так встряхнуло, что он свалился с ног и покатился обратно, к Белянке. Стражник тоже не удержался и рухнул, звеня медной кирасой, а на голову ему уже сыпались целые пласты сухой глины.

– Это проснулся дракон! – завизжала Белянка. – В такой час нельзя сидеть под землей, нас завалит!

Твердолоб неуверенно пополз обратно. И тут же огромный ком глины сорвался с потолка и упал между ними, перекрыв коридор. Пыль и грязь поднялись столбом и набились Тихоне под мантию. Белянка закашлялась – она не могла отдышаться.

– Нам нужно под открытое небо! Скорее! – сквозь кашель сказала она.

Стражник скрылся из виду за земляной стеной. Тихоскок поднял Белянку и потащил ее за собой, к далекому тусклому свету, пробивающемуся из выхода.

Городской посад кишел от крыс, высыпавших из домов на открытые улицы. Они были взволнованы и перепуганы.

«Дракон рассердился! Дракон трясет землю!» – верещали со всех сторон едва одетые горожанки. Медной кирасы Твердолоба нигде не было видно, и, пользуясь суетой, беглецы пробрались к крепостной стене, за которой начиналось бескрайнее Дикое поле.

Никто не обращал на них внимания. Суетливый народ сновал вокруг, спасая семьи и имущество. Беглецы приблизились к воротам, ведущим за городские стены. Проход вел под высокую арку каменной башни, стража которой сбежала и затерялась среди горожан.

– Если выйдем из города, то назад уже не вернемся! – с отчаянием выкрикнул Тихоскок.

Внутри у него все холодело. Он привык к удобным библиотекам, к аудиториям университета, к кормежке по пять раз за сутки. Днем приличные крысы спят и носа из нор не высовывают. А мир за пределами стен, в Диком поле, у берегов Моря, так и кишит опасностями. Куда соваться ему, книжному червю?

Но Белянка уже юркнула в темную арку – светлый хвостик задел его усики, как будто в насмешку. И он ринулся за ней, не думая о том, что ждет впереди.

Глава 2. Пиратская гавань

Тихоскок и Белянка оказались в степи. Вокруг, насколько хватает глаз – целый лес диких трав. Белянка казалась растерянной.

– Куда теперь? – дрожащим голосом спросила она.

– Не беспокойся! Я знаю, – уверенно заявил он.

Он едва нашел силы, чтобы напустить на себя этот уверенный вид. На самом деле он весь дрожал, а нижние лапы его подгибались. Но это незащитное существо рядом с ним, эта милая альбиноска, рожденная для неги и восхищения, смотрела на него с такой надеждой!

И Тихоня решил вести себя не как отрок, но как муж – пусть даже он и не знал в точности, что это значит.

Вдали шумели морские волны. Солнце поднималось над туманным краем воды. Оно было огромным, зловеще-багровым и ослепительно ярким.

– Ах, я вся обгорю! – капризно сказала Белянка.

И тут Тихоскок повел себя, как настоящий мужчина. Он отгрыз ножку огромного лопуха, насадил ее на гладкую хворостину, и получил настоящий зонтик. Белянка взяла зонтик в руки и с восхищением посмотрела на друга. «Надо же, я и не знала, что ты это умеешь!» – читалось в ее взгляде.

– Побежали к морю! Там рыбацкий поселок, в нем живет

мой знакомый! – командирским голосом выпалил он.

Неожиданно на лицо Тихоскока упала тень. В первый миг он подумал, что это Белянка махнула над ним своим самодельным зонтиком. Он взглянул на нее и увидел, что она стоит в трех шагах от него. Тень исчезла, ослепительное солнце ударило в глаза, а затем снова скрылось. Он поднял голову: из глубины бездонного неба на него падал стремительный ком перьев и мускулов. Впереди торчал клюв: хищно изогнутое, жестокое орудие убийства.

– Ястреб! Спасаемся! – суматошно взвизгнула Белянка.

Инстинкт заставил его сжаться в комок и отскочить в сторону. Крылья гулко хлопнули у него над головой, тень скользнула по земле и пронеслась мимо. Хищник промахнулся и не смог ухватить его, а Белянку, спрятавшуюся под лопухом, он не заметил. Тихоня забился в густые заросли жестких колючек и крикнул подруге:

– Не вылезай из-под листа!

Сердце отчаянно колотилось, на лбу выступил пот, шерсть встала дыбом. Хищник не думал отступать: он заложил вираж и начал облетать кругом, высматривая добычу. Тихоскок не выдержал и дал деру. Высокая трава над головой заколыхалась и выдала его. Ястреб заметил движение и тут же устремился вниз.

– Тихоня, беги! – заголосила Белянка.

Она отбросила самодельный зонтик и сама бросилась наутек. Вдвоем они ринулись, куда глаза глядят. Неожиданно за-

росли густой травы кончились, и беглецы оказались на голой проплешине. Ястреб тут же заметил их и начал снижаться. Его клюв щелкнул у Тихоскока над самым ухом. И тут Тихоня заметил заброшенную нору. Она выглядела дико и неприглядно: осыпавшиеся своды, земляной пол, грязные стены. Но деваться было некуда, и он бросился внутрь, даже не думая, кто может встретиться в темноте. Белянка юркнула за ним вслед. Хищник приземлился, грозно хлопнул крыльями и заглянул во вход. Его круглый глаз – невыразительный, лишенный мысли и чувства, глаз настоящей летающей машины для убийства – бешено вращался, высматривая добычу. Но беглецы были уже далеко: они пробирались на нижние ярусы, царапая шкурки и обдираясь о стены.

Нора была явно рассчитана не на благородных крыс. Карабкаться по ней было ужасно неудобно: видимо, ее вырыли суслики или какие-то другие степные животные. И все же тут, в темноте, беглецы чувствовали себя, как дома. Их острые усики ощупывали тесные стенки, и благодаря им они за просто обходились без зрения.

– Тихоня, я за тобой не успеваю! – пожаловалась Белянка.

Оказалось, что чувствительность ее усиков снижена. В комфортных городских переходах эта особенность никак не проявлялась, но тут, в грубой сельской подземке, сразу же дала о себе знать. Зато Тихоскок расхрабрился. Он чувствовал себя первооткрывателем, нащупавшим новые земли. Он даже начал в уме прикидывать карту этой норы и мечтать

о том, как нанесет ее тушью на ароматный пергамент, за что удостоится награды Географического общества, а может быть, даже звания Почетного Первопроходца.

– Белянка, а ты не знаешь, у Первопроходцев есть иммунитет к судебным преследованиям? – спросил он, обернувшись. – Что-то я не припомню, чтобы кого-то из них грызла инквизиция.

Они поворачивали из одного коридора в другой, но врожденное чутье уверенно вело их на юг, в сторону моря. Пару раз на пути им попались вертикальные шахты, ведущие прямо вверх, и наконец впереди замаячил широкий выход, в который ярко светило дневное солнце.

– Давай подождем вечера, – взмолилась Белянка. – Днем даже по городу гулять опасно, а по Дикому полю бродить в это время – и вовсе самоубийство.

– Белянчик, ночью на охоту выйдут такие твари, что ястреб по сравнению с ними покажется комнатной птичкой, – ласково сказал он, глядя ее по шерстке. – Нам придется поторопиться, иначе до моря нам не дойти.

Его подруга задергала усиками перед обвалившимся выходом. Она не решалась сделать шаг наружу, под палящие лучи. Там, по степи, рыскали хищники, о которых рассказывали страшные сказки. Как заставить себя преодолеть страх?

Неожиданно сзади раздалось шипение. Тихоскок обернулся. Из бокового пролета у него за спиной выползала темная кобра. Она разевала пасть с раздвоенным языком, кон-

чики которого тянулись к добыче. На их счастье, проход был слишком узким, чтобы кобра смогла скрутиться и сделать бросок.

– Белянка, вперед! – вне себя заорал Тихоскок и вытолкнул ее наружу.

Кобра устремилась за ними. Ее тело струилось среди травяных зарослей, и лишь по колыханию стебельков можно было понять, где она находится. Расстояние между ними стремительно сокращалось. Змея зашипела, разинула пасть, словно собираясь проглотить разом обоих, и высоко подняла шею. И в этот миг прямо перед лицом Тихоскока оглушительно хлопнули крылья. Гигантский ястреб спикировал и приземлился в двух шагах от него.

Тихоскок остановился и растерянно замер. Белянка затравленно озиралась по сторонам. Время остановилось, все чувства исчезли. Тихоня лишь смотрел неподвижным взглядом на то, как раскрывается хищный клюв, как летучая тварь делает резкий бросок...

Он не почувствовал ни удара, ни боли. Ястреб промчался мимо, схватил кобру, и, победоносно держа ее в клюве, взмыл в воздух. Змея отчаянно извивалась и шипела от ярости. Белянка безмолвно смотрела, как оба врага удаляются.

Тихоня ощупал ее, но она была неподвижна.

– Белянчик, пойдем, здесь опасно! – сказал он.

Но подруга не отзывалась – змеиный гипноз еще не развеялся. Ему пришлось приводить ее в чувство, растирая све-

денные мышцы и хлопая по щекам. В конце концов она очнулась, но долго еще не решалась произнести ни слова и казалась какой-то пришибленной.

Рыбачий поселок располагался на высоком уступе, нависшем над морским берегом. Белянка никогда раньше не видела моря. Она замерла над обрывом, вглядываясь вдаль.

– Как я хочу уплыть далеко-далеко, в другие края! – с чувством сказала она.

Двери таверны были распахнуты настежь. Несмотря на дневное время, она была заполнена посетителями. Музыкант в углу терзал струны самодельной гитары.

– Эй, Баламут, спой-ка нам песню о драконе и заклятом кладе! – крикнул гитаристу пожилой шкипер в красной пиратской бандане с белыми черепами.

Под его безрукавкой из грубой парусины виднелась жесткая, просоленная черная шерсть, а на шее болтались бусы из диковинных морских раковин.

Гитарист с готовностью тронул струны и запел о том, что где-то в глубине моря притаился город волшебников и великанов, ушедший на дно в незапамятные времена. В этом городе спрятан Заклятый клад. Кто найдет его – станет самой богатой крысой на земле. Неисчислимы сокровища моря, однако клад предков покажется чудом даже по сравнению с ними. Но его нельзя раздобыть просто так. Клад сторожит чудовищный дракон, пожирающий крыс. Древние предки на-

ложили на свои богатства колдовское заклятье: трое кладоискателей должны найти гибель в пасти дракона, прежде чем кто-либо доберется до сокровищ. Много воды утекло с тех пор, и многие мечтали их получить. Но как ни искали этот таинственный клад в водной пучине, как ни звали дух предков из морской глубины – ничего не нашли.

Гитарист кончил петь, звон его струн затих. Все присутствующие разразились аплодисментами и восторженными возгласами. Шкипер в красной бандане кинул певцу серебряную монету и заказал всем по кружке ячменного пива.

Тихоскок схватил Белянку за ладонь и потащил за собой. При виде его черношерстый мореход просветлел.

– Бизань-дерезань! Лампедуза-медуза! Кого я вижу! Тихоня, неужели ты наконец решился выбраться из своей тухлой норы? – завопил мореход, радостно протягивая к нему руки.

Они крепко обнялись, как старые знакомые.

– Белянка, познакомься, это шкипер Ветрогон, – сказал Тихоскок.

Мореход оглядел альбиноску, повел острым носом и красноречиво взглянул на приятеля. В его взгляде читалось: «Вот это подружку ты себе подыскал!» Но вслух он произнес:

– Зря вы ходите по побережью днем, дамочка. Обгорите под солнцем.

– Я никакая не дамочка! – обиженно заявила Белянка. – И буду ходить, где хочу!

Шкипер расхохотался:

– Не обижайтесь. Ваш друг помог мне больше, чем попутный ветер. Он соорудил подводный колпак для дыхания. С ним я смогу погрузиться на дно и добыть кучу морского стекла, а оно стоит целого состояния. Но мне нужны корабль и команда. Кто-то должен остаться на палубе и качать воздух. Вы поплывете со мной?

Тихоскок взгромоздился за деревянный стол, лихо сдвинул квадратную шапочку с кисточкой набок, обнажив порванное шпагой ухо, и с видом заправского морского волка принялся сосать пиво из кружки. Всем своим обликом он давал знать подруге: смотри, я среди этих бывалых вояк – как свой!

А в зале тем временем закипел бурный спор. Все продолжали обсуждать песню о драконе и Заклятом кладе.

– Это все сказки! – уверенно говорил трактирщик в залитом пивом фартуке. – Если бы Затопленный город существовал, его давно бы нашли. Слишком много желающих разбогатеть на халяву.

– Зато если поднять со дна залежи драгоценностей, то потом всю жизнь можно жить припеваючи, – возразил ему Ветрогон. – Я сам мерял линем силу подводных течений и составил их карту. И я рассчитал, откуда на наш берег выносит морское стекло.

– И откуда? – поинтересовался трактирщик.

– Так я тебе и скажу, хитрая ты каракатица! – расхохотал-

ся Ветрогон. – Однако я нисколько не сомневаюсь, что если как следует пошерстить, то легенда окажется правдой. Вот, смотри, Вислобрюх, на моих бусах среди раковин попадаются зубы подводных чудовищ. Я сам добывал их, когда был молодым.

– Да полно тебе языком-то молоть, – насмешливо проговорил трактирщик. – Это зубы не чудищ, а каких-то животных из дальних морей. Ты все это выдумал.

– Ты думаешь, что я вру? – взъелся бывалый шкипер. – Да я готов спорить на сто золотых, что чудовища существуют.

– Я принимаю спор! – с азартом заявил трактирщик. – Только чем ты будешь расплачиваться? Ты мне и так задолжал!

– Бери все, что у меня есть! – с таким же азартом выкрикнул Ветрогон. – Хибару, лодку и рыбацьи сети.

– Они не стоят ста золотых. Но я согласен! – ответил трактирщик. – А в доказательство принеси голову морского дракона. Пустыми байками меня не проведешь!

Присутствующие зашумели, выражая одобрение. Ветрогон сел рядом с Тихоскоком и крепко задумался.

– Бизань-дерезань, вот я влип! – сказал он. – Где мне взять сто золотых? У нас в Пиратской Гавани порядки суровые. Кто не может заплатить долг – отправляется в рабство до тех пор, пока не отработает все до последнего медяка.

– Тогда у нас один выход, – ответил ему Тихоскок, смахивая с ученой мантии пивную пену. – Найти город предков и

этот мифический клад.

– Да его кто только ни искал! – безнадежно махнул рукой скипер. – А у нас даже корабля нет.

– Может, корабль удастся у кого-нибудь раздобыть? – вставила слово Белянка.

– Да, есть тут у нас один лихой капитан, – вздохнул Ветрогон. – Но уж очень мне не хотелось к нему обращаться...

Особняк капитана Лихогляда выделялся среди ветхих строений, рыбачьих хибар, кладовых и таверн. Его окружал мутный ров с крокодилами. За рвом высился прочный забор, по четырем углам которого на окрестности угрюмо взирали дубовые башни с часовыми.

Двое охранников в пиратских безрукавках повели их по высокому мостику, перекинутому через ров. Пара крокодилов высунулась из мутной воды и меланхолично наблюдала за путниками. Белянка с любопытством подошла к краю мостика и во все глаза начала таращиться на них – она никогда прежде не видела таких хищников. Неожиданно из стоячей заводи, затянутой зеленой ряской, высунулся настоящий гигант, подпрыгнул, разинув огромную пасть, и щелкнул зубами у Белянки прямо перед носом. Девушка завизжала от страха, отпрыгнула и прижалась к Тихоскоку. Оба охранника издевательски заржали. Тихоня и сам был напуган, но не подал виду. Он обнял Белянку, погладил ее по пушистой шерстке и уверенно повел за собой.

Ветрогон первым вошел в трехэтажное здание с мраморными колоннами. Двое охранников впустили их и встали за спинами.

По широкой мраморной лестнице к ним спустился хозяин особняка, капитан Лихогляд. Его бурая шерсть была аккуратно приглажена и расчесана. Острый нос залихватски высовывался из-под длинного завитого парика, на котором покачивалась фетровая треуголка с роскошным орлиным пером. Из-под небрежно накинутого на плечи распашного кафтана с золотыми пуговицами выглядывал пурпурный камзол с рукавами из тонких кружев, а через плечо была перекинута голубая перевязь, на которой висела широкая абордажная сабля.

Радушно улыбаясь, капитан сорвал с головы шляпу, и, изящно качнув пером, поклонился гостям.

– Ах, какой чудесный сюрприз! – заворковал он, беря шкипера под локоток. – Ветрогон, мон ами! Как давно мы не виделись! Ты же знаешь: на моей палубе для тебя всегда найдется местечко с тенью. Кого ты привел ко мне? Это твои друзья? Какой ты молодец! Ты же знаешь, как я обожаю новые знакомства. Ах, мадмуазель! Какая великолепная белая шерстка! Какая гладкая и шелковистая! Вы, должно быть, принцесса! Или волшебная фея! Обычные крысы не бывают такими прекрасными!

Он галантно тронул Белянку за ручку и поцеловал воздух в миллиметре от ее ладони. Та смутилась, покраснела и рас-

плылась в довольной улыбке.

– Это Белянка, бывшая невеста магистра Гнилозуба, – представил ее Ветрогон. – А это – бакалавр Тихоскок, ученый и гениальный изобретатель, соорудивший колпак для подводных погружений, о котором я тебе рассказывал.

Услышав эту рекомендацию, Тихоня опешил и смутился не меньше своей подруги.

– С этим колпаком мы поднимем со дна целые залежи морского стекла, – не замечая смущения друзей, увлеченно продолжал говорить шкипер. – Но нам нужны корабль и команда. Прибыль мы готовы разделить по справедливости. Ты – хозяин Пиратской Гавани, и без твоего позволения нам все равно ничего не светит. Так что приглашаем тебя в долю, и пусть меня проглотит акула, если кто-нибудь скажет, что это плохая сделка!

Лихогляд хищно взглянул на него и облизнулся, но тут же взял себя в руки и произнес:

– Ах, о делах еще успеем поговорить! Вы, наверное, устали с дороги? Мой шеф-повар как раз собирался подавать обед. Я, знаете ли, невероятный гурман. Не изволите ли со мной отобедать? На первое у меня луковый суп-пюре с белым вином, на второе – касуле с нежным ягненком, а на закуску – гусиный паштет. И, конечно, десерт! Как вы отнесетесь к шоколадному мороженому, мадмуазель? Или к апельсиновому желе?

Белянка распахнула рот, чтобы ответить, но не нашлась,

что сказать, и лишь проглотила слюну.

– Хорошо отнесемся! – выпалил вместо нее Тихоскок, которого уже начало развозить от пива, выпитого в таверне.

Парадный обед у капитана Лихогляда превзошел все ожидания. Ягненок и в самом деле оказался нежнейший. К тому моменту, когда его подали, Беянка уже успела напробо-ваться белого вина с паштетом, но тут оказалось, что с ягненком нужно пить красный «Крыссароль» пятнадцатилетней выдержки. Любезнейший капитан взял ее под свою опеку и обстоятельно рассказал на ушко, какое вино с каким блюдом следует употреблять по правилам великосветского тона.

Ветрогон и не думал деликатничать. Он сразу схватил себе кость покрупнее, обильно полил ее соусом, и теперь глодал, зажав в кулаке.

– Так что там насчет корабля? – напомнил он. – Спасибо, конечно, за обед, но мы-то пришли по делу!

– Ах, да, мой любимый корабль, – опечалился Лихогляд. – Что ж, давайте совершим небольшой променад.

Беянка едва успела покончить с горкой мороженого, политого лимонным сиропом, как вся компания в сопровождении трех матросов отправилась на прогулку. Двух из них – высокого и худого Чумадура и маленького, толстенького и лысого Сиволапа – друзья уже видели. Третьим оказался матрос по имени Дуболом. Его черно-бурая шерсть стояла дыбом, как иглы ежа. На голую грудь была накинута одна

безрукавка, а штаны завязаны ниже колен потертыми веревками, как у дикого островитянина.

Лихогляд повел их подальше от гавани с ее пустующими причалами и вывел на отдаленное побережье. На песчаной отмели виднелся остов разбитого брига. В бортах его зияли огромные пробоины, снасти были сняты, а обломки мачт печально смотрели в небо раздробленными в щепки концами.

– Бизань-дерезань! – воскликнул Ветрогон. – Что случилось с твоим «Лихим змеем»?

– Увы, мон ами! – ответил капитан. – Произошло маленькое недоразуменье в открытом море с каравеллой небезывестного вам магистра Гнилозуба, после которого мой чудесный бриг оказался в столь плачевном состоянии.

– Это Гнилозуб так покоцал вашего «Змея»? – с удивлением спросил Тихоскок.

– Не столько Гнилозуб, сколько его прихвостень, Твердолоб, – невольню выдав злобу, ответил Лихогляд. – На их каравелле оказались пушки, чего мы никак не ждали. Надеюсь, что я получу с них достойную компенсацию за этот урон.

– Что же нам теперь делать? – приуныл Ветрогон.

– Не расстраивайся, дружище! – беспечно обнял его за плечи капитан. – Ты же знаешь – я из любой трудности найду выход. Приглашаю вас заночевать в моем доме. А к утру я что-нибудь придумаю.

Вечером всех развели по отдельным спальням. Тихоне до-

сталась высокая кровать с прозрачным балдахином, подвешенным, как шатер. Он долго не хотел залезать под одеяло и все прислушивался у двери – как там Белянка и не лезет ли к ней этот прилипчивый капитан. Но Лихогляд куда-то исчез, в коридоре все было тихо, чужих шагов не раздавалось, и в конце концов он позволил себе устроить заживающее ухо на подушке и прикорнуть.

Рано утром за его дверью послышался шорох. Тихоскок навострил ушки.

– Куда прешь, козья морда? – послышался голос толстенького Сиволапа. – Знай свое место!

– Отодвинься, свиная туша! – заворчал голос высокого худого Чумадура.

Раздались звуки борьбы. Дверь распахнулась, и в проем попытались протиснуться сразу два моряка, но застряли в косяке и окончательно разругались. Через мгновение они ввалились в комнату и грохнулись наземь.

– Извиняйте за беспокойство! – недовольно буркнул Чумадур, поднимаясь и отряхиваясь.

– Одевайтесь, нас ждет прогулка по морю! – расплываясь в фальшивой улыбке, сообщил Сиволап.

Тихоня придиричиво оглядел принесенную ему горку одежды. Она подходила для морских путешествий гораздо лучше академической мантии. Белую льняную сорочку с широкими рукавами он заправил в короткие черные брюки, ниже колен подвязанные синими ленточками. Спрятав под со-

рочку свой талисман и бережно расправив платок, повязанный Белянкой, он натянул удобную безрукавку, поверх которой набросил серую матросскую ветровку из грубой парусины, с капюшоном, поясом и широкими карманами. Туфли он оставил свои – черные, кожаные, с узорными пряжками, а вот шляпу надел подаренную – это был лихой морской картуз из мягкого бархата с длинным козырьком.

Забежав в спальню к Белянке, он обнаружил, что и она успела облачиться в обновки. Девушка была в желтой шелковой блузке с перламутровыми пуговицами и в короткой зеленой юбочке, из-под которой выглядывали облегающие коричневые бриджи. На голове ее красовалась кремового цвета шляпка с большой искусственной розой, а на груди висел мешочек с ароматной смесью из мятных трав – девушки в Крысином гнезде верили, что этот запах делает хозяйку желанной и неотразимой.

Тихоскок придирчиво осмотрел ее, но не нашел ничего подозрительного. В комнате тоже не обнаружилось следов чьих-либо ночных визитов, и он успокоился.

– У тебя все в порядке? – хмуро буркнул он.

– Да, а что? – невинно спросила девушка и чмокнула его в щечку.

Тихоне стало неловко из-за того, что он мог сомневаться в этом ангельском создании.

За завтраком, воспользовавшись тем, что охранявшие особняк моряки в отсутствие хозяина разленились и не

слишком-то заботились о гостях, Белянка спросила у шкипера:

– Ветрогоша, а что у тебя за карта?

– Это карта промера глубин и течений, – с увлечением заговорил мореход. – Она так составлена, что никто, кроме меня, ее не поймет. Если мои расчеты верны, то месторождение морского стекла должно прятаться на Глубоководье, в районе Темной бездны.

– А что такое Темная бездна? – удивилась Белянка.

– Это глубокая впадина в морском дне. Вода вокруг нее чистая и прозрачная – такая, что видно кораллы и каждую стайку рыб. И среди этого великолепия зияет глубокий провал. Он похож на дыру в морской пучине. Никто не знает, что таится в ее глубине. Говорят, будто подводный дракон живет именно там.

– Я знаю, что это такое, – недовольно проговорил Тихоскок. – Меня собирались в нем утопить.

– Ветрогоша, а почему рыбацкий поселок называется Пиратской гаванью? – не унималась Белянка.

– Раньше здесь промышляли пираты, – нехотя ответил шкипер, почесав свою красную бандану, на которой были вышиты белые черепа с костями.

– А теперь больше не промышляют? – с подозрением спросил Тихоскок.

– Нет! – заверил его Ветрогон. – Они давно остепенелись и занялись честным бизнесом.

После чашки холодного кофе их посадили в широкую шлюпку. Сиволап с Чумадуrom уселись за весла, а хмурый Дуболом устроился на корме. Ветрогон нервно оглядывался и поминутно спрашивал:

– Куда нас везут?

Но Дуболом только ухмылялся в ответ и твердил:

– Не извольте беспокоиться. Капитан приготовил вам сюрприз.

Утро выдалось ясным, по небу лишь изредка пробегали тонкие облачка. Золотистое солнце взошло над горизонтом и воспарило над туманной дымкой. И прямо из этой дымки к ним выплыла грациозная трехмачтовая каравелла, на носу которой красовалась деревянная фигура Крысодевы, сложившей ладони и готовящейся нырнуть в воду.

– Ух ты, совсем как живая! – восхищенно воскликнула Белянка, разглядывая фигуру.

На борту каравеллы была выведена надпись: «Лазурная мечта». Капитан Лихогляд перевесился через перила, снял свою треуголку с орлиным пером и замахал ей, крича:

– Друзья мои, я достал вам корабль!

С борта скинули веревочную лестницу. Ветрогон первым вскарабкался на палубу, за ним Сиволап с Чумадуrom подсадили Белянку. Тихоскок тоже попробовал подняться, однако это оказалось сложнее, чем он себе представлял. Лесенка наклонялась под его весом, ноги задирались к небу, и он по-

висал вниз спиной. Команда на палубе захохотала, глядя на его неловкие попытки выровнять положение. Сиволап с Чумадуром принялись толкать его вверх, но как ни старались, у них ничего не выходило.

– Ровнее! Спину держи! – хохоча вместе со всеми, кричал с палубы Ветрогон.

Наконец, Тихоскоку удалось распрямиться и преодолеть несколько ступенек.

– Мон ами, вы прирожденный моряк! – утирая выступившие от смеха слезы кружевным платком, сказал ему Лихогляд.

Корабль удивил Беянку. Он оказался прекраснее всего, что она видела до сих пор. На трех высоких мачтах развевались паруса ослепительного лазурного цвета, поверх которых золотистыми нитями было выткано изображение дракона, поднимающего голову над водой. Еще одна мачта, наклонная, была приделана к носу и нависала над волнами. На самой высокой грот-мачте реял бело-синий флаг с золотым солнечным кругом.

Матросы взялись за дело, и корабль заскользил по водной глади. Паруса над головой оглушительно хлопали. Беянка вздрагивала и пригибала голову, но вскоре привыкла и начала разгуливать по палубе, как по паркету бального зала. Тихоня залюбовался на то, как грациозно она выглядит в этой новой обстановке. Сам он чувствовал себя неуверенно. Палуба под ногами качалась, и он то и дело хватался за кора-

бельные снасти.

Зато Ветрогон оказался в родной стихии. Пожилой шкипер тут же вскарабкался на высокую кормовую надстройку, встал рядом с боцманом и принялся убеждать его, что в это время года нужно делать поправку на сильный зюйд-вест.

Капитан Лихогляд распахнул дверцы каюты, расположенной в глубине юта.

– Пассажиры, добро пожаловать в ваши апартаменты! – приветливо улыбнулся он.

Тихоскок задержался – волна как раз качнула каравеллу, и он уцепился за грот-мачту, от которой теперь не решался сделать и шагу. Зато Белянка радостно порхнула в таинственный полумрак распахнутой дверцы.

– Ой, кто это? Тихоня, тут... – раздался из темноты ее голосок.

После короткого писка голос тут же умолк. Тихоскок насторожился. Он заставил себя оторваться от мачты, и, стараясь удержаться на ногах, побежал к каюте. Ее окна были отделаны разноцветными стеклами, отчего дневной свет смягчался и падал на мебель причудливой картинкой, напоминающей калейдоскоп. Синие, желтые, красные блики ложились на широкий дубовый стол, за которым деловито стояли толстый магистр Гнилозуб в шляпе с лисьим хвостом, епископ Муровер в лиловой сутане и начальник охраны Твердолоб в кирасе и медном шлеме. За их спинами виднелись силуэты дюжины стражников, вооруженных копьями и алебардами.

Твердолоб крепко сжимал в лапах Белянку и закрывал ей рот, чтобы она не пищала.

– Это еще что такое? – опешил Тихоня. – А ну, отпусти ее!

И тут же сзади, из темноты, на него накинулись двое дюжих стражников, вывернули ему руки и наклонили лицом к полу. Шпагу грубо сдернули с его пояса и отдали магистру.

– А вот и моя «Блиставица»! – любовно поглаживая ее по клинку, проговорил Гнилозуб. – Иди к хозяину, моя девочка!

Он придирчиво оглядел эфес и удостоверился, что кусок зеленого стекла в шишке цел и невредим.

– Хвала мудрым! Если бы ты испортил стекло, я заставил бы тебя проглотить клинок! – заявил он Тихоскоку.

– А что делать с этой девкой? – спросил Твердолоб, указывая на вырывающуюся Белянку.

– То же, что и со всей компанией, – расхохотался магистр, поблескивая коронкой. – Исполним приговор инквизиции. Если, конечно, его святейшество не возражает.

Муровер стукнул о пол посохом с серебряной головой и авторитетно произнес:

– Давно пора. Утопим их в Темной бездне, как и надлежит поступать с еретиками.

– Что вы сделаете с пленниками, меня не касается, – вошел в разноцветный круг капитан Лихогляд. – Мне нужны только корабль и карта. Надеюсь, наш договор еще в силе?

– О, конечно, мой дорогой капитан! – радушно развел ру-

ки в стороны магистр. – Наша сделка была честной. Беглецы – мне, корабль – вам. Однако я очень надеюсь, что вы не станете использовать «Лазурную мечту» для пиратства.

– Не беспокойтесь, – сухо ответил ему Лихогляд. – Заниматься пиратством я больше не собираюсь. На этой каравелле я планировал отправиться в путешествие. Моя команда плывет вместе со мной. Пока нас нет, можете чувствовать себя в безопасности.

– А долго ли вы будете отсутствовать? – поинтересовался епископ.

– Это зависит от точности карты, – нехотя проговорил Лихогляд. – Кстати, где она?

Дверцы опять распахнулись, и в тесную каюту вволокли связанного Ветрогона. Пожилой шкипер ругался и пытался вырвать из рук стражников свою карту, однако сделать он это мог только зубами, так как его собственные запястья были туго стянуты ремешками.

– Ах вы, гнилые селетки, бушприт вам всем в глотку! – орал шкипер. – Вы чего тут задумали? Что вам нужно?

– Нам нужно всего лишь карту подводных течений, которые несут морское стекло к Изумрудному берегу, – ласково сообщил ему Лихогляд.

– Как ты мог? – уставился на него Ветрогон. – Ведь мы столько лет ходили под одним парусом. Я тебе доверял!

– Пиратам нельзя доверять, – осклабился Лихогляд. – Ты и сам это знаешь.

Пожилой шкипер поник. Вместе с Белянкой и Тихоскоком его вывели на палубу, под яркий солнечный свет. На одной стороне каравеллы собрались стражники во главе с Твердолобом, на другой – пираты с Лихоглядом. Они скалились и насмехались над пленными. Особенно старались Сиволап с Чумадуrom.

– Эй, бакалавр! – щерясь, кричал низенький толстенный Сиволап. – Ты вроде как ученый. Должно быть, у тебя много ума. Как ты мог так лохануться?

– Эх, отдали бы мне эту красотку! – с вожделием глядя на Белянку, вопил высокий и тощий Чумадуr. – Я бы сообразил, что с ней сделать!

Белянка, не привыкшая к такому обращению, возмущенно заверещала:

– Как вы смеете так со мной обращаться? Я альбиноска! Со мной так нельзя!

Ее слова вызвали бурный взрыв хохота. Смеялись все – и пираты, и стражники.

Боцман взял цветные флажки, вскарабкался на высокий ют и принялся размахивать лапами, подавая сигналы. Вдали показались невзрачные серые паруса маленькой бригаантины, которая пристала к каравелле. С борта на борт перекинули деревянный мостик, по которому начали переправлять связанных пленников. Белянка ухитрилась и тяпнула Твердолоба за палец, отчего тот дернулся и едва не сбросил ее в воду. Однако, спохватившись и взглянув исподлобья на хозяина,

придержал пленницу и грубо поволок по мостку.

– Как же так, капитан? – прокричала с палубы бригантинны Белянка. – Вы казались таким благородным, таким любезным! Неужели я в вас ошибалась?

– Увы, мадмуазель! – с сожалением ответил ей Лихогляд. – Но я уже много лет мечтаю добыть подводный клад, а этого не сделать без карты и хорошего корабля. Эта мечта для меня значит намного больше, чем трепет вашей пушистой шерстки.

Пираты снова расхохотались. На борт бригантины сошел Гнилозуб и деликатно подал руку епископу, который боялся качки.

– Снять пушки! – распорядился магистр, едва почувствовав себя в безопасности на другом корабле.

Стражники тотчас забегали по каравелле, выкатывая четыре пушки, которыми она была вооружена.

– Эй, постойте! – запротестовал Лихогляд. – Я беру корабль со всем, что есть на борту, и с пушками в том числе.

– Ну уж нет, дражайший мой капитан, – рассмеялся неприятным тоном Гнилозуб, отчего его ожиревшие бока затряслись, как желе. – Мы не такие идиоты, чтобы оставить орудия вам. Кто знает, против кого вы их пустите в ход, когда встретитесь нам в открытом море?

– Но я ведь завязал! – возмущенно выпалил капитан. – Вы же сами обещали мне помилование от магистрата!

– Вот именно! – торжественно провозгласил Гнилозуб,

вздывая кривой коготь к небу. – Я обещал вам помилование, и не хочу, чтобы вы натворили бед после того, как члены почтенного магистрата окажут доверие моей рекомендации. «Лазурная мечта» – для честной торговли, а не для пиратского промысла.

– Вы сомневаетесь в моей честности? – капитан схватился за перевязь, на которой носил абордажную саблю, но Твердолоб звякнул алебардой, и Лихогляд решил не искушать судьбу.

– В вашей честности? Нет! Особенно после того, как вы выдали эту красавицу, доверившую вам свою жизнь и жизни своих друзей, – издевательских расхохотался магистр.

Лихогляд скрипнул зубами, оглядел плотный ряд стражников в медных кирасах, стоящих за спиной магистрата, и коротко бросил:

– Ладно, я это припомню!

Ветер надул лазурные паруса каравеллы, и она заскользила по морю, удаляясь от бригаантины. Капитан Лихогляд на прощанье помахал треуголкой с орлиным пером.

Тихоскок, разинув рот, смотрел ему вслед. Он не мог поверить, что друг в один миг превратился в предателя, и теперь стремительно покидает их. Однако, обернувшись, он увидел ухмыляющегося Гнилозуба, который с победоносным видом расхаживал по палубе, сверкая золотой коронкой.

Магистр подошел к Белянке, ощупал ее взъерошенную

шерсть и самодовольно заявил:

– Жаль терять такую красоту. Но после твоего бегства надо мной зубоскалит чернь. Она должна усвоить, что со мной шутки плохи. Так что придется тебе отправиться в Темную бездну вслед за дружкойм.

Тихоскок резко дернулся, попытавшись высвободить ладони из пут, и закричал:

– Развяжи меня! Сразимся один на один, как взрослые крысомужи!

Но Гнилозуб только издевательски расхохотался:

– Куда тебя тягаться со мной, мелкий мышонок! Ты приговорен инквизицией, и отсрочка, которую выторговал твой профессор, давно истекла. А на моей стороне – закон!

– Что прикажете делать с третьим бродягой, ваше высококородие? – спросил Твердолоб, подтаскивая Ветрогона.

– А зачем он нам без карты? Отправим и его на корм подводному чудищу, если оно существует, – беспечно распорядился магистр. – В конце концов, он помогал преступникам, а значит – он тоже виновен.

– Курс – на Темную бездну! – громко распорядился Твердолоб.

Связанных друзей спустили в темный трюм и бросили на тюки со съестными припасами. Всю ночь их качало на волнах, а наутро их снова вытащили на палубу, и Тихоскок решил про себя, что это не к добру.

На борт бригантины уселась нахальная чайка и принялась кричать пронзительным голосом, требуя подачи.

– Подплываем к земле, – мрачно сделал вывод Ветрогон. – Хоть среди этих остолопов и нет ни одного настоящего лоцмана, но проплыть мимо Дикого острова не могут даже они. А вот пусть попробуют найти вход в залив!

Однако и вход в залив команда Твердолоба нашла довольно быстро. Дикий остров представлял собой каменную грядку, широким кольцом торчащую из воды. Скалы густо поросли тропическим лесом, в котором кишмя кишело зверье и птица. С западной стороны подкову скал разрезал пролив, и вот тут начиналось самое интересное.

Едва бригантина прошла меж двух высоких каменных столбов, как попала во внутреннюю лагуну, спрятанную от постороннего глаза горами и зарослями. Но лагуна эта разительно отличалась от моря, раскинувшегося за скалистой грядой. Дна ее не было видно, и ни один линь не мог измерить ее глубину. На фоне окрестных светло-зеленых вод, заросших кораллами, в которых сновали стайки разноцветных рыб, эта лагуна зияла, как огромная темно-синяя дыра, за что ее и прозвали Темной бездной. Что творилось в ее пучине – никому не дано было знать, однако на поверхность тут постоянно всплывали газовые пузыри, отчего казалось, будто вода бурлит и вскипает. Зрелище получалось жутким, и порядочные путешественники держались от этого места подальше.

Вода за бортом смачно булькнула. Огромный пузырь всплыл со дна и на мгновение образовал перед носом у корабля впадину, которая тут же с шумом заполнилась пенистыми волнами.

– Ой, что это? – испугалась Беянка и прижалась к Тихоне.

Сквозь тонкую желтую блузку он разглядел, как топорщится ее шерстка, и почувствовал, как молотится ее сердце.

– Это дышит подводный дракон! – услышав ее, мстительно ответил Гнилозуб. – Раз в сто лет он поднимается из глубин и нападает на город, если только разумные горожане не принесут ему жертву. Мы давно уже не кормили чудовище, и оно, должно быть, сильно оголодало. Ух и злое же оно теперь! Вон как пускает ноздрями воздух.

– Это правда? – еще сильнее прижалась к Тихоне Беянка и заглянула ему в глаза.

– Я не знаю, – признался ей Тихоскок. – У всего должно быть разумное объяснение, и у этих пузырей тоже. Вполне может быть, что они происходят от природных причин.

– От каких бы причин они ни происходили – вам это не поможет, – злорадно проговорил епископ Муровер.

Он стоял на носу, указывая команде путь своим посохом с головой крысы, и путь этот лежал прямо к середине залива, где бурление вод казалось особенно сильным.

– Начальник стражи! Исполните приговор инквизиции! – торжественно повелел епископ.

Твердолоб засуетился и принялся распоряжаться. На шею пленникам нацепили обрывки тяжелых якорных цепей, к которым подвесили увесистые камни в сетках. Муровер ударил о палубу посохом и торжественно произнес:

– По приговору Святой инквизиции трое еретиков и преступников во главе с недоучкой Тихоскоком подлежат утоплению в Темной бездне. И пусть их участь послужит уроком для всех, кто осмелится усомниться в Истине Подземелья и в данном нам Высшей Мудростью законе!

И он изящно взмахнул рукавом лиловой сутаны. Твердолоб схватил Тихоскока и подтащил его к краю палубы. Остальные стражники взялись за Белянку и Ветрогона. Пожилой шкипер отчаянно упирался и вопил:

– Ах вы, кладовые мыши, чтоб вас на якорной цепи повесили! Вы чего творите? Какой это закон?

Но его никто не слушал. Тихоскок ощущал на своей шее гнетущую тяжесть балласта. Подвешенный к нему груз весил больше, чем он сам, и не было никаких сомнений, что едва оказавшись в воде, он стремительно пойдет на самое дно этой клокочущего темного провала.

Однако Твердолоб, видимо, сам не горел желанием исполнять это грязное дело. Показав подчиненным пример, он отстранился от Тихоскока и велел стражникам:

– Ну, чего рты разинули? Валите его за борт, живо!

Двое стражников нерешительно приблизились и начали переваливать Тихоскока через борт. Однако он вместе с гру-

зом оказался таким тяжелым, что им трудно было с ним справиться. Да еще медные кирасы и шлемы мешали им двигаться.

В этот миг из подводной глубины донесся раскат глухого грохота. Вода вокруг корабля забурлила и взорвалась тучей пенистых воронок.

– Дракон проснулся! – завопил Твердолоб, отскакивая от края борта на середину палубы.

Стражники отпустили Тихоню и бросились вслед за ним.

– Дракон это или нет, но приговор должен быть исполнен! – брызжа слюной, завизжал Гнилозуб.

– Чудовище на нас нападет! – хватаясь лапами за мачту, завопил Твердолоб. – Оно разнесет корабль в щепы!

– Успокойся! Возьми себя в руки! – попытался привести его в чувство Гнилозуб. – Видишь – никакого дракона не видно!

– Он всплывет с глубины! – не унимался начальник охраны.

– Так принеси ему жертву скорее! – заверещал магистр, надеясь, что крик сильнее подействует на охранника. – Как только он слопают этих преступников, так сразу и успокоится!

Твердолоб с круглыми от ужаса глазами уставился на него, резко сорвался с места и метнулся к пленникам. Тихоскок почувствовал, как огромные лапы охранника оторвали его от палубы и принялись поднимать к краю бортика. И в этот

же миг за бортом что-то ухнуло, раздался грохот и плеск, и на глазах у растерянной команды корабля из воды поднялась волна высотой в десять крысиных ярдов.

– Белянка, держись! – вне себя завопил Тихоскок.

Волна подбросила бригантину, как легкое перышко, и понесла к берегу. Палуба ушла из-под ног, и все, кто стоял на ней, потеряли опору и покатались по доскам. Тихоскок больно ударился о железную цепь, подвешенную к его шее, и в этот же миг его сердце ухнуло и замерло, как будто корабль начал стремительно падать.

Зубами Тихоня дотянулся до пут на своих запястьях и вмиг разгрыз узел. Освободив руки, он тут же скинул с шеи камень и цепь, подхватил Белянку, катавшуюся по палубе, и помог высвободиться и ей. Ветрогон, вцепившись когтями в борт, высовывал свой черный нос наружу и вопил:

– Сбросить балласт! Сейчас нас разобьет о скалы, бизань-дерезань!

Стражники принялись лихорадочно сбрасывать с себя тяжелые шлемы и кирасы, и выкидывать алебарды за борт. Корабль рухнул вниз с гребня волны, ударился днищем о воду, треснул и раскололся на части. Его палуба разломилась, мачты рухнули, паруса затрещали и сорвались. Тихоскок потерял опору и провалился куда-то вниз. Его подхватило волной и вынесло за борт. Он оказался в потоке бурлящей пены и принялся отчаянно барахтаться затекшими лапами. В лицо ему ударила струя холодной воды, глаза залепились, ды-

хание сперло.

– Помогите, тону! – визжала где-то неподалеку Белянка.

Почти ничего не видя, он начал грести в ее сторону. И в этот момент на него накатила вторая волна. Она подняла его и бросила на песчаную отмель, прокатив шкуркой по жесткой гальке, перевернув вверх тормашками и ударив о камни.

Тихоскок поднял голову. Он лежал на прибрежном песке, а холодные волны накатывали на него и норовили залить солеными струями нос и глаза. Он вскочил, огляделся по сторонам и дрожащим от волнения голосом завопил:

– Белянка! Ветрогон! Где вы?

В двадцати шагах от него виднелся разбитый остов бригантины. В ее борту зияла огромная дыра. Волны выносили на берег обломки мачт и снастей. Тихоскок бросился к кораблю, завывая:

– Белянка! Ты жива? Отзовись!

Вокруг разбитого корабля в беспорядке валялись тела стражников. Медных кирас и шлемов ни у кого не осталось. Оружие тоже утонуло – его выбросили в первую очередь. Некоторые из выживших шевелились и пытались встать, но Тихоскок не обращал на них внимания. Он уцепился за качающийся трос, взобрался на покосившуюся палубу и нырнул в трюм. Друзей нигде не было видно. Ящики и мешки с припасами валялись в беспорядке, их содержимое вывалилось и рассыпалось. Луч солнца, заглянувший сквозь дыру

в борту, сверкнул ярким бликом в зеленом стекле, вставленном в рукоять шпаги. «Блиставица» торчала из кучи зерна – она воткнулась в нее, когда корабль бросало волной.

Тихоня взял шпагу в руки. С оружием он чувствовал себя совсем по-другому. Из застенчивого кабинетного мальчика он превращался в воина, не знающего сомнений. В университетском фехтовальном клубе он считался одним из лучших учеников. Особенно хорошо у него получались выпады и парирования чужих ударов.

Он выбрался на свет, вцепился в обломанный бортик и оглядел ошеломленных стражников, беспомощно барахтающихся в песке.

– Куда вы дели мою Белянку? Что вы с ней сделали? – чуть не плача, воззвал к ним Тихоня.

Но ему никто не ответил. Все были настолько заняты своими ушибами, что не обращали на него внимания.

«Они хотели меня утопить, – подумалось Тихоскоку. – Они собирались сбросить меня в пучину с камнем на шее. А теперь копошатся в песке, как ни в чем не бывало, и им на меня наплевать. Вот поднимутся – и снова набросятся. А Белянка? Почему ее нет? Она утонула? Это они ее утопили! Даже если она утонула не от них, то все равно – без них не вышло бы этой беды. Они во всем виноваты!»

Он пришел в ярость от этих мыслей. Соскочив с палубы на песок, он бросился к первому попавшемуся стражнику, корчащемуся в грязи, наставил острие шпаги ему на грудь и

закричал:

– Куда ты дел мою Белянку? Отвечай, драный кот!

Стражник ошалело мотал головой, не понимая, чего хочет от него этот разъяренный тип с острой шпагой.

– Не ответишь – убью, как поганую мышь! – визжал Тихоскок. – Где девушка?

Стражник грузно осел на песок и попятился задом. Но Тихоскок не отпускал его. Он напирал и тыкал клинком ему в горло, визжа:

– Говори, не молчи!

Испуганный стражник попытался отвести от себя острие. Тихоскок заметил движение его руки и подумал, что тот собирается драться. Не помня себя от ярости, он всем телом налег на шпагу и всадил клинок ему в горло. Алая кровь брызнула на мокрый песок, заливая его темной лужей. Стражник упал на спину и забился в конвульсиях.

Тихоскок обернулся к оставшимся и крикнул:

– Что, думаете, если вас много и вы сильнее – то можно убивать, кого захотите? А если жертва окрысится? Что вы тогда будете делать?

И он принялся колоть всех, кто попадался ему на пути. Не успевшие прийти в себя после крушения стражники бросились врассыпную. Многие даже не поднимались на ноги – они так и кидались прочь на четвереньках, но Тихоскок не отпускал их. В пару прыжков он настигал удирающих и всаживал острие шпаги им в спины, в шеи, в зады. Охран-

ники визжали от боли и валились на гальку. Последний почти успел добежать до лесной опушки, но Тихоскок настиг его и заколол под высокой раскидистой пальмой, с которой свисали кокосы.

Ветер охлаждал его мокрую шерсть. Тихоскок огляделся. На песке в лужах крови валялись двенадцать убитых им стражников, некоторые еще продолжали корчиться в предсмертных судорогах. Ни Гнилозуба, ни Твердолоба, ни епископа Муровера среди них не было.

– Тихоня, ты с катушек слетел? – раздался растерянный голос у него за спиной.

Он обернулся. В трех шагах от него стоял Ветрогон. Пожилой шкипер выглядел удручающе: одна лапа его болезненно подогнулась, сырая шерсть стояла дыбом, а на лбу красовалась огромная шишка. Но больше всего Тихоскока поразило его взгляд: он был перепуганным и растерянным.

– Где Беянка? – не помня себя, подскочил к нему Тихоскок. – Где ты бросил ее?

– Я ее не бросал! – поднимая руки кверху, загомонил шкипер.

– Она утонула? Пропала? Ты видел, как это случилось? – орал Тихоскок, направляя на друга шпагу.

– Нет! Постой! Не убивай меня! – визжа от испуга, попятился Ветрогон. – С ней все в порядке. Она здесь. Ее выбросило на берег.

– Где она? – продолжал напирать на него Тихоскок, тыча

шпагой.

– Тихоня, я здесь! – послышался дрожащий голос.

Девушка стояла в десяти шагах от него и расширенными от ужаса глазами смотрела на происходящее. Тихоскок бросился к ней, схватил обеими руками и сжал в объятьях так, что у нее хрустнули кости. Беянка ойкнула и отстранилась.

– Что ты сделал? – слабо спросила она, глядя на валяющиеся повсюду тела.

– Они хотели убить нас, – невнятно пробормотал Тихоскок. – Они думали, что мы беззащитны. Пусть теперь знают. Так им и надо! Я им всем... я их...

Он опустился на песок, закрыл ладонями глаза и разрыдался. Беянка тихонько дотронулась до него и погладила его шерстку.

Глава 3. Дикий остров

– Не извольте беспокоиться, ваше высокородие! – бормотал Твердолоб, вытаскивая из воды жирную тушку магистра Гнилозуба. – Сейчас я вас спасу, и надеюсь, что вы этого не забудете, когда наступит пора платить премии...

Твердолоб оказался единственным из стражников, кто не сбросил с себя медную кирасу со шлемом. Правда, спасти алебарду не удалось и ему. Волна выбросила его на берег и жестко припечатала об обломок скалы, отчего на его доспехе осталась внушительная вмятина. Но сам он оказался цел, хотя бока ныли, а на жилистых лапах виднелись синяки.

Магистру Гнилозубу повезло меньше. Волна сначала выплюнула его на побережье, но затем утащила обратно, и теперь тело его колыхалось в пенистом прибое, а сам он не подавал признаков жизни. На его счастье, жирок не позволил ему утонуть.

Твердолоб выволок магистра на сушу, бросил на песок, как мешок с зерном, и принялся делать ему искусственное дыхание. Магистр пустил изо рта струйку, вздохнул и открыл глаза.

– Что это было? – с удивлением спросил он.

– Дракон на нас сильно обиделся, ваше высокородие, – подсказал охранник. – Вот и изволил пыхнуть ноздрей, от-

чего поднялась волна.

– Что за чушь? Дракона не существует. Это сказки, которыми епископ кормит городскую чернь, чтобы она лучше слушалась.

– Сказки это или нет, а кораблик наш разнесло на куски. Вон, если изволите видеть, его остов виден вдали. И на чем же мы поплывем домой? Боюсь, как бы не пришлось нам застрять на этом острове надолго.

– А где епископ? – спросил Гнилозуб, приподнимаясь и усаживаясь на песке.

– Почему же мне знать? – удивился Твердолоб. – Я ему не нянька. Авось, и его волной выбросит. Кому он там нужен, в пучине?

Прошел целый час, прежде чем посланный на поиски Муровера охранник радостно сообщил:

– Кажется, я нашел его святейшество!

В самом деле: в густых зарослях мелькала лиловая сутана.

– Муровер! Давай к нам! – заголосил Гнилозуб.

Однако епископ не только не приближался, но, наоборот, скрылся в кустах.

– Да куда же ты? – с досадой выкрикнул Гнилозуб и погнался за ним.

Лиловая сутана мелькала среди деревьев, но догнать ее оказалось делом непростым. У епископа как будто выросли новые ноги. Он так ловко перепрыгивал через овраги и оги-

бал заросли колючек, что не верилось, будто это и вправду он.

Твердолоб бросился ему наперерез. Увидев на опушке охранника в сияющей медной кирасе, беглец в лиловой сутане остановился и замер посреди поляны, заросшей ароматной земляникой.

– Да куда же ты так убегаешь, кот тебя подери! – запыхавшись, проговорил Гнилозуб.

От бега он ужасно взопрел. Пот градом катился по его толстым бокам. Магистр подбежал к МурOVERу сзади, схватил его за плечи и развернул лицом к себе. Несколько мгновений магистр не мог произнести ни звука, а потом издал истошный вопль и со всех ног бросился наутек.

– Твердолобик, спаси меня! – голосил он на ходу. – В епископа вселился демон!

Ему было, отчего прийти в ужас: из-под надетой набедренки лиловой шапочки на магистра глянул оскаленный череп непривычно большого суслика. Под его выбеленными костями виднелась еще одна физиономия, густо поросшая черной шерстью и раскрашенная в воинственные цвета.

Под разорванной в клочья сутаной не было заметно сорочки, которую обычно носил МурOVER. Вместо нее сквозь дыры проступало голое тело, украшенное загадочными узорами, выбритыми на подшерстке. В грубой лапе, покрытой заскорузлой кожей, незнакомец сжимал самодельное копьё с наконечником из заточенной рыбьей кости.

Увидев сверкающую кирасу, он издал дикий вопль, потряс над головой копьём и помчался к Твердолобу. Охранник по привычке поискал под рукой алебарду, но вспомнил, что она утонула, и, не стесняясь, дал деру. Всего в несколько прыжков он обогнал своего хозяина и оставил его позади.

– Твердолоб, кто это? – прокричал Гнилозуб, перед которым замелькала спина его стража.

– Не знаю, но уж точно не наш епископ! – на бегу выдохнул Твердолоб.

Они выбежали на берег и припустили вдоль кромки прибоя, оставляя на влажном песке глубокие следы своих лап. Незнакомец в порванной сутане пробежался за ними, но, увидев вдали остов разбитого корабля, остановился, подпрыгнул на одной ноге и гневно потряс им вслед самодельным копьём.

– Где демон? Он все еще гонится за нами? – в панике орал магистр, пытаясь протолкнуть свою толстую тушку в дыру, зиявшую в днище бригантины.

– Не извольте беспокоиться, ваше высокородие, – успокоил его Твердолоб. – Демон отстал.

– Это не демон, – послышался мрачный голос.

Из-за корабельного остова к ним вышел Муровер. Гнилозуб едва узнал его без привычной сутаны. На епископе осталась только льняная сорочка и короткие подштанники, завязанные ниже колен тесемками. Его лицо, которое магистр

привык видеть благостным и торжественным, на этот раз было перекошено от испуга.

– Это туземец из дикого племени островитян, – продолжил епископ. – Он подобрал мою сутану, выброшенную волной.

– Ваше святейшество! – с облегчением проговорил Гнилозуб. – Мы уж и не чаяли вас увидеть. Какое счастье, что вам удалось спастись!

– Мне удалось, а вот этим беднягам – нет, – сказал Муровер, показывая на мертвые тела, раскинувшиеся на песке по другую сторону от бригантины.

– Мои стражники! – завопил Твердолоб. – Они служили со мной много лет. Вот этот был отчаянным сорванцом. А тот – увальнем, каких мало. Что с ними случилось? Неужели они утонули?

– Они не утонули, – так же мрачно ответил епископ. – Посмотрите на эти раны в их спинах. След в виде маленького сердечка. Они заколоты шпагой, и боюсь, что знаю, какой именно.

– Куда делась ваша Блиставица, магистр? – спросил Твердолоб.

– Я бросил ее на корабле, – ответил Гнилозуб. – Думал, что она пошла ко дну.

– Как видно, не пошла, – заключил Муровер. – Теперь она в лапах этого злостного еретика. Как жаль, что мы не успели скормить его дракону!

– Ничего, я с ним еще поквитаюсь, – пообещал Твердолоб.

– Никаких «поквитаюсь»! – дрожащим голосом запретил Гнилозуб. – Мы на диком острове с бандой преступников и убийц, вооруженных самым опасным оружием, какое мне доводилось держать в руках. А в зарослях нас поджидают туземцы, и как знать, не едят ли они цивилизованных крыс так же, как мы едим птенцов, выпавших из гнезда. Приказываю возвращаться в город!

– Но на чем мы поплывем, ваше высокородие? – изумился охранник. – Корабль-то сломан!

– Твердолобик, родной мой, делай, что хочешь! – взмолился магистр. – Почини его, или сооруди плот из обломков, но только увези нас отсюда! У меня шерсть дыбом встает, когда я думаю, что мне придется провести ночь в этом кошмарном месте!

Солнце палило немилосердно. Вместо потерянной в волнах шляпки Белянка повязала на голову косынку из пестрого платка, но жесткие южные лучи безжалостно жгли ее белую кожу, и она поминутно принималась жаловаться:

– Я вся обгорю! Пойдемте скорее в тень!

– Опасно! Неизвестно, кого мы там встретим! – возражал ей Ветрогон.

Трое друзей во главе с опытным шкипером шагали вдоль кромки прибоя. Высокие волны обрушивались на берег и откатывались обратно, шипя пеной. Пару раз Ветрогон накло-

нялся и выуживал из мокрой прибрежной гальки обкатанные кусочки коричневого стекла, которые он тут же заботливо прятал в сумку, висевшую у него на поясе.

– Ох, не к добру попали мы на эти дикие берега! – с тоской сообщил шкипер. – Бывалые мореходы рассказывают о них всякие небылицы, уж и не знаю, чему верить, а чему – нет.

– А что рассказывают? – дрожащим голосом спросила Белянка.

– Говорят, будто тут обитает варварское племя аборигенов-крысоедов, – с готовностью принялся вещать Ветрогон. – Будто они ловят несчастных, выживших после кораблекрушения, и скармливают древнему демону, обитающему в развалинах языческого храма. Возглавляет это дикое племя огромная великанша, у которой изо рта полыхает пламя. Муж ее – не разумная крыса, как мы с вами, а сумасшедшее животное, страдающее бешенством и занимающееся разбоем.

– Уверен, что половина этих баек – пустые выдумки, – таким же дрожащим голосом, как у подруги, заявил Тихоскок.

– Даже если и выдумки, то второй половины нам хватит с лихвой, – откликнулся мореход.

– Ой, а кто это тарашится на нас из кустов? – испуганно пискнула Белянка.

– Из каких еще кустов? – недовольно отозвался Тихоскок.

– Да вон же, смотрите, в зарослях на вершине холма мелькают какие-то тени!

Ровный прибрежный пляж уходил в гору и упирался в подножие скалистых холмов, заросших густым кустарником. Над коричневыми колючками с фиолетовыми цветками высились мангровые деревья и раскидистые пальмы, переплетенные лианами. Казалось, что продраться сквозь эту чащу невозможно, однако и в ней бурно кипела жизнь: прыгали с ветки на ветку любопытные обезьяны, лениво обвивались вокруг сучьев анаконды и истошно орали разноцветные попугаи.

– Медуза-лампедуза! Я нюхом чую, что на нас кто-то зырит! – подтвердил Ветрогон.

– Тебе голову напекло! Это, наверное, макаки. Беги и лови их, если тебе не лень, – сказал Тихоскок.

Он до того устал, что едва волочил по песку обвисший хвост, и даже шевелить языком ему было не в состоянии.

– Нам нужно линять отсюда как можно быстрее, – продолжил Тихоня. – Ума не приложу, отчего в лагуне поднялась волна. Не дракон же ее пустил, в самом деле.

– Ты не веришь в дракона? – удивленно переспросил шкипер.

– У любого явления должна быть естественная причина, – откликнулся Тихоскок.

– Дракон – и есть естественная причина! – с неожиданным раздражением выкрикнул его друг. – Иначе я проиграл спор трактирщику Вислобрюху на сто золотых, и у меня нет надежды вернуться в мою тихую гавань.

– А на чем мы вернемся? – наивно спросила Белянка. – Нас заберет какой-нибудь проплывающий мимо кораблик?

Мужчины переглянулись и не нашлись, что ответить. Но Белянка не унималась. Она принялась дергать Тихоскока за руку и ныть:

– Тихоня, скажи: нас заберут отсюда?

– Вряд ли, – признался Тихоскок. – У этого места дурная слава. Никто по своей воле сюда не заплывает.

Белянка вспомнила, что с ними случилось, и умолкла.

– Вижу лодку! – радостно выкрикнул шкипер.

И вправду: далеко впереди покачивался на волнах двухвесельный ялик, смытый с разбитой бригантины. Ветрогон сорвался с места и полез в воду, но набежавшая волна опрокинула его и выбросила на берег. Он вскочил, выплюнул пену, и принялся выжимать свою красную бандану с белыми черепами.

– Бизань-дерезань, нам до него не добраться! – с отчаянием сказал он. – Ребята, из вас кто-нибудь плавать умеет?

– А что толку? – откликнулся Тихоскок. – К ялику нужны весла. А где их теперь найдешь?

За Белянкой было не уследить: она носилась по пляжу и то окуналась в воду, то принималась собирать раковины. Тихоскок нервно огляделся по сторонам, дернул усиками и строго велел ей:

– Не отходи от меня ни на шаг!

– Не беспокойся за меня, я уже взрослая, – обиженно отозвалась девушка.

– Если ты такая взрослая, то почему тебя постоянно нужно вытаскивать из неприятностей?

– Ах, так я для тебя – неприятность? – обиделась Белянка. – Вот значит, ты как? А я и не знала!

– Перестань дуться. Я едва на ногах стою. Мне сейчас не до тебя.

– Тебе всегда не до меня. Ты ведешь себя, как пасюк! – заявила девушка.

– Если я пасюк, то тогда ты – пасючка! – запальчиво выкрикнул Тихоскок.

Белянка возмущенно надула губки и принялась ныть:

– Ветрогон! Ветрогоша! А Тихоня меня называет пасючкой! Скажи ему!

– О, нет! Я в ваши ссоры лезть не собираюсь! – шарахнулся прочь Ветрогон.

Между двумя торчащими вверх скалами открылся проход, за которым расстиралась поляна, поросшая земляничкой. Сочные ягоды выглядывали из-под зеленых листьев и соблазняли своей ярко-красной свежестью.

– Ой, как мне хочется перекусить! – воскликнула Белянка и побежала к скалам.

– Постой! – резко выкрикнул Тихоскок. – Держись рядом! Рядом, я кому говорю!

Но девушка даже не думала его слушаться.

– Ты мне не хозяин! – с вызовом бросила она через плечо и исчезла в кустах.

– Ну что ты с ней будешь делать? Совсем от рук отбилась, – бессильно махнул на нее Тихоскок.

– Вы тут отдохните, придите в себя, – поморщился Ветрогон. – А я вернусь к бригантине, поищу весла. Может, нам еще повезет...

Шкипер неспешно побрел обратно, оставляя на мокром песке цепочку следов. Тихоня беспомощно огляделся вокруг и бросил в сторону шумного моря:

– Что ж вы оставили меня одного? Вот и верь после этого в дружбу и преданность!

Однако долго предаваться унынию ему не пришлось. Подводное течение прибило ялик совсем близко к берегу, хотя неровное дно уходило из-под ног так резко, что добрести до него все равно не удалось бы. Тихоня посмотрел на густые заросли, за которыми скрылась его подруга, потом взглянул вслед уходящему шкиперу, и начал сбрасывать с себя шейный платок, рубашку и испачканную безрукавку. В конце концов он остался в одних коротких бриджах, перетянутых ниже колен тесемкой, и напоследок воткнул в песок шпагу, которой особенно дорожил.

Вода в лагуне была теплой, как будто что-то грело ее изнутри. Он сделал несколько взмахов руками и поплыл, неумело взбивая вокруг себя тучу брызг. Однако до лодки оказалось не так близко, как ему виделось. Не доплыв до

нее нескольких ярдов, он повернул обратно и начал отчаянно бороться с волнами. Его то накрывало с головой, то выносило на поверхность. Он чувствовал, что сил не хватает, и уже начинал задыхаться, когда нащупал наконец дно кончиками нижних пальцев. На берег он выбрался на четвереньках и упал на песок, стараясь отдышаться. И тут его ждала новая неожиданность: рубашки, безрукавки и шпаги на берегу не было. Вокруг того места, где он их оставил, было натоптано, но, не будучи следопытом, он не мог сообразить, то ли это следы его ушедших друзей, еще недавно носившихся тут, то ли чьи-то чужие. Лишь его шелковый шейный платок одиноко трепыхался на ветру, зацепившись за сухую корягу. Тихоня подобрал его, повязал поверх тонкой цепочки с талисманом и тревожно дернул хвостом, сметая песок у себя за спиной. В окружающих зарослях царило бурное оживление, оттуда доносились крики птиц и тревожные шорохи.

Минуту он колебался, не отправиться ли за Белянкой, но потом вспомнил, что она его бросила, и пробормотал:

– А вот погуляй там одна! Испугаешься, и сама приползешь ко мне! Будет тебе урок!

За зарослями колючего кустарника с фиолетовыми цветами Белянке открылась просторная лощина, поросшая зеленой травой. На каждом шагу из-под травинок выглядывали красные ягоды, одна слаще другой. Со всех сторон лощина была сдавлена скалами, и в глубине ее возвышались пригор-

ки, скрывавшие от глаз ее дальний конец. Но Белянка не задумывалась над тем, что прячется за холмами. Изнывая от жары и жажды, она принялась срывать сладкие ягоды и отправлять их в рот, и так увлеклась этим занятием, что не заметила, как пролетел целый час.

От кустика к кустику, от травинки к травинке она пробралась в дальний конец лощины и перевалила через скалистую возвышенность, за которой ее взгляду предстало новое поле, еще более зеленое и манящее. Посреди поля росло одинокое дерево, у которого пасся дивный олень с раскидистыми рогами.

Белянка приблизилась. Олень не испугался – он продолжал щипать травку у подножия дерева, и девушка с удивлением заметила, что он привязан к стволу веревкой, а рога его украшены плетеным венком из тех же фиолетовых цветков, которыми были усеяны все окрестные склоны.

– Ах, какой ты красавчик! – умиленным голосом заговорила Белянка. – Наверное, пить хочешь? Кто же тебя так спутал?

Она развязала веревку, петлей затянутую на шее оленя, и хлопнула его по крупу, воскликнув:

– Давай, беги! Ты свободен!

Олень недоверчиво взглянул на нее, резко скакнул и помчался к выходу из лощины, сбрасывая с рогов остатки венка с фиолетовыми цветами. Белянка рассмеялась от удовольствия и присела под дерево отдохнуть в тени. Неожиданно

из-за толстого ствола послышалось раскатистое всхрапывание.

Девушка осторожно высунулась и увидела, что с той стороны к потрескавшейся коре привалилась фигура в лиловой сутане, сжимающая в руках знакомый всему Крысиному гнезду посох с серебряным навершием в виде кусающейся головы. Тип в лиловой сутане дремал и беззаботно похрапывал.

– Муровер! – сторяча взвизгнула девушка. – Это ты собирался венчать меня с этим толстым Гнилозубом? Это ты приговорил всех нас к утоплению в Темной бездне? Да как ты после этого можешь вот так вот спокойно лежать и похрапывать?

Она вырвала посох из его рук и изо всех сил принялась колотить тяжелым серебряным навершием по бокам спящего. Тот заворочался, повернулся к ней и удивленно раскрыл глаза. Белянка, как раз замахнувшаяся, чтобы двинуть его по голове со всего размаха, удивленно вскрикнула и замерла.

Под неумело натянутой лиловой шапочкой красовался выбеленный солнцем череп огромного суслика. Из-под костяного оскала на нее глядело незнакомое лицо, поросшее густой черной шерстью. Нестриженные усы топорщились и торчали, как будто хозяин ни разу в жизни их не расчесывал. Воинственные узоры, намалеванные самодельными белилами, покрывали не только лицо, но и голое тело, видневшееся под сутаной.

– Ты кто такой? – ничего не понимая, воскликнула девушка.

– А-ой! – увидев белую крысу, завопил незнакомец.

Белянка кинула в него посохом и бросилась наутек. Незнакомец на лету подхватил тяжелую серебряную голову и пустился за ней. Выбежав из-за дерева, он заметил болтающуюся по земле веревку с распушенной петлей на конце, и издал горестный вопль.

На этот вопль откликнулись такие же голоса в зарослях, которыми были густо покрыты окрестные склоны. Из кустов и перелесков начали выскакивать черношерстые крысы. Вместо тканых бриджей, сорочек и камзолов тела их были прикрыты одними набедренными повязками, а на головах вместо шляп красовались плетенки, похожие на смешные раскрашенные конусы. В руках они сжимали дубинки и копья с наконечниками из рыбьих костей.

Горы в один миг покрылись несущимися черными точками, которые со всех сторон окружали Белянку. Увидев их, она побежала к выходу из лощины, но у нее на пути возникла фигура могучей и толстой аборигенки, чье обвислое брюхо переваливалось через плетёный пояс. В зубах воительница сжимала деревянную курительную трубку, попыхивающую огоньком. Белянка налетела на нее и со всего размаха хлопнулась о ее безразмерный живот.

– А-ой! От нас не убежишь, будь ты хоть диким опоссумом! – захохотала аборигенка, протягивая к ней когтистые

лапы.

Ее голос был хриплым, а слова она выговаривала со смешным акцентом, делавшим ее речь едва понятной. Беянка шлепнулась на траву и вскочила, но было уже поздно. Десятки лап тянулись к ней со всех сторон. В мгновение ока она оказалась спутанной по рукам и ногам. Вырваться было бесполезно: ее держали так крепко, что она едва могла шелохнуться.

– А где наш олень, которого мы собирались принести в жертву летучему упырю? – с изумлением спросила аборигенка, выпустив из пасти целое облако дыма.

– Она его отвязала и прогнала! – выкрикнул раскрашенный тип в лиловой сутане.

Толпа туземцев разразилась возмущенными воплями. Беянку начали тормошить, причиняя ей боль.

– Тише! Не рвите ее на куски! Это вам не печеный тапир, – распорядилась толстая воительница. – Нынешней ночью упырь прилетит в наш поселок. Ему все равно, из кого сосать кровь. Если он не найдет жертвы, то примется за нас. Эта чужестранка помешала нам от него откупиться. По заведенному обычаю она сама пойдет на корм демону-кровопийце!

Толпа туземцев издала торжествующий крик.

Упругие и тугие лианы извивались, как длинные змеи. Чтобы сплести из них отдаленное подобие веревки, Тихоне

пришлось разодрать кожу на пальцах и обломать пару когтей. Зато теперь он мог накинуть эту веревку на нос ялика и подтянуть его к берегу.

Пока он возился, по мокрому песку у него за спиной пробежало черное существо, бултыхнулось в воду и в несколько взмахов добралось до ладьи. Тихоскок замер, наострил ушки и насторожился. Однако ничего подозрительного вокруг себя не увидел: все так же колыхались пальмы под порывами жаркого южного ветра, все так же нещадно палило солнце, и все так же шумел прибой, окатывая берег пеной. Подобравшись к пенистой кромке воды, он заметил следы задних лап с длинными коготками.

– Ничего себе, это у меня когти так отрасли? – сказал он вслух. – Давненько я их не стриг!

Он разбежался и лихо метнул петлю в сторону покачивающейся на волнах ладьи, но тяжелая лиана не пролетела и половину пути. Он повторил попытку, и снова с тем же результатом.

– Деваться некуда, опять придется лезть в воду! – пробормотал он, взял петлю в зубы и поплыл.

Ему пришлось как следует побарахтаться, прежде чем удалось вцепиться в борт ялика. Он подтянулся на руках и полез внутрь. Неожиданно со дна приподнялось неведомое существо, покрытое черной шерстью. В лицо ему глянула страшная рожа, раскрашенная боевыми узорами.

От неожиданности Тихоня отшатнулся и плюхнулся об-

ратно в лагуну. Вода залила ему глаза, и он начал тонуть.

– Сила дня, сила ночи! – завопил он, выплевывая соленую воду. – Помоги мне!

Чьи-то цепкие лапы подхватили его и потянули к берегу.

Ветрогону пришлось излазить все побережье, прежде чем он отыскал весла, выброшенные волнами на прибрежную гальку. На его счастье, оба весла оказались целы – с них пришлось только счистить тину и водоросли. Водрузив их на плечо, мореход направился к остову разбитой бригантины, весело напевая под нос:

Я под парусом черным проплыл сто морей
Эй, трактирщик, покрепче мне пошла налей!
Я давно не бывал на твоём берегу.
О драконах и бурях спою, как смогу.

Мертвых стражников у корабля было не видно. Там, где они лежали раньше, виднелась свежевырытая могила, над которой вместо надгробия был установлен сломанный штурвал. Колыхался траурный белый флажок с черной лентой, поднятый над обломком мачты, воткнутой в песок.

Сквозь дыру в борту бригантины доносилась возня. Ветрогон спрятался за корму и перевязал потуже бандану с белыми черепами, чтобы она не слетела в самый неподходящий момент.

Из трюма на палубу выбрался здоровенный крысомуж в сияющей медной кирасе. Он с трудом поднял сорванную волной пушку и принялся устанавливать ее на борту. Дело давалось ему непросто: корабль перекосялся, и палуба сильно накренилась, так что передвигаться по ней приходилось, цепляясь за остатки рангоута.

Вслед за пушкой крыс в кирасе поднял на палубу несколько ядер и мешок с порохом. Ветрогон тихонько вскарабкался по корме и подтянул за собой весло.

Удержаться на наклонной поверхности оказалось непросто, шкипер шлепнулся и заскользил вниз по палубе. Кирасир удивленно поднял голову и зашевелил холеными усиками. Его гладкая бурая шерсть встала дыбом, и он ошетинился.

– Твердолоб, отойди от пушки! – завопил шкипер, съезжая прямо к нему по наклону.

– Еще чего! – грубо ответил тот, и принялся совать ядро в черное жерло.

Ветрогон налетел на него и со всего размаха въехал пятой охраннику в грудь. Медная кираса выдержала удар, однако сам начальник стражи не удержался и кубарем покатился вниз, к зарывшемуся в песок носу корабля.

– Ах, ты так? – взревел он, и начал карабкаться обратно.

Но Ветрогон ловко двинул его веслом по голове, отчего медный шлем издал жалобный звон. Твердолоб снова скатился по палубе и дал деру. А мореход деловито принялся

закреплять пушку и засыпать в нее порох.

Он как раз заталкивал в жерло ядро мокрым шомполом, когда начальник стражи вернулся, и не один. Из-за его красоты, пускающей солнечные зайчики, выглядывал Гнилозуб. Черные глазки магистра испуганно бегали по сторонам, а обвислые усики нервно дергались. За толстый бок Гнилозуба придерживался еще один крысомуж в рваной льняной сорочке и коротких подштанниках.

– Бизань-дерезань! – расхохотался мореход. – Какое важное начальство пожаловало! Магистр, ваш авторитет, как и туша, весит больше всего городского правления. А кто это прячется за ваши трясущиеся бока? Неужели его святейшество? Епископ, вас не узнать без сутаны и посоха. Где вы их потеряли?

– Зря издеваешься, изгой! – со злостью взвизгнул Гнилозуб. – Именем магистрата Крысиного гнезда приказываю тебе сдаться, иначе ты будешь объявлен мятежником и пиратом!

– Так вы уже приговорили меня к утоплению, и без всякого магистрата! – ответил мореход, разворачивая жерло пушки в их сторону. – В ваших лапах закон – что дышло, куда хотите, туда и воротите.

– Я десять лет был судьей, и знаю закон! – возразил Гнилозуб.

– А где проходило заседание твоего суда? – не на шутку рассердившись, выкрикнул Ветрогон. – Кто был моим адво-

катом, и какое решение вынесли присяжные?

Гнилозуб раскрыл рот, чтобы ответить, но не нашел слов и захлопнул челюсти, щелкнув зубами. Вместо него заговорил Муровер. Голос епископа был тягучим и вкрадчивым:

– Ветрогоша, не вспоминай об обидах. Восемь мудрых всем нам шлют и радости, и печали. Лучше подумай о будущем. Как ты будешь жить дальше с обвинениями в пиратстве? До конца твоих дней над тобой будет висеть угроза ареста и казни. Загладь вину: отвези нас домой, в Крысиное гнездо, и я отпущу тебе все грехи! Ты ведь знаешь, что это в моей власти!

– А в моей власти пальнуть в вас из пушки! – огрызнулся Ветрогон.

– Да что с ним разговаривать? В атаку! За мной! – не выдержал Твердолоб и полез по палубе вверх.

Гнилозуб и Муровер устремились за ним. Однако толстый магистр едва мог приподнять свою тушу, а епископ не торопился в драку, оставляя ее начальнику стражи. Но Твердолоб и один был опасным противником. Он подбирался все ближе и ближе, а Ветрогон все никак не мог высечь искру отсыревшим огнивом.

Твердолоб уже поднялся перед ним во весь рост и воздел лапы вверх, чтобы наброситься всей своей массой. И только тут Ветрогону удалось наконец поджечь порох. Из жерла пушки вылетело облако сизого дыма. Раздался оглушительный хлопок, кирасир опрокинулся на спину и засколь-

зил по палубе вниз, считая по дороге магистра с епископом. Все трое, несколько раз перекувыркнувшись, перелетели через нос бригантины и зарылись в песок.

Из жерла пушки выпало черное ядро, с грохотом ударилось о деревянную палубу и покатилося вниз, прямо к ним.

– Сейчас нас накроет! – визгливо вскрикнул Гнилозуб, привстал на четвереньки и бросился наутек.

Епископ, не оборачиваясь, припустил за ним.

– Отставить бегство! – попытался остановить их охранник. – Вы что, не видите? Выстрела не было! Порох сырой!

Но магистр с епископом его даже не слушали. Помедлив немного, Твердолоб обернулся к шкиперу, погрозил кулаком и сказал:

– Я с тобой еще поквитаюсь!

И не дожидаясь ответа, трусцой побежал за своими товарищами.

Первый раз в жизни Белянку несли на руках. Сначала она вырывалась и даже пыталась кусаться, но когда за лесистым холмом показался поселок, состоящий из нескольких десятков хижин, она успокоилась.

На пыльной площади перед самой большой хижинкой, украшенной гирляндами листьев, ей устроили настоящее чествование. На голову вместо помятой косынки возложили пышный венок из фиолетовых цветов. Белую шерстку натерли растительным маслом, от которого исходил пряный аро-

мат.

– Вы что, принимаете меня за богиню? – пискнула девушка. – Наверное, вы никогда раньше не видели альбиносок? Но у нас в Крысином Гнезде все горожане ходят с шерсткой разного цвета: у кого-то она светлая, у кого-то темная.

– Тебе будет оказана великая честь, – заверила ее толстая туземка с курительной трубкой во рту.

Незнакомец в епископской сутане приблизился и запустил лапы в густую черную шерсть своей подруги. Предводительница туземцев заржала, как лошадь, и ловко щелкнула его по костяному черепу, сбив набок лиловую шапочку.

– Это Неистовый Сусл, мой муж, – сказала воительница. – Он отведет тебя в обитель великих Предков.

– Я встречу с предками? – испуганно пропищала Беянка.

– Самих предков ты не увидишь, – заверила ее предводительница. – Они ушли жить под воду. На суше остался только их древний храм. Но и в нем тебя ждут такие встречи, которых ты не забудешь.

Воины племени дружно расхохотались. Они тут же затеяли зажигательную пляску и запели:

– Спасибо Огненной Глотке за то, что нашла нам новую чужестранку! А-ой! Теперь крылатый упырь не рассердится и не прилетит, чтобы высосать нашу кровь!

Толстая туземка довольно улыбалась и попыхивала трубкой. Ее муж неловко взмахнул широким епископским рука-

вом, и Белянку снова подхватили на руки и понесли из поселка.

Тропинка в джунглях заросла травой – как видно, пользовались ей нечасто. Заросли расступились, и Белянка увидела сооружение, какого не могла даже вообразить. Перед ее глазами уходила ввысь огромная пирамида, сложенная из гладко отесанных камней. По тому, какими ветхими выглядели ее склоны, как они заросли многолетними мхами, какими выщербленными и оббитыми были тяжелые камни, можно было понять, что построена она была в незапамятные времена.

Оказавшись вблизи этого гигантского сооружения, туземцы притихли. Они перестали петь и плясать, и даже Огненная Глотка опасливо выбила свою трубку, прекратив пускать дым изо рта.

Белянку опустили на ноги посреди площади, вымощенной гладкими плитами. В ее середине высился обелиск, вокруг которого широким кольцом были разложены каменные изображения знаков зодиака. Тень от солнца срывалась с острой верхушки обелиска и падала на эти знаки, медленно переползая с одного на другой.

– Это солнечные часы? – удивилась Белянка. – Кто их построил?

– Никто не строил, – ответила Огненная Глотка, пыхнув трубкой. – Они тут были всегда.

Белянку подвели к высокой каменной арке, тяжелые своды которой утопали в темноте. Неистовый Сусл подтолкнул ее посохом в длинный коридор, уводящий в глубину пирамиды.

– Ступай, белая няшка! Кое-кто тебя там уже ждет! – скривившись в улыбке, велел он.

– Кто меня может там ждать? – с любопытством спросила Белянка.

Все затихли и смотрели на нее с ожиданием.

– Ну ладно, ради вас я пройдусь! – заявила Белянка, и пошла по дорожке, изящно ставя ножку, чтобы показать этим дикарям, какой красивой бывает походка у цивилизованных крыс.

Со всех сторон ее окутал пещерный мрак. В глубине пирамиды было сыро и холодно. Неожиданно камни у нее под ногами разъехались в стороны, и она провалилась вниз, в непроглядную тьму. Кубарем прокатившись по крутым ступеням, она уткнулась носом в сырой мох, покрывший жесткий пол. Каменные створки над ее головой снова сомкнулись, скрыв последние отблески света.

– Где я? Куда вы меня бросили? – возмущенно заголосила она.

Однако радостное улюлюканье туземцев до нее уже не доносилось. Белянка метнулась в угол темного каменного мешка, в котором она очутилась. Откуда-то из темноты доносился звук падающих в лужу капель. Пахло затхлой плесенью и

застоявшимся перегноем. Беянка зашевелила усиками, пытаясь нащупать дорогу, но едва она сделала шаг, как под ногой что-то хрустнуло. Она пошарила по полу ладонью и обнаружила чей-то череп с обглоданными костями.

– Выпустите меня! – жалобно заголосила она. – Что я вам сделала? За что вы так со мной?

Но ей никто не отвечал. Дикари удалились, их песен и хохота больше не было слышно. Беянка съежилась, забилась в угол и от беспомощности разрыдалась.

Глава 4. Дымчатая рысь

– Нужно было показать этому пирату в бандане, кто в море хозяин! – громко сетовал Гнилозуб, продираясь сквозь заросли шипастых цветов. – Твердолоб, почему ты не осадил его? У тебя же кираса! Что он тебе сделает?

– Он стрелял в меня из пушки, – нехотя ответил охранник. – Устав не велит подставляться.

– С сырым порохом много не настреляешь! – не унимался магистр. – Чудо, что пушка не утонула. Нам нужно сматывать удочки поскорее. Этот остров не для цивилизованных горожан, как мы с вами. Чую, нас тут живьем сожрут. Посмотрите, какие вокруг хищники! Так и рыскают. Тут и птицы, и змеи. И на помощь звать некого – местные аборигены еще страшнее зверей.

– Наш бургомистр совсем мышей не ловит, – заметил епископ, плетущийся в самом хвосте. – И пиратов расплодил, и за черню не следит. Если за нами наблюдают Восемь Мудрых, то они его не одобряют. Нам давно нужен другой правитель. Порешительнее и пожестче.

Гнилозуб наострил ушки, но не показал, что ему интересно.

– Пиратов искоренить – раз, – начал перечислять Муровер. – Чернь приструнить – два. И закрыть наконец этот

омерзительный университет, этот рассадник безнравственности и вольнодумства – три.

– Я бы вас поддержал, ваше святейшество, – тут же откликнулся Гнилозуб. – От студентов одни неприятности. Но что поделать – им благоволит бургомистр. Не заменив его, мы ничего не добьемся.

– Истину молвите, чадо мое! – с энтузиазмом начал размахивать оборванными рукавами Муровер. – Городом должен управлять кто-нибудь понадежней. Допустим, Верховный Магистр. Или еще лучше – Деспот. Кто еще осмелится запретить горожанам их разнузданные песни и пляски? Кто еще прикроет их злонамеренные театральные постановки, в которых они насмеются над отцами Гнезда? Будьте уверены, магистр – если вы захотите стать Верховным Деспотом, то Святая Инквизиция окажется на вашей стороне.

Они оба остановились, переглянулись хитрыми бегающими глазками и одновременно уставились на Твердолоба. Охранник смущенно покашлял в кулак и потер усы.

– Но ведь такая диспозиция, вроде как, не по уставу? – нерешительно спросил он.

– А ты, друг мой, не хочешь стать генералом? – вкрадчиво произнес магистр. – К такому чину полагается загородное поместье и персональная пенсия по выслуге лет.

– Поместье? Наконец-то! – гаркнул охранник. – Я давно мечтал зажить барином. Да и генеральское жалованье мне не помешает.

– И ты думаешь, Серобок тебе все это даст? – с неподражаемым сарказмом спросил Гнилозуб.

– От этого болтуна не дождешься... – протянул Твердолоб.

– А вот я – дам! Конечно, если займу высший пост, – заверил магистр.

Кирасир задумчиво натянул ус на палец и покрутил его.

Под вывороченным корнем пальмы, поваленной ураганом, устроила для своих котят логово дымчатая рысь. Котят было трое, они тянули вверх свои подслеповатые мордочки и постоянно пищали, требуя еды. Однако с добычей на острове было туго: жирные копибары в мелких ручьях почти перевелись, макаки на ветках принимались истошно орать при малейшем колыхании листвы, а птицы вспархивали, едва заведев вдалеке хищника. Матери приходилось часами караулить жертву у тропинки в джунглях, ведущей к заброшенной пирамиде. Ее пятнистые бока сливались с буйной растительностью и терялись среди сплетения ветвей и листьев, кисточки на ушах, похожие на пушистые цветки, подрагивали при каждом шорохе, а большие глаза с круглыми зрачками замирали каждый раз, когда на земле становилось заметно хоть какое-то движение.

На этот раз рыси повезло: по тропе на нее надвигались сразу три жертвы, да еще такие, о каких можно только мечтать. Они вели себя неосторожно, громко хрустели ветвями

и подавали голоса, не скрываясь, так что почуять их можно было издалека. Особенно привлекательным казался толстый бурый грызун, от которого пахло сыром, копченой грудинкой и жареным салом. Он едва переставлял задние лапы, тяжело дышал и поминутно стирал со лба пот. Еще один экземпляр в болтающихся подштанниках и рваной льняной рубахе показался охотнице слишком тощим, а на третьем и вовсе виднелась какая-то броня, подозрительно поблескивающая под лучами солнца.

Дождавшись, пока они выйдут на полянку, рысь резво прыгнула с ветки и помчалась на них. Здоровяк в медной кирасе остолбенел. Он по привычке потянулся к поясу, однако никакого оружия не нащупал, и тут же без оглядки драпанул прочь. Тощий дрыщ в рваных подштанниках истошно заголосил:

– Крысолап Всемогущий, убереги от напасти!

Но охотница нацелилась не на него. Она набросилась на жирного толстяка, повалила на траву и попыталась прокусить ему горло. Однако слои жира под облезлым серо-бурым подшерстком так заколыхались у нее перед глазами, что она только ткнулась мордой в засаленную шкуру.

– Помогите! Она меня живьем жрет! – завопил бурый толстяк, разевая пасть со сверкающей золотой коронкой.

Рысь непременно прикончила бы его, но тут до ее острого слуха донеслось жалобное пищанье котят. Тощий дрыщ со страху полез головой в ее логово и наткнулся там на де-

теньшей. Снаружи остались торчать только подштанники с огромной дырой на зад. Рысь с досадой оставила поверженную добычу, вцепилась дрыщю в зад и, разъяренно урча, принялась оттаскивать его от потомства. Однако тот, вместо того, чтобы бросить все и сбежать, решил, что забиться в нору – его единственный шанс спастись, и начал еще отчаяннее карабкаться внутрь, дико вопя:

– От зверя лютаго, крысоеда безжалостнаго, защити мя, Крысолапе, государь мой подземный!

И тут рассердившаяся не на шутку мамаша почувствовала, что кто-то дернул ее сзади за короткий хвост. Обернув морду, обрамленную шерстистыми бакенбардами, она с удивлением увидела, что здоровяк в медной кирасе пытается оттащить ее от злостного нарушителя. Глаза кирасира ошалело вращались и лезли от ужаса из орбит, густые усы на морде колыхались, как от порывов вихря, но все же, преодолевая врожденный страх перед кошачьими, он исполнял свой долг и старался если не победить, то хотя бы продемонстрировать, что борется за начальство.

С точки зрения рыси, это была запредельная наглость. Дергать себя за хвост она не позволила бы даже слону. А этот мордатый крыс, хоть и был покрупнее обычных черношерстных туземцев, каких она встречала уже не раз, но все же выглядел в ее глазах всего лишь добычей, обреченной на съедение. Она отпустила подштанники вопящего Муровера и набросилась на Твердолоба. Когти, зубы и кулаки ему не по-

могли – без привычной алебарды даже он оказался беспомощен. Однако прокусить его сверкающую кирасу не удалось и опытной охотнице – она только процарапала борозду на ее медной поверхности и едва не сломала зуб.

Тощий крикун в подштанниках вылез из логова и сломя голову бросился назад по тропе, призывая на помощь какую-то Крысодеву, которой, как чуяла рысь своим острым чутьем, в окрестностях точно не пахло. Обезумевший бурый толстяк влетел в колючие заросли и полез напролом к пирамиде, очертания которой проступали сквозь листья деревьев. «Ничего, ты еще не знаешь, кто поджидает тебя во мраке этого каменного лабиринта», – мстительно подумала охотница. А стражник встал на четвереньки и принялся улепетывать прочь, притворяясь мелкой сошкой и стараясь казаться как можно незаметнее, хотя его медная кираса сверкала, как зеркало, а свалившийся с головы шлем повис на ремешках и гремел, ударяясь о землю. Но рыси в эту минуту было не до них. Она бросилась в логово, пробралась к котяткам и принялась изо всех сил облизывать их, придирчиво глядя, не причинили ли им вреда эти безумные, сумасбродные, оголтелые незнакомцы.

Их суматошные крики затихли вдали. Рысь высунула из логова морду, втянула ноздрями воздух, пытаясь уловить запах добычи, и подумала: «Ничего, я еще поохочусь! Не вы, так другие сегодня мне еще попадутся!»

Гнилозуб продрался сквозь заросли, оставив на жестких колючках немало клочков бурой шерсти. Остатки его темно-синего бархатного камзола изодрались окончательно, шляпа с роскошным лисьим хвостом потерялась еще при кораблекрушении, а парик смыло волной. Он задыхался и не мог больше бежать. Перед глазами плыли темные круги, перемешанные с оранжевыми пятнами от жарких, полыхающих лучей полуденного южного солнца. По счастью, на пути его оказалась каменная скамеечка с рельефным изображением двух рыб, на которых он не обратил внимания. На скамеечку падала тонкая тень от острого обелиска, но ее было недостаточно, чтобы укрыться от зноя, и магистр, превозмогая ломоту и одышку, побрел к горе, возвышавшейся впереди. Рассмотреть эту гору ему не удавалось из-за пляшущих перед глазами кругов, да и интереса рассматривать достопримечательности у него не было никакого.

Подножие горы оказалось прямым и ровным, как будто его вымеряли по натянутой струнке. Искать местечко попрохладней приходилось едва ли не наощупь, и в конце концов магистр ввалился в холодную темную пещеру, пол в которой, однако, был гладким и ровным. Задумываться над особенностями рельефа ему даже в голову не пришло, и он полез в темноту, стараясь убраться подальше от хищников, охотников и диких туземцев, которые на этом чудовищном острове попадались на каждом шагу. Чем дальше он уходил вглубь пещеры, тем сильнее сгущалась тьма в ее бесконечном про-

ходе, и тем громче раздавалось гулкое эхо его шагов.

Сделав очередной шаг, он вдруг почувствовал, что каменные плиты под ногами задрожали и начали разъезжаться в стороны. Он не успел понять, что происходит. Под ним разверзлась зияющая пустота, и магистр провалился в дышащий гнилью и холодом мрак.

Тихоскок потерял счет десяткам невысоких хижин, стены которых были сплетены из хвороста и обмазаны глиной. Из проемов, завешанных ветхими циновками, выглядывали чумазые дети и тарачились на чужака, которого Огненная Глотка и Неистовый Сусл вели к центральной площади поселка.

Посреди площади уже высился длинный шест, с которого свисали гирлянды фиолетовых цветов. Такие же гирлянды болтались на черных телах туземок, и кроме набедренных повязок, это была единственная одежда, которая их прикрывала.

Тихоскока затащили на грудь хвороста и вмиг привязали к шесту веревками. Тело его натерли каким-то пахучим маслом, а на шею повесили гирлянду из ярких цветов. Судя по тому, как ловко и слаженно действовали туземцы, это дело было им хорошо знакомо.

– Вы что, собираетесь меня сжечь? – обеспокоенно дергая хвостом, спросил Тихоскок.

В ответ аборигены дружно расхохотались.

– Не бойся, если тебе и суждено отдать свою жизнь, то не на костре! – с ухмылкой ответила Огненная глотка, выпустив изо рта облако дыма. – Сегодня в полночь у нас большой праздник – Пир упыря, и ты на этом пиру – главный гость.

– Хорошо же вы принимаете гостей! – посетовал Тихоня. – Так меня напугали, что сердце в пятки ушло.

– Бояться нужно не крыс, а летучего кровососа, – возразил ему вождь с черепом суслика на голове. – Он обитает в Доме великих предков и сторожит ключ от их города.

– Города предков? – воскликнул Тихоня, мгновенно забывая про все свои страхи. – Вы знаете, где он? У вас ключ от него?

– Давным-давно Предки ушли жить под воду, – начала рассказывать Огненная Глотка, попыхивая трубкой. – Они завещали народу Огненных Крыс сторожить их храм. К ключу они приставили летучего упыря, который высосет кровь из любого, кто попытается завладеть драгоценностью. Этот упырь живет во тьме храма и не переносит солнечного света. Но раз в месяц, в полнолуние, он вылетает из храма и нападает на наше племя. Он сосет кровь из всех, кто попадет к нему под крыло – из стариков, женщин и даже из малых детей. Утолить его голод может лишь жертва.

– А почему предки ушли жить под воду? – выкрикнул Тихоскок, пропуская мимо ушей все, что касалось жертвы.

– Раньше они жили на суше, – взял слово Неистовый Сусл. – Их город был полон сокровищ, шпили их зданий ца-

рапали облака. Но они разгневали древних богов, и те напустили на Предков чудовище. Из глубин Темной бездны поднялся великий дракон и хвостом расплескал воду. Поднялась огромная волна, она нахлынула и затопила город, который ушел на дно. С тех пор Темная бездна бурлит, а со дна ее поднимаются пузыри.

– Это не та самая Темная бездна, которая находится в центре здешней лагуны? – выкрикнул Тихоскок.

– Да, город Предков спрятался на ее дне, – подтвердил вождь. – А народ Огненных Крыс сторожит его вечный покой.

– Бр-р-р! – Тихоню передернуло от неприятных воспоминаний. – Меня и моих друзей едва не утопили в этом Глубоководье. Нас даже собирались скормить дракону, живущему на глубине, но я не верил в его существование.

– А-ой! Дракон знаком нам лучше, чем хвост горбатого агути, – испуганно проговорила Огненная Глотка. – Он охраняет покой затонувшего города. Иногда он показывает на поверхности голову с костяным гребнем, и тогда мы бежим в горы, чтобы он не достал нас.

– Вот это новость! – ошеломленно проговорил Тихоня. – Как же добраться до города? Я нашел способ, как дышать под водой с помощью колпака и насоса, изобретенного древними мастерами. Но спастись от дракона не умели даже они.

– В город нельзя попасть без ключа, – заметила предводительница. – А ключ под защитой летучего упыря. И лучше

этого упыря не будить, иначе он высосет кровь из всех, кто попадет ему на зубок.

При этих словах гомон туземцев затих, все втянули головы в плечи и съежились.

– А чего нам бояться? – весело воскликнул Неистовый Сусл, стараясь подбодрить соплеменников. – Хоть сегодня и полнолуние, но мы будем спать без тревоги. Упырю принесли жертву, и он должен быть сыт.

– Что за жертву? – насторожился Тихоня.

– Белую чужеземку, – пыхнув трубкой, ухмыльнулась Огненная Глотка. – Она совершила ужасное святотатство: отвязала и выпустила жертвенного оленя, которого мы специально приготовили демону на прокорм. Вот ей и пришлось его заменить.

Окружающие туземцы дружно расхохотались.

– Белую чужеземку? – взвизгнул Тихоскок, безуспешно пытаясь высвободить запястья из веревок, которыми они были опутаны. – Вы принесли в жертву какому-то упырю мою Белянку? Развяжите меня! Верните шпагу!

Неистовый Сусл переглянулся с Огненной Глоткой, коварно улыбнулся и произнес:

– Зачем тебе оружие? Ты не охотник, а дичь. Если летучий демон не насытится жертвой, то прилетит сюда. И первое, что он увидит – будет вкусная крыса, привязанная к шесту. Упырю нужен пир, а ты – его угощение.

– Прилетай, демон ночи! Кушать подано! – засмеялась Ог-

ненная Глотка, пыхнув трубкой.

– Сила дня, сила ночи! – завопил Тихоскок, подбородком пытаюсь дотянуться до своего талисмана. – Чтоб на вас всех напала орда диких хищников! Чтоб вас слопали лисы, кошки и коршуны! Чтоб клыки их вспороли твое толстое прокуренное брюхо и вытянули тебе кишки, пока зенки твои вылезают из орбит от боли!

Пока туземцы смеялись, слушая его отчаянную ругань, он раскачал талисман на цепочке, поддел его носом и подбросил вверх. Серебряный лик луны перевернулся в воздухе и сменился золотым ликом солнца, сверкнувшем лучезарной короной под ярким полуденным светом.

И тут же на площадь упала тень. Из густой кроны раскидистого дерева выпрыгнула гибкая рысь с кисточками на ушах. Не обращая внимания на Тихоскока, судорожно бьющегося у шеста, она бросилась на толпу туземцев и принялась ловить их, придавливая лапой к земле. Черношерстые аборигены издали панический вопль и бросились разбежаться. Высокий мускулистый воин с устрашающей раскраской собрался с духом и подскочил к рыси с копьем, пытаюсь ткнуть ее в морду, но та грациозно изогнулась, подпрыгнула и обрушилась на него сверху. Неистовый Сусл сорвал с головы костяной череп в епископской шапочке и швырнул в зверя, попав прямо по носу. Рысь отвлеклась от жертвы и принялась терзать лиловую ткань, но вскоре опомнилась и вновь ринулась в нападение.

– Что, получили? – орал Тихоскок, заходясь от восторга. – А ну, кошечка, порви их на части! Глотай их, и даже не думай разжевывать! Когтями дери их, когтями!

– Чему ты радуешься, глупый опоссум? – прокричала Огненная Глотка, мечущаяся по площади из стороны в сторону. – Она и тебя сожрет!

– Ну и пусть! – заливаясь от смеха, завопил Тихоскок. – Зато и вы все, размалеванные поганцы, не уцелеете! Если мы содохнем все вместе, то я согласен! Но сначала я хочу увидеть, как ваша кровь зальет площадь!

Мускулистый воин, придавленный рысью, поднялся и метнул в нее копьё. Наконечник из рыбьего зуба вонзился в гладкую шерсть, животное жалобно взвизгнуло и метнулось в сторону. По пути оно налетело на воткнутый в землю шест и сбilo его. Тихоскок покотился по рассыпавшемуся хворосту. Его связанные лапы соскочили с кончика дерева. Он воздел их в воздух и победоносно заголосил:

– Я освободился! А ты, зверюга, лови их! Еще, еще!

Однако рыси было уже не до охоты. Она торопилась убраться подальше илизать рану. Растерянные воины опомнились и погнались за ней из поселка. В мгновение ока площадь очистилась от народа. Огненная Глотка стояла на четвереньках и искала в пыли выпавшую трубку. Тихоскок подбежал к ней, засадил ступней в полный зад и воскликнул:

– Вот тебе, вонючая падаль! Тебя даже хищники брезгают жрать, до того ты пропитана куревом!

Предводительница опрокинулась и распласталась в пыли. Тихоскок выудил из грязи трубку и изо всех сил двинул туземку по голове, отчего деревянная шейка трубки треснула и разломилась.

– Здоровее будешь! – сказал он, бросая обломки в лицо атаманше, после чего припустил со всех ног в сторону, прямо противоположную той, откуда доносились вопли воинов, борющихся с раненой рысью.

Гнилозуб попытался зацепиться за разъехавшиеся плиты, но его ладони соскользнули с холодных камней, и он рухнул в кромешную темноту. Его жирная тушка прокатилась по крутым ступеням и со всего размаха уткнулась в светлый пушистый комок, из которого исходили судорожные всхлипывания. Подумав, что перед ним какой-то неведомый хищник, во тьме поджидающий жертву, магистр ощетинился, выставил вперед когти и отчаянно завопил. Однако когти его лишь расцарапали тонкую белую шерстку, которую встретили на пути. Неведомый хищник вскочил на задние лапки и тоненьким крысиным голоском заверещал:

– Помогите! Не надо!

– Ты кто? – опешив от неожиданности, выпалил магистр.

– Я – альбиноска, – ответил хищник.

– Ах, альбиноска? – пришел в ярость магистр. – От тебя одни беды! Это ты довела меня до белого каления! Из-за тебя я оказался в этой дыре!

И он набросился на Белянку, пытаясь вцепиться покрепче и придавить ее к стенке. Девушка дернулась и вырвалась из его лап, однако клочок ее шерстки остался у магистра в кулаке.

– Стой! – завопил Гнилозуб, бросаясь за ней.

Белянка метнулась в дальний конец темного зала. Ощупывать путь во тьме усиками она не успевала, поэтому неслась наугад. Под пятками хрустели чьи-то кости, однако обращать на них внимание было некогда. Едва не врезавшись в пару массивных колонн, поддерживающих потолок, Белянка пронеслась в дальний конец зала и заметила слабый лучик, пробивающийся откуда-то издалека.

Она побежала к этому лучику, струящемуся по узкому коридору. Коридор неожиданно кончился, и она оказалась в тесной камере, слабо освещенной дневным светом. Свет пробивался сквозь щель в двух перекошенных валунах, за которыми виднелась площадь с солнечными часами.

Белянка отчаянно принялась ощупывать стены, однако выхода из этой каморки не находилось. Она попыталась протиснуться в щель, за которой сиял яркий свет, но просунуть в нее удавалось разве что хвост. За спиной ее раздалось хриплое сопение. Запыхавшийся магистр влетел в камеру и остановился, подслеповато глядя на солнечный луч.

– Что, попалась? – торжествующе спросил он, протягивая к ней потные ладони.

– Отстань от меня! – взвизгнула девушка.

– Вот спущу шкуру – тогда и отстану! – пообещал Гнилозуб.

– Посмотри, сколько вокруг костей! Этих крыс сюда загнали так же, как нас. И они не смогли выбраться. Ты тоже хочешь остаться тут навсегда?

– Я хочу показать народу твою белую шубку, иначе конкуренты разорят меня почище неурожая, – пытаюсь отдышаться, проговорил магистр. – В городе все должны знать, что я не позволю себя унизить.

Гнилозуб начал надвигаться на девушку, пытаюсь зажать ее в углу. Беянка попыталась проскочить мимо его заплывшего жиром бока, но магистр цепко ухватил ее и попытался прижать к себе. Громко ойкнув, Беянка с силой толкнула его в грудь, едва прикрытую порванным бархатным камзолом. Магистр отлетел к входу и ударился задом о замшелый камень, выпирающий из стены.

Камень вдавился в ровную поверхность стены, и тут же потолок как будто сорвался с места. Тяжелая плита с острыми каменными сосульками рухнула и понеслась прямо им на головы. Однако перекосившиеся валуны в основании пирамиды задержали ее, и она начала медленно ползти вниз, издавая режущий слух скрежет. Одновременно с этим створки дверей в камеру начали съезжаться, угрожая отрезать пленников от коридора. Гнилозуб мгновенье соображал, куда деться, а потом ловко юркнул в темную щель между движущимися створами. Беянка попыталась выскочить следом за

ним, но дверцы сомкнулись прямо у нее перед носом.

Каменная плита медленно напозала, целя острой сосулькой ей в голову. Белянка заметалась, пытаясь нащупать выход, но никакого просвета в каменных стенах не находилось. В тесной камере, пространство которой стремительно сокращалось, она осталась одна.

Тихоскок выскочил из зарослей, споткнулся о длинный древесный корень, выбившийся из-под земли, и растянулся на каменной плите, поросшей мхом. Носом он чуть не ударился о четырехугольный алтарь, возвышающийся над ровной поверхностью площади. Приподнявшись, он увидел, что алтарь представляет собой вытесанный из гранита постамент с рельефным изображением барана со скрученными рогами и пышным руном. Еще одиннадцать таких же постаментов с фигурками располагались по кругу. Тень от острого обелиска падала на изображение пары смешных человечков, сползая с них в сторону гранитного рака.

Но самым потрясающим оказалось сооружение, возвышающееся по ту сторону площади. Огромные, гладко отесанные валуны были сложены в настоящую каменную гору. Склоны ее образовывали идеально ровную пирамиду со скошенной вершиной, на которой располагалась площадка с развалинами древнего храма. Основание пирамиды было квадратным, и каждая сторона этого квадрата тянулась не меньше, чем на сотню крысиных ярдов.

Тихоня задрал голову, чтобы рассмотреть вершину. Если бы у него была шляпа, то она съехала бы с затылка – жаль, что он потерял ее во время бури в лагуне. Никогда еще он не видел ничего подобного: у крыс не было принято строить такие массивные исполины, да и поднять такие тяжелые валуны можно было лишь с помощью хитрых конструкций и блоков.

Он прошлепал босыми пятками по каменным плитам и приблизился к арке, наполовину ушедшей в землю. Темный коридор уводил в глубину пещеры. Из него веяло затхлой прохладой и плесенью. Тихоня дотронулся до поверхности камня, обточенного дождем и ветром – он был ветхим, но прочным.

– Кто мог построить этого монстра? – вслух проговорил Тихоскок. – Крысе разумной при всех ее способностях такое не под силу. Эти огромные валуны могли поднять разве что сказочные великаны. Или великие колдуны, потому что это сооружение – настоящее чудо!

Он оглянулся на площадь, оставшуюся у него за спиной. Стрела обелиска отбрасывала тень на двенадцать каменных постаментов, на каждом из которых виднелось изображение одного из знаков зодиака.

– Вот этот, с двумя человечками – Близнецы! – догадался Тихоня. – Тот, с бараном – Овен, после него – Телец, вот тут – Рак и Лев. Тень сползла с Близнецов и покатилась к Раку. Близнецы – третий знак, Рак – четвертый. Это значит,

что сейчас три часа дня с небольшим, и всего шесть часов остается до захода солнца. Но что это мне даст? Как поможет найти Белянку? Только бы она не оказалась в этой чудовищной пирамиде – наверняка в ней устроена целая сеть хитрых ловушек!

Он заглянул в темный проем древней арки и крикнул:

– Белянка, ты здесь? Отзовись!

Звук его голоса разнесся по коридору гулким эхом и затерялся в невидимой тьме.

– Ти-и-ихоня! – послышался ему слабый возглас.

Он завертел головой, не в силах сообразить, то ли его рваное ухо и вправду что-то услышало, то ли он настолько испереживался за девушку, что теперь ему мерещится ее голос. Но больше знакомого голоса не было слышно.

– Белянка, держись! Я иду к тебе! – закричал он и бросился по коридору прямо в темноту.

Однако не успел он пробежать и десяти шагов, как налетел на что-то теплое, дряблое и колышущееся, как желе.

– Ай, собачьи потроха! – взвизгнул знакомый голос. – Кто это бродит тут в темноте?

– Гнилозуб! – взревел Тихоня. – Как ты тут оказался, кусок недожаренного сала?

– Опять ты, студент-недоучка? – со злостью ответил магистр. – Когда тебя наконец пустят на фарш?

Они вцепились друг в друга и покатались по холодному полу, яростно нанося удары. Хвосты их со всего размаха хле-

стали о плиты, шерсть встала дыбом, усы ходили ходуном, но оба противника едва могли разглядеть друг друга и не видели, куда бить, так что удары их сыпались куда попало. Наконец, Тихоскок оседлал толстого олигарха, навалился ему на грудь и придавил спиной к полу.

– Сейчас я тебя разделаю, как жареную перепелку! – выкрикнул он, пытаясь вцепиться противнику в горло.

Гнилозуб почуял опасность, схватил его за руки и принялся отводить их, вопя:

– Вот ты тут сидишь на мне, а твою подружку сейчас давит в лепешку!

– Кто давит?

– Каменная плита! Наползает ей прямо на голову! Ты придешь, а ее в блинчик раскатало! Сложишь в рулон белую шерстку и повесишь на стене вместо коврика!

– Что ты такое несешь, толстый боров? – вне себя заорал Тихоскок и принялся молотить его, куда попало.

– Тихо-о-оня! – донесся до его слуха слабый голосок.

Он остановился, слез с охающего магистра и прислушался. Его порванное ухо наострилось и встало торчком.

– Белянка! – тихонько сказал он, пнул напоследок магистра пяткой и выскочил на улицу.

Звуки знакомого голоса раздавались все ближе и ближе. Через несколько шагов он обнаружил узкую щель между двух валунов, сдвинутых землетрясением.

– Ты там? – закричал он, припадая к щели.

– Тихоня, спаси меня! – отчаянно зарыдала Белянка. – Я в каменном мешке! На меня падает потолок!

– Что значит «падает»? – не понял Тихоскок.

– Тут наверху каменная плита с острыми сосульками, – принялась голосить девушка. – Она должна была свалиться и раздавить меня в один миг, но стенки перекошились, и от этого она не падает, а тихонько сползает. В любом случае, через четверть часа от меня останется мокрое место. А я не хочу быть мокрым местом! Я альбиноска! Таких, как я – раз, два, и обчелся!

– Лезь ко мне! – предложил Тихоскок.

Он не мог сообразить, как помочь подруге, и от этого приходил в полную панику.

– Да я даже пальца просунуть в эту щель не могу! – заголосила Белянка.

– А хвост можешь просунуть?

Белянка сунула в щель свой хвост, но только самый край его кончика показался из-за массивных камней. Тихоскок вцепился в него когтями и изо всех сил потянул на себя.

– Ай! – завопила Белянка. – Мне больно! Тихоня, ты его оторвешь!

От неожиданности он отпустил его, и хвост тут же исчез.

– Извини! Я пытаюсь тебе помочь!

– Оторвав мне хвост еще до того, как меня раздавит? – возмущенно пропела его подруга. – Так ты за ловушку полдела проделаешь!

– Держись! Я иду к тебе! – крикнул Тихоня, и бросился к арке.

– Быстрее! Я долго не продержусь! – взвопила Белянка.

У входа в пирамиду его поджидал Гнилозуб. Магистр был подозрительно спокоен: он стоял, сложив лапы на дряблой груди и прикрывая дыры в бархатном темно-синем камзоле. Тихоня не обратил внимания на его подозрительное поведение и заорал:

– Опять ты? Лучше уйди! Мне не до тебя!

И Гнилозуб в самом деле отступил на шаг в сторону. Однако из-за его толстой туши тут же показалась сверкающая медная кираса с глубокими вмятинами, искажившими гравированное изображение в виде двух стражей, скрестивших алебарды перед городскими воротами.

– Ох, только не сейчас! – воскликнул Тихоня в сердцах.

Главный стражник протянул к нему свои длинные лапы и произнес:

– Вот ты и попался! Тут я с тобой и разделаюсь!

– Нет времени! У Белянки осталось всего десять минут с тонким хвостиком! – взвизгнул Тихоня.

– О да, у тебя отличное чувство времени, как и у любой крысы разумной, – расхохотался начальник охраны. – А сколько минут у тебя ушло на каждого из моих стражей? Старина Пешедрал прослужил со мной восемь лет, а капрал Безобраз – все шестнадцать. Твоя шпага оставила дырки в их спинах. Ты колот их сзади, как трусливая мышь. Думаешь,

можно убить, кого хочешь, и тебе ничего за это не будет?

– Я раскаиваюсь в этом ужасном поступке, – сбивчиво заговорил Тихоскок. – Я был не в себе и не ведал, что творил. Но сейчас лучше меня не задерживай. Белянка на волосок от гибели, а ты встал между ней и мной.

– Ты все еще приговорен к смерти, да и твоя бесцветная подружка тоже! – взревел кирасир. – Вы уже накосячили столько, что пощады не будет. Так что считай это казнью.

– Ах ты, тварь в медной шкуре! – заорал Тихоскок и бросился на охранника.

Он попытался садануть его кулаком прямо в длинную усатую морду, но не дотянулся, потому что даже в тяжелой кирасе Твердолоб был заметно выше его. Вместо этого охранник ловко поддел его ударом под дых, и Тихоня загнулся от боли. А Твердолоб уже валил его в пыль и начинал обрабатывать коленом, а после и пятками.

Тихоня и глазом моргнуть не успел, как оказался распротерт на гладких камнях. Удары сыпались на него со всех сторон. С каждым новым попаданием ему становилось все хуже и хуже, и он почувствовал, что еще чуть-чуть – и наступит отключка. Собрав последние силы, он поднялся на четвереньки и бросился наутек. Твердолоб вцепился ему в хвост и попытался удержать, но Тихоня рванулся и выдернул гладкий кончик из шершавой лапы охранника.

– Догони его! Догони и прикончи! – визжал Гнилозуб за спиной кирасира.

Но Твердолоб и не подумал выполнять распоряжение магистра. Бой в тяжелой кирасе утомил его, он запыхался и принялся стирать с лица пот, ручьем текущий из-под блестящего шлема.

Тихоня ворвался в колючий кустарник и бросился напролом, оставляя на жестких шипах под фиолетовыми цветами ключья серой шерсти. Упругие ветви хлестали его по лицу, он путался в лианах и спотыкался о корни раскидистых южных деревьев. Макаки, размерами чуть ли не больше его самого, суматошно носились по ветвям, а растревоженные попугаи дико орали над головой. Наконец, он выбрался на тропинку, хлопнул ладонью себя по лбу, причинив боль от колючки, вонзившейся в ладонь, и воскликнул:

– Белянка! Остается всего пять минут!

В каждой Крысе Разумной сидят тикающие часы, и она лучше всякого секундомера чувствует, сколько времени прошло. У Тихони же этот дар был развит намного сильнее, чем у других: еще во время занятий в университете он всегда точно знал, сколько осталось до перемены.

И тут до него донесся звук чьих-то шагов. Мелькнула мысль, что это идут туземцы, чтобы поймать его, и он метнулся прочь, но тут же остановился. Опытные аборигены не ступают так громко, ломая ветки и хрустя хворостом. Они не ругаются словами «демон небесный», попадая ногой в яму, и уж совершенно точно не напевают себе под нос «восемь мудрых чудо-крысдохлый котвчеразагрыз...» с чистым сто-

личным выговором.

Тихоскок развернулся, упер кулаки в бока и уставился в дальний конец тропы. Из-за поворота к нему выбрался шатающийся Муровер. Выглядел епископ жалко: вместо привычной сутаны на нем болтались подштанники с рваной льняной рубахой, а голова и вовсе осталась непокрытой, так что его святейшество было трудно узнать. Однако тут, посреди джунглей, вряд ли кто-то еще так резко впал бы в ступор при виде Тихони и так громко сказал бы: «чтоб дератизатор тебя потравил!»

До неминуемой гибели Беянки оставалось всего три минуты, когда Тихоня выволок за шкуру упирающегося епископа, ткнул его носом в замшелый валун в основании пирамиды и заголосил:

– Вот тебе доказательство существования предков! Смотри, и не смей воротить свой епископский нос! Кто построил этот гигантский храм? Кому было под силу поднять эти исполинские камни?

– Отпусти меня! Ты ничего не понимаешь! – визжал его святейшество, морда которого уже покрылась синяками от столкновения с камнем. – Цивилизация древних людей – секрет, который наш Орден хранит в тайне уже много веков. Простонародье не должно о нем знать. Крыса Разумная – единственный венец творенья Вселенной. Все, кто жил на планете до нас – не в счет!

– Так ты все знал? – от изумления Тихоня прекратил тыкать епископа в каменный уступ. – Ты знал и скрывал?

– Это записано в Книге Тайн, – нехотя произнес Мурвер. – Людей создали небесные демоны, а не подземные божества. Они принадлежали к вымершему виду Homo Sapiens и походили на уродливых обезьян. Возгордившись, они возомнили себя богами, но оказалось, что гордость их велика так же, как глупость. Люди сами выпустили наружу стихии, которые их погубили. На них обрушился всемирный потоп и затопил их города. Теперь все, что от них осталось – это осколки стеклянных сосудов, которые вода обкатала так, будто это драгоценный янтарь.

– И ты мог приговорить меня к казни, хотя знал все это? – вскипел Тихоскок. – Ты намеренно лгал, а меня собирался убить за правду?

– Ты не ведаешь, что творишь! – страстно вскричал Мурвер. – Ты ужаснулся бы, если б узнал, какими на самом деле были те твари, которых ты называешь предками. Крысы они ненавидели и пылали к ним лютой ненавистью. Они травили нас ядами, напускали на нас кошек, изобретали хитроумные ловушки и западни. Всюду, где они нас встречали, они старались нас уничтожить, и если бы им это удалось, то ни одной крысы не сохранилось бы на всем белом свете. Это они придумали дератизацию, и это из их числа был тот самый Дератизатор, который вернется в конце веков и вычистит крыс под корень. Вот кому ты поклоняешься, вот кого

хочешь найти!

– Ах ты, мышинная лихорадка! – зашелся от гнева Тихоскок. – Ведь ты пытался утопить не только меня, но и Белянку! Кстати, Белянка! Она погибает из-за тебя и твоего жирного олигарха. У меня еще есть шанс спасти ее, и ты мне поможешь!

Он схватил Муровера за шкуру и мимо солнечных часов с их торчащим обелиском, тень от которого уже подбиралась к каменному знаку рака, потащил его к арке. На пути его выросла толстая туша магистра, но она его не смутила. И лишь когда солнечный зайчик, пущенный начищенной до блеска кирасой, ударил ему в глаза, он остановился, подтянул за шиворот епископа и прокричал Твердолобу:

– Пропусти меня в пирамиду, иначе я придушу этого гнилого святошу!

– Еще чего! – издевательски ответил охранник. – Я тебя по-любому разделаю, и его святейшество мне нисколько не помешает.

– Ты думаешь, я шучу? – закричал Тихоскок.

Он похолодел, думая, что его трюк не сработал, и кирасир сейчас и вправду набросится на него, не обращая внимания на заложника. Однако тут он услышал вкрадчивый голос, колеблющийся, как слои жира на толстых боках:

– Твердолоб, пропусти этого доходягу. Жизнь епископа нам дороже мести, не правда ли, ваше святейшество?

Охранник недовольно оглянулся на Гнилозуба, но спо-

ритель не стал и отошел в сторону. Тихоскок резко толкнул задыхающегося Муровера в объятия магистра, а сам бросился в темноту под высокими сводами арки.

Коридор уходил в долгий пещерный мрак. Эхо его шагов гулко отражалось от стен и усиливалось, отчего порванное ухо нервно прыдало и прижималось. Однако позади вскоре послышалось такое же, только еще более сильное эхо. Оглянувшись, Тихоня заметил на фоне далекого отсвета арки высокую фигуру, раздутую, как бочонок – это был силуэт знаменитой кирасы Твердолоба, которую горожане Крысиного гнезда узнавали издалека.

– Ах ты, кот тебя подери, что ж ты увязался за мной? – с досадой выкрикнул Тихоскок, прикидывая в уме, сколько времени осталось у Белянки.

По всему выходило, что от силы одна-две минуты. Он резко остановился, обернулся и выкрикнул:

– Твердолоб, дай мне время! Обещаю, что после вернусь.

Гулкое эхо разнесло его голос под сводами.

– Тут во тьме много обглоданных костей, – расхохотался в ответ кирасир. – Если добавить твои, то после никто не найдет.

– Здесь во тьме целый лабиринт. Я не успею найти мою девушку, – взмолился Тихоня.

– И не нужно. Она тоже отсюда не выйдет, – прокричал стражник.

– Сила дня, сила ночи! – прошептал Тихоскок, крепко

сжав талисман и отступая подальше во мрак.

Твердолоб потерял его из виду. Он со всех ног мчался вперед, уверенный в своем превосходстве над тощим ботаником из университетской общаги. Неожиданно из темноты высунулась худая нога с аккуратно подстриженными коготками и поддела его под коленку. Охранник споткнулся и кубарем полетел в темноту. Он еще не окончил кувыркаться, когда каменные плиты под его грохочущей кирасой разъехались в стороны, и он рухнул вниз, в глубокий подвал.

– Что, съел? – победно закричал Тихоскок, выпрыгивая вслед за ним из темноты.

Однако стоило ему сделать шаг за противником, как ступня его, не найдя привычной опоры, ушла в пустоту, и он сам покатился вниз по ступеням вслед за грохочущим стражником. Они оказались на полу одновременно, но у Тихони не было времени раздумывать. Пока Твердолоб возился во тьме, пытаясь подняться и потирая ушибы, Тихоня ринулся к слабому лучику света, едва пробивающемуся из дальнего коридора.

– Тихо-о-оня, спаси! – доносился оттуда тоненький голосок.

Однако кирасир и не думал от него отставать. Он быстро оправился и ринулся вдогонку. Не обращая на него внимания, Тихоскок промчался по темному коридору, добрался до слабого лучика, едва пробивающегося сквозь сомкнутые створы каменной дверцы, и закричал:

– Белянка, ты там?

– Я лежу на полу! – задрожал в ответ знакомый голос. – Верхние шипы уже царапают мою шерсть. Еще чуть-чуть, и меня проткнет насквозь.

– Я сейчас! – жарко зашептал Тихоскок, лихорадочно ощупывая стены. – Я спасу тебя, обещаю! Только не шевелись! Тут должен быть какой-то механизм, ведь кто-то же взводил эту ловушку!

Неожиданно сзади на него обрушился сокрушительный удар нижней лапой. Это Твердолоб подкрался из темноты и саданул его пяткой. Тихоскока бросило на стену и ударило грудью о странный выступ, похожий на выдвинутый камень. Камень вдавился в стену, ушибленная грудь перестала чувствовать его жесткий край. От боли у Тихони перед глазами заплясали огненные круги, и он перестал что-либо различать в сумраке. И тут же над головой его раздался оглушительный скрежет.

– Белянка, что с тобой? Отзовись, не молчи! – чуть не плача, завопил он.

– Я жива! Потолок начал подниматься! – радостно выкрикнула его подруга.

Каменные створы дверей разъехались в стороны. За ними показалась тесная камера, слабо освещенная лучиком, пробивающимся сквозь щель в покосившихся валунах. Белянка стояла на четвереньках и стряхивала с лица землю и пыль, которые обильно сыпались сверху. Каменный потолок с тор-

чащими шипами медленно уходил в высоту, освобождая все больше и больше пространства.

И тут на Тихоню обрушился новый удар. Твердолоб снова двинул его ногой, отчего Тихоскок вкатился, как кожаный мяч, набитый шерстью, прямо под скрежещущий шипастый потолок, и шлепнулся рядом со своей подругой. Она схватила его обеими руками и прижалась к его груди. В дверном проеме слабо сверкнул медный шлем – кирасир всунул голову, однако сделать шаг внутрь ловушки он боялся.

– Иди к нам! – насмешливо позвал его Тихоскок. – Нас придавит всех сразу. Это тебя устроит?

Охранник недоверчиво пошевелил усами и исчез в темноте.

– Он ушел? – спросила Белянка.

– Вряд ли... – шепнул Тихоскок ей на самое ушко. – Скорее, он караулит во тьме. Нам нельзя выходить.

– Но куда же мы денемся? – испуганно спросила подруга.

Тихоня поднялся на четвереньки и пополз вдоль стен.

– Тут должны быть какие-то знаки, – тем же шепотом сообщил он. – Ищи на камнях рисунки. Из ловушки должен быть тайный выход – ее конструкторы были большими хитрюгами.

– Вот тут какая-то звездочка, – неуверенно произнесла девушка. – Как будто смешная крыска расставила в стороны лапы.

И в самом деле: Тихоскок обнаружил, что камень в стене,

на который показывала Белянка, был помечен круглым рельефным изображением, в которое был вписан силуэт похожего на обезьянку человечка, как будто катящегося внутри обруча.

Он надавил на него, и камень сдвинулся с места. Дверь в коридор у них за спиной начала закрываться.

– Что ты наделал? – испуганно вскрикнула Белянка. – Ты снова захлопнул ловушку. Сейчас нас раздавит, только теперь обоих.

Однако каменный потолок продолжал медленно подниматься. Облака пыли продолжали осыпаться вслед за его уползающим краем. Луч света, пробивающийся из-за стены, выхватывал пылинки из темноты, отчего казалось, что это сияющий огненный мост повис в воздухе.

Твердолоб высунул из коридора нос, и тут же дверки сдвинулись, едва не прищемив его. Одновременно с этим заскрежетала противоположная от входа стена. В ней показалось отверстие, которое становилось все шире и шире. В конце концов, в этой стене открылся новый проход, уходящий во тьму.

– Тихоня, я боюсь туда идти! – заупиралась Белянка. – Кто знает, что за пакости там поджидают?

– Беляночка, нам нужно уходить, – ласково погладил ее по шерстке Тихоскок. – Тут все давно обветшало, потолок может обвалиться в любой миг.

Он взял ее за ладонь и потянул за собой. Они поднялись

по высоким ступеням и вошли в коридор, под уклоном уходивший в высоту, в самую сердцевину пирамиды.

Глава 5. Летающий демон

Коридор вел их все выше и выше. Прямой и ровный ход то и дело уходил ввысь, превращаясь в крутую лестницу с высокими ступенями, на которые приходилось карабкаться. Тихоня лез первым и тащил за собой Белянку, хотя та справлялась и сама. Девушка резво подпрыгивала и цеплялась за мшистые края камней, проявляя при этом такую ловкость, что Тихоня невольно ей залюбовался.

До вершины пирамиды оставалось уже недалеко – они поняли это по тому, что в наклонных стенах появились узкие прорезы, через которые на темные стены падали солнечные лучи. Сами стены оказались покрыты диковинными узорами и выпуклыми рельефными изображениями. Диковинные существа с длинными шеями и круглыми головами то неслись в бой на огненных колесницах, то танцевали, взявшись за руки.

– Это, наверное, демоны! – испуганно пропищала Белянка. – Смотри, какие они страшенькие!

– Если они и были демонами, то давно уже исчезли, – попытался успокоить ее Тихоскок. – В этой пирамиде уже многие тысячи лет нет ни души.

– А чьи это кости хрустят под ногами? – не унималась его подруга.

– Это животные. Или птицы, – не слишком уверенно отозвался Тихоня.

Тесный коридор вывел их к тупику, кончающемуся глухой стеной. На замшелых камнях виднелось рельефное изображение такого же странного существа, расставившего в стороны ноги и руки. Тоненький лучик света из прорези в дальнем конце коридора падал ему на кудрявую голову.

– Куда дальше? – растерянно спросила Белянка.

– Тут не может быть тупика! – проговорил Тихоскок. – Если я правильно представляю архитектуру этого сооружения, то коридоры должны быть сквозными. Мы сейчас на западной стороне. Этот проход должен вести к восточному склону, где будет такая же прорезь в стене. Может, нам удастся выбраться через нее и сбежать?

– Нет тут никакой прорези! – рассердившись, сказала Белянка. – Какой прок от твоих теорий, если они ничем не могут помочь?

Тихоня скрипнул зубами – упрек подруги задел его за живое. Чтобы продемонстрировать ей бурную деятельность, он начал обшаривать ладонями поверхность стены, хотя и не видел, что полезного на ней можно найти.

– Ну, и что? – скептически подначивала Белянка, глядя на его потуги.

– Не мешай мне. Не видишь, я занят? – раздраженно бросил он.

– И чем же ты занят, позволь спросить? Щупаешь камни?

– Да вот, представь себе! А будешь болтать под руку – брошу камни и начну щупать тебя.

– Ой, видали мы таких щупальщиков! – наморщила носик Белянка.

Она легонько оттолкнула его от себя. Рука Тихони соскользнула с ровной поверхности и надавила на податливый камень, который ушел внутрь стены. Сама стенка при этом скрипнула и немного повернулась вокруг центральной оси.

– Ой, она открывается! – радостно заверещала Белянка.

Однако приоткрылась всего лишь узенькая щель, из-за которой повеяло затхлой сыростью.

– А я что говорил? Тут проход! Помогай мне! – сердито прикрикнул Тихоня, налегая на стенку плечом.

Подруга тут же присоединилась к нему. Вдвоем они сдвинули стенку с места и заставили ее повернуться еще больше. Открылся проход в широкий зал, утопающий в темноте. Тихоскок мигом наverts мха и ветоши на длинную белую кость, валявшуюся под ногами. Получилось подобие факела. Такой же он сделал и для Белянки. Припрятанное в кармашке огниво помогло ему высечь огонь, хотя разжечь мох оказалось делом непростым. Но вскоре оба факела запылали, осветив стены зала, раскрашенные еще более удивительными изображениями.

Тихоскок протиснулся между каменной стеной и повернувшейся створкой.

– Тихоня, не ходи туда! Там кто-то есть! – испуганным

голосом прошептала Белянка.

– Да кто там может быть? – попытался успокоить ее Тихоскок. – Тут тихо, как в склепе. Мне нужно рассмотреть картины на стенах. Они очень важные.

– Что в них может быть важного?

– Посмотри, какие странные существа на них изображены. Так похожи на обезьян! Только большие и без хвостов.

– У них нет хвостов? – удивилась Белянка. – Разве так бывает?

– Я и сам думал, что не бывает, – признался Тихоня. – А шеи у них, шеи-то! Глянь, какие тонкие и вытянутые. Как будто они тянутся, чтобы выглянуть из-под земли.

– Вернее, из-под воды! – поправила его Белянка, протискиваясь за ним вслед. – Видишь, тут нарисовано море? А в нем – затонувший город. Вокруг города вьется дракон. Посмотри! Я же тебе говорила: дракон под водой опутал хвостом весь белый свет.

– Тут речь далеко не обо всем свете, – не желая уступить, заспорил Тихоня. – Он всего лишь сторожит город.

– Город или мир – разница не так уж велика, – так же жарко заспорила с ним Белянка. – А пасть у него как разинута! И язык торчит такой страшный, раздвоенный. Наверняка ядовитый! Как ты думаешь – это правда, то, что тут нарисовано?

– Это не может быть правдой, – ошеломленно проговорил Тихоня, рассматривая изображение. – Это какой-то миф.

– Что тебе еще нужно, чтобы ты наконец поверил? – раз-

горячилась Белянка. – Все же ясно. Наши древние предки, похожие на обезьян, жили в городе. А потом что-то случилось, и город ушел на дно. Теперь его охраняет дракон. А войти в город можно только через ворота – вот эти, с раздвижными створками. Кажется, они издают какие-то звуки, если я правильно поняла эти линии.

– И открываются они с помощью ключа, – заворуженно продолжил Тихоня.

– Вот только где этот ключ?

– Он должен быть где-то здесь! Мне говорили об этом в поселке.

В глубине зала, у дальней стены, утопала во мраке позолоченная статуя сидящего человека. Он вглядывался в темноту невидящими глазами. Тяжелый мраморный постамент возносил его на высоту, до которой трудно было добраться.

– Тихоня, а что это он держит в лапах? – вдруг спросила Белянка.

– Это не лапы. Это руки, – возразил ей Тихоскок.

– Ах, ты такой придира! – хлопнула его по затылку подруга.

– У него в руках ключ! – воскликнул Тихоня. – Наверное, тот самый. Как он мог сохраниться? Его должны были спрятать тут много веков назад.

– В этой пирамиде время как будто остановилось, – сказала Белянка. – У меня мурашки по коже бегут. Кажется, будто мы ухнули куда-то в вечность и никогда не выберемся на

белый свет.

– Подержи факел, я заберусь на статую и заберу ключ, – велел ей Тихоня.

– Нет, постой! – испугалась Белянка. – У него за спиной кто-то шевелится.

– Это шевелятся твои мурашки, – рассмеялся Тихоскок и начал карабкаться на высокий пьедестал статуи.

Ключ оказался большим и тяжеловесным. Он состоял из круглой головки, по которой тонкими алмазными нитями шла инкрустация в виде такого же человечка, только не сидящего, а расставившего в стороны руки и ноги. Человечек напоминал звезду и смотрел в сторону стержня, который оканчивался хитрой бородкой.

– Ух ты, какой он тяжелый! – проговорил Тихоня, вынимая ключ из рук статуи. – Это каким же должен быть замок, который он отпирает?

Висящий на его шее талисман «Сила светил» покачнулся, ударился о ключ и издал мелодичный звон. За спиной статуи, в непроглядной тьме раздался какой-то подозрительный шорох, но Тихоня подумал, что это эхо разносит его возню. Неожиданно нога его соскользнула с гладкого позолоченного брюшка изваяния, и он покатился вниз. Перелетев через покатые колени, он шлепнулся на широкий пьедестал и выпустил ключ из рук. Тот откатился во тьму, прямо за спину статуи.

– Тихоня, осторожней! – не сдерживаясь, выкрикнула Бе-

лянка.

Эхо от ее голоса получилось таким гулким, что напомнило раскат грома. Тихоня начал ползать на четвереньках за спинкой статуи, пытаясь нащупать ключ в темноте, и угодил рукой в сплетение прутьев, застеленных мягким мхом.

– Фу, тут какое-то гнездо! – с отвращением сказал он. – Куда я попал?

Неожиданно прямо у него из-под рук выпорхнуло какое-то темное существо. Судя по хлопкам, которые издавали его крылья, оно было больше самого Тихоскока. Он удивленно начал оглядываться по сторонам, но оно промелькнуло так быстро, что Тихоня не успел его разглядеть.

– Фу-ты, ну-ты! – воскликнул он. – Что за тварь тут спряталась? Сердце так и екнуло.

– Забирай ключ, и уходим! – выкрикнула Белянка.

Тихоскок как раз нащупал холодную бородку ключа на дне устланного мхом гнезда. И тут же на голову ему опустилось неведомое крылатое существо. Оно впилось когтями в его загривок и мгновенно прокусило ухо – как раз то, что и без того уже было порвано шпагой.

– Тихоня, атак! – завизжала Белянка. – Это гигантский нетопырь! Он тебя атакует!

– Беги! – завопил Тихоскок, пытаясь стряхнуть с себя летучего кровопийцу.

– Я держу факел! – выкрикнула девушка. – Без него ты не выберешься из этого зала, и упырь тебя высосет!

Схватив ключ за стержень, Тихоня начал орудовать им, как дубинкой. Попадать по нетопырю было трудно – тот плотно сидел на его загривке и не давал как следует повернуться. Но все же после нескольких суматошных ударов Тихоне удалось его сбить. Нетопырь выпустил из зубов его ухо и вспорхнул к потолку.

– Бежим! – заверещала Белянка.

Он спрыгнул с пьедестала статуи, схватил Белянку за ладонь и потянул ее к выходу. Девушка помчалась за ним, сжимая факел, пламя от которого заколыхалось и заплясало на стенах мятущимися тенями. Нетопырь слетел с потолка и сделал над ними круг, но напасть не успел. Тихоня проскочил в дверной проем, вырвал из рук Беянки факел и швырнул его в летучую тварь.

– Закрой двери! – прикрывая глаза ладонями, прокричала Белянка.

Тихоня налег на вращающуюся дверцу, но она застряла, и ему не удалось ее сдвинуть.

– Уматываем по коридору! – завопил он.

Обожженный факелом нетопырь на какое-то время отстал. Они пробежали по коридору, едва освещенному через узкие щели, и оказались на лестнице, ведущей вниз, к выходу.

– Ты убил его? Ты порвал его на куски? Выдрал его мерзкие хлипкие усики, сломал кости, снял с него шкуру? – виз-

жал Гнилозуб, наскაკивая на Твердолоба, растерянно выбирающего из ловушки.

– Его убьет пирамида, – отстраняясь от брызжущего слюной магистра, произнес охранник. – И вашу белую невесту тоже.

– Никакая она мне не невеста! – приходя в еще большую ярость, завопил Гнилозуб. – Я ее ненавижу! Я мечтаю о том дне, когда выставлю ее шкуру на Рыночной площади!

– В самом деле, будет лучше, если этот еретик со своей подружкой никогда не увидит света, – добавил епископ, натирающий травой синяки на лице. – Они узнали много такого, что не должно стать известным в городе. Ты уж будь добр, голубчик, позаботься о том, чтобы эта парочка навсегда сгинула в каменной горе.

Твердолоб развел лапы в стороны и недовольно вздохнул: «Ох уж мне это начальство!»

– Если б вы видели, сколько костей там насыпано! – пожаловался магистр, щерясь так, что его золотая коронка засверкала под солнцем. – Видать, в середине горы обитает какая-то хищная тварь. Надо бы убираться подобру-поздорову, пока солнце не село. Кто знает, как она поведет себя в темноте.

– Мы еще не добыли лодки, – поддержал коллегу епископ. – Чем быстрее Вещий Крысолап унесет нас с попутным ветром, тем больше шансов, что наши шкуры останутся целы.

В глубине пирамиды что-то с грохотом сдвинулось с места. Камни дрогнули, раздался скрежещущий звук валунов, трущихся друг о друга.

– Слышите? Гора их переваривает, – поднимая вверх крючковатый палец, произнес Твердолоб.

– Бежим! – завопил Гнилозуб, и первым бросился наутек.

Твердолоб с Муровером припустили за ним. Толстые бока магистра колыхались у них перед глазами, слои жира перекачивались под выцветшей шкурой и бултыхались, как будто это катился наполненный растопленным салом пузырь. Неожиданно Гнилозуб развернулся, и с перекошенной от ужаса физиономией бросился обратно. Епископ с охранником не успели остановиться: шарообразная туша магистра сбила их с ног, и они грохнулись в пыль.

Приподняв нос, Твердолоб увидел, как из-за спины Гнилозуба выбегает толпа размалеванных воинов, вооруженных копьями с наконечниками из рыбьих костей. Во главе их неслась еще более крупная, чем магистр, самка с обломком курительной трубки, который она ожесточенно сжимала в кулаке. Позади нее мчался высокий и тощий туземец с черепом суслика на макушке. Но что самое удивительное: череп этот был прикрыт лиловой епископской шапочкой, а воинственные узоры на черной короткой шерсти незнакомца скрывала сутана.

– Ах, вот ты где! – яростно закричал Муровер, хватая незнакомца за полу сутаны и пытаясь вырвать у него из ла-

донец посох с серебряным навершием. – Отдай! Это мое!

– А-ой! – воскликнула толстая незнакомка, пораженная такой наглостью. – Одежда и посох не могут быть твоими. Их вынес на берег морской прибой. По обычаю, заведенному нашими предками, все, что выносит на берег водой, принадлежит Племени огненных людей. Да и сами вы попали к нам по воле волны, поднятой дыханием дракона, так что теперь, чужеземцы, вы – наша собственность.

Она остановилась в одном шаге перед распростертым в пыли епископом. Ее спутник с черепом суслика и воины с копьями замерли рядом с ней.

– Что вы собираетесь с нами сделать? – дрогнувшим голосом спросил Твердолоб.

– То же, что и со всеми чужеземцами – скормить летучему упырю, обитающему в каменной горе, – невозмутимо ответил тощий вождь в епископской сутане.

– Ну нет, так мы не договаривались! – выкрикнул кирасир, рывком поднял на ноги Муровева, и, таща его за собой, припустил к пирамиде.

Туземцы подняли в руках копья, заголосили и толпой понеслись за ними.

Гнилозуб намного опередил их. Он забежал в темную арку входа и потерялся во тьме. Отзвуки его топота гулко раздавались под сводами, но через несколько шагов раздался скрежет раздвигающихся каменных створок, что-то тяжелое и рыхлое покатило вниз по ступеням, ойкая и причитая

при каждом толчке, а затем створки ловушки сомкнулись, и в темном коридоре снова повисла глухая тишина.

Твердолоб остановился перед входом, придержал за рваный рукав епископа, готового ринуться в темноту, и проговорил:

– Нет, постойте, ваше святейшество. Внутри нельзя. Гора нас сожрет.

– А так нас сожрут дикари! – завизжал Муровер, вырываясь и бросаясь вперед.

Он промчался по гулкому коридору и ухнул куда-то во тьму. Твердолоб опасно посмотрел ему вслед, выскочил из-под арки, и, нервно озираясь на толпу черношерстных преследователей, помчался вдоль ровного каменного уступа, уходящего вверх на недостижимую высоту.

Солнце уже начинало клониться к закату. Его раскаленный край коснулся верхушек кокосовых пальм, по которым носились крикливые макаки. Пестрые южные птицы возвращались в гнезда, чтобы накормить птенцов, а струящиеся анаконды заползали в глубокие земляные норы.

Но эта картина вечернего умиротворения не радовала Твердолоба. Отчаянно шевеля встопорщенными усами, он завернул за угол пирамиды и понесся вдоль ее южного склона. Лучи солнца ударили ему в спину, сверкнули на кирасе блестящим зайчиком и на миг ослепили преследователей, которые встали, как вкопанные.

– А-ой! Чего встали, как копибары на водопое? Хватайте

его! – заорала толстая предводительница, потрясая обломком курительной трубки. – Это не демон, а всего лишь обычный, съедобный чужеземец, нацепивший на себя панцирь, как краб или черепаха!

Толпа туземцев заулюлюкала и понеслась вперед. Но Твердолоб уже успел оторваться. Он бежал, наступая на пятки собственной тени, которая маячила перед ним длинным мятущимся призраком. С южного склона пирамиды спускалась широкая каменная лестница, ведущая на верхнюю площадку. Там виднелись остатки каких-то старинных строений, похожих на храмы. Каменные алтари, на которых в незапамятные времена приносили жертвы, давно высохли и потрескались.

Твердолоб попытался вскочить на нижнюю ступень этой лестницы, однако она оказалась настолько высокой, что он не допрыгнул до ее верхнего края. Пока он возился, преследователи подбежали ближе, и он припустил вперед со всех ног, хотя бежать в тяжелой кирасе и шлеме было непросто.

Едва свернув за следующий угол, кирасир оказался в тени. Ему сразу же полегчало – солнце тут не палило, и не раскаляло его медную кирасу, в которой он уже начинал поджариваться, как в захлопнутой сковородке. Тут лестницы к вершине пирамиды уже не было, но зато из-под земли зиял темный провал, уводивший куда-то на глубину, в темное чрево каменной горы.

Прятаться в джунглях нечего было и думать – опытные

туземцы вмиг выудили бы его из зарослей. Бешено вращая перепуганными глазами, Твердолоб полез в черный ход.

«Забьюсь в какой-нибудь неприметный угол и посижу там, пока эта орава не сгинет, – путано думал он. – Только бы по пути не попало какой-нибудь западни!»

Аборигены обежали вокруг пирамиды и оказались у ее восточного склона. Чужеземец в черепашьем панцире провалился, как будто сквозь землю. Толстая атаманша недоверчиво заглянула в уходящий под пирамиду проход, покрутила усами и резко отпрянула. Толпа воинов опасно потянулась назад вслед за ней.

– Вот и славно, – проговорил Неистовый Сусл, поправляя на голове белый череп в лиловой шапочке. – Все чужеземцы – в логове упыря. Нам осталось лишь дождаться темноты и убедиться, что он останется сыт.

Держа Белянку за разгоряченную ладонь, Тихоскок выбежал из пирамиды на белый свет. День начинал клониться к закату, но солнце палило так жарко, что казалось, будто короткий подшерсток на коже начинает дымиться. После холодного сумрака пирамиды выскочить вот так неожиданно на зной было все равно, что из погребца с ледником прыгнуть в горячую печку. Тихоня зажмурил глаза от слепящих лучей дневного светила, опускающегося к темно-синей лагуне прямо напротив центрального входа в пирамиду, и по привычке пробормотал:

– Сила дня, сила ночи!

– Тихоня, атас! – пискнула рядом Белянка.

И тут же в грудь ему уперлось сразу несколько наконецников из заточенных рыбьих костей.

– Только бы они не были отравлены! – воскликнул Тихоня, протирая глаза, перед которыми все еще плясали коричневые круги.

– А-ой! Это отличная мысль! – раздался насмешливый возглас с характерным туземным выговором. – Отравить ему кровь, а после дать высосать ее упырю. Может, хоть тогда кровосос сдохнет?

Белянка испуганно тянула его обратно, и Тихоня отступил на шаг назад. Глаза наконец начали привыкать к свету, и сквозь яркие сполохи желтых лучей он разглядел густую толпу туземцев, обступивших их двоих и ошестинившихся рядами копий. Прямо напротив высился высокий и тощий, как жердь, Неистовый Сусл с черепом суслика на голове. Сквозь лиловую епископскую сутану на его черной шерсти проступал боевой узор, намалеванный самодельными белилами.

– Мы не можем допустить, чтобы демон пирамиды подох, – возразила мужу Огненная Глотка. Она стояла рядом и сосала обломок курительной трубки. – Он охраняет ключ Предков от чужаков. Пирамида не может остаться без стража.

– Ключ теперь у меня! – воскликнул Тихоня, показывая им блестящую головку с алмазными блестками. – А ваш

упырь – всего лишь большая летучая мышь!

И тут же ему стало ясно, что он сказал что-то не то. Туземцы испуганно замолчали и втянули головы в плечи.

– Святотатство! – взвизгнул Неистовый Сусл.

Суслочереп на его лбу сбился и съехал набок.

– Он разбудил Стража и стырил реликвию! А-ой! Теперь нам всем хана!

И тут же за спиной у Тихони раздался зловещий хлопот перепончатых крыльев. Из темноты высокой арки показалась тупая скособоченная морда гигантского нетопыря, который подслеповато тарачился на дневной свет и порхал под тяжелыми сводами, не решаясь выбраться наружу. Туземцы испуганно завопили и бросились разбежаться. Первым драпанул Неистовый Сусл, подобрав длинные полы рясы – Тихоня не мог не заметить, что от этого он стал похож на его святейшество, перебирающегося через широкую лужу на Рыночной площади.

В мгновение ока мощеная камнем площадка перед пирамидой очистилась, и лишь одна Огненная Глотка, как ни в чем не бывало, продолжала висеть перед Тихоней с Белянкой.

– А-ой, куда вы рванули, испуганные хорьки? – насмешливо заголосила она, размахивая зажатым в лапе обломком трубки. – Вы что, не видите, что упырь боится света? Вы же знаете, что днем он не показывает из пирамиды своего тупого рыла. Зато ночью он вырвется на свободу, и тогда беда

всем, кто попадет к нему на пути. В это полнолуние многие из наших сородичей отдадут свою кровь. Спрятаться от него не удастся, потому что теплую кровь он чувствует нюхом. Эти дурные чужеземцы разбудили Ночного Стража и навлекли на нас беду, но пусть тогда сами они за нее и расплатятся.

Неистовый Сусл остановился и отпустил полы рясы, которые тут же свалились, взметнув тучу пыли.

– Приказываю взять Белую Чужеземку в заложники! – продолжала вещать его безразмерная супруга. – Если она дорога этому серому охламону, то он сам возвратится в пирамиду, вернет Стражу ключ и накормит его своей кровью. А если он это не сделает, то мы привяжем его девку к обелиску, и когда упырь вылетит, то сразу заметит, что ужин ему уже подан.

Белянка взвизгнула и попыталась улизнуть, но ее тут же схватили и крепко сжали.

– Отпустите ее! – вне себя заорал Тихоскок.

– Отпустим, – невозмутимо сказала Огненная Глотка, вынимая из пасти сломанную трубку. – Когда ты накормишь собой упыря и отведешь от нашего племени беду, которую сам же и вызвал. И если к утру демон так и не появится на этой площади, то мы отвяжем твою альбиноску, и она сможет сама скормить остатки твоей серой шкуры жадной падальщице кара-кара.

Туземцы дружно расхохотались, прислонили Белянку спиной к торчащей посреди площади каменной стреле, и

принялись опутывать ее веревками.

Тихоскок растерянно оглянулся. Подслеповатый нетопырь хлопнул крыльями и спрятался во мраке широкой арки. Его не было видно, однако Тихоня нюхом чуял, что кровосос все еще тут и поджидает его в засаде, втягивая своим тупым носом порывы ветра, доносящие до него запах теплой крови.

Ощупав свое порванное ухо, Тихоня почувствовал, что оно все еще не зажило, и кровь продолжает сочиться. Белянку оплетали со всех сторон, она визжала и отбивалась. Тихоскок рванулся к ней, но в грудь ему тут же уперся колючий ряд копий.

– Тебе не туда. Тебе в пирамиду, – заявила ему толстая предводительница. – И помни: после наступления темноты голодный упырь вылетит из пирамиды и высосет из твоей подруги всю кровь до последней капли. А Солнцу осталось бежать по небесной дороге всего три часа.

Тихоскок скрипнул зубами и пообещал:

– Если я выживу, то докажу, что вы совершили ошибку. Потому что рассерженная крыса опаснее нетопыря!

Однако туземцы только заржали над его словами и подтолкнули его к входу острыми наконечниками из рыбьего зуба.

Тихоскок шагнул в мрачный холод тяжелой арки, нависшей над входом в пирамиду. Его усики нервно дергались, словно пытаясь нащупать опасность, а хвост за спиной ви-

лял из стороны в сторону, сметая с земли мелкие камни и пыль. Нетопыря не было видно, однако Тихоне представлялось, что хищник спрятался в темноте, выставив вперед тупую морду с непомерно большими ушами, и жадно ловя раздутыми ноздрями запах свежей крови.

Он остановился, оглянулся назад и жалобно выкрикнул:

– Хотя бы шпагу отдайте!

– Отдам, когда ты сделаешь мне новую трубку! – раздался ему вслед издевательский возглас.

Через десять шагов отблески дневного света остались позади, и он погрузился во тьму. Идти дальше можно было только наощупь, и он позволил себе опуститься на четвереньки, чтобы легче было касаться усами холодного края стен. Неожиданно прямо над его головой раздался звонкий хлопок перепончатых крыльев. Нетопырь спикировал ему на загривок, впился когтями в плечи, а острыми, как лезвия кинжала, зубами вырвал у него из-за пояса тяжелый ключ и победоносно вспорхнул с ним к потолку.

– Стой! Куда? – завопил Тихоскок, подпрыгивая и вцепляясь в кожаные лапы летучего демона.

Нетопырь оторвал его от пола и поднял вверх, однако груз был для него слишком тяжел, и взлететь высоко не удавалось.

– Отдай ключ! – вопил Тихоня, болтая ногами в темноте и пытаясь нащупать опору.

Нетопырь клацнул зубами у него над ухом, но прокусить

шкуру у него не получилось.

– Ах ты, тварь! – кричал Тихоскок, которого кровосос нес куда-то во тьму. – Хочешь напиться крови? Так попробуй меня укусить. Но ключ-то тебе зачем, глупая мышь?

Нетопырь не обращал на его вопли никакого внимания – казалось, будто он и не слышит их вовсе. Тихоскок на лету начал раскачиваться, пытаясь дотянуться до стен ногами, и в конце концов ему удалось зацепиться когтями за каменный выступ. Его резко дернуло, раздался скрежет когтей о невидимый в темноте валун, и остановленный на лету нетопырь со всего размаха хлопнулся в пол своим тупым рылом. Тихоскок кубарем покатился по замшелой поверхности коридора, вскочил на ноги, и, победоносно подняв в сжатых ладонях вырванный ключ, завопил:

– Что, съел? А ну, подставляй рыло! Сейчас я тебя разделаю, как жареного хорька!

Голос его с оглушительным гулом разносился во тьме, хотя поджилки у Тихони тряслись: он даже не видел противника, и, говоря откровенно, ужасно боялся атаки, которая могла обрушиться на него в любой миг и с любой стороны. Шерсть его встала дыбом, зубы оскалились, а усики вытянулись в струну. И в этот же самый миг нетопырь налетел на него из темноты и ударил тупым рылом в грудь. Тихоскок опрокинулся и полетел на землю. Спина его хлопнулась о холодный пол коридора, каменные плиты тут же разъехали в стороны, однако в самый последний миг он ухва-

тился за каменный край и повис, отчаянно дергая хвостом. Нетопырь бросился за ним, но не разобравшись в суматохе, влетел в темный провал. И тут же Тихоня оперся хвостом о край створки, резко подпрыгнул и выскочил на твердую почву. Каменные створки ловушки захлопнулись у него перед носом, отрезав нетопыря, запертого в подвале. Тихоня остался один в коридоре и побрел вглубь каменной горы.

Подвал под ветхой пирамидой был окутан сырым затхлым мраком. В нос бил запах истлевших костей и помета ночных тварей, прятавшихся тут от дневного света. Толстые бока Гнилозуба дрожали то ли от холода, то ли от страха. Сидеть на месте он не мог – ему начинало казаться, что вот-вот прямо ему на голову свалится какое-нибудь мерзкое чудище, и вопьется в его плоть своими окровавленными жвалами. Поэтому магистр поступил так, как поступила бы на его месте любая разумная крыса – он встал на четвереньки и пополз вперед, ощупывая дорогу провисшими усиками.

Занятие это оказалось не из приятных. Кончики усиков попадали то в грязные лужи, то натыкались на чьи-то останки. Вдобавок, они давно потеряли чувствительность, да и сам магистр отвык передвигаться на четвереньках, отчего то и дело стучался лбом о тяжелые колонны, поддерживающие свод.

Пару раз у него за спиной створки ловушки распахивались и на миг освещали подвал тусклыми отблесками далекого

дня. Кажется, кто-то даже влетел внутрь и кубарем покати-
лся вниз. Магистр с надеждой пополз обратно и вскоре заме-
тил, что в отблесках далекого света замаячил чей-то силуэт.
Кто-то сидел, укутавшись в перепончатый плащ, и дремал,
опустив морду в шерстистую грудь.

– Ваше святейшество, это вы? – с надеждой бросил в тем-
ноту магистр.

Однако существо не просыпалось. Магистр быстро под-
полз к нему, тронул усиками, но их чувствительности ока-
залось недостаточно, чтобы распознать незнакомца, и, тогда
магистр пустил в ход передние лапы, гибкие пальцы на ко-
торых быстро забежали по бокам темной фигуры. Короткая
шерсть, спрятанная под покрывало в виде кожаной перепон-
ки. Морда с тупым носом, прикрытая чем-то, подозрительно
напоминающем крыло... Нет, это точно был не епископ.

– Ой, а кто это? – с испугом спросил Гнилозуб, отшаты-
ваясь и заваливаясь на задок.

Существо хлопнуло перепончатыми крыльями, подняло
морду и втянуло воздух чутким носом.

– Извините, я кажется ошибся! – выкрикнул Гнилозуб и
что было духу пополз обратно.

Однако неведомое существо уже пробудилось. Оно глухо
ухнуло, взмахнуло крыльями и поднялось в воздух. Гнило-
зуб услышал над головой хлопки, которыми оно рассекало
затхлый мрак пещеры, и припустил назад со всех ног.

Несколько раз стукнувшись головой о колонны, так

некстати попадающиеся на пути, магистр нащупал крутую лестницу, уводящую наверх. Ступени были ему по пояс, и забираться на них оказалось ужасно неудобно. Страх не давал ему остановиться. Он вскарабкался на нижний уступ и начал шевелить усиками, пытаясь нащупать, что ждет его впереди. И тут ему прямо в лицо скатился охающий и причитающий клубок дряблых мускулов, обернутых в рваные остатки льняной рубашки.

– Крысолов тебя подери! – завопил клубок голосом, звучащим, как приговор инквизиции. – Кто тут? Сгинь во тьме, злобный демон!

– Сам сгинь! – не помня себя от испуга, завизжал в ответ Гнилозуб.

Оба вцепились друг в друга когтями и покатались по полу, хрустя обломками невидимых в темноте костей.

– Отпусти меня! Я особа духовного сана! Меня нельзя трогать, иначе восемь великих не пощадят тебя, кто бы ты ни был! – заголосил невидимый противник.

– Врешь! Ты демон, притворяющийся святым! Уж я-то знаю, как коварна бывает нечисть, когда задумает подловить предводителя магистрата! – не унимался Гнилозуб.

Изрядно покатав друг друга по хрустящему полу, оба противника разомкнули объятия и бросились в разные стороны, подальше от невидимых страшилищ, нападающих из темноты.

Тем временем Твердолоб, забившийся в темный угол, сидел и слушал вопли, раздающиеся из глубины пирамиды. Эхо усиливало звуки и разносило их по коридорам, отчего они искажались и становились гулкими и гроыхающими.

– Ядро тебе в печень, кто ж это так орет? – ежась, бормотал кирасир себе под нос. – Что за темные духи спрятались в глубине этого каменного подвала?

Идти туда очень не хотелось, но снаружи все еще раздавались подозрительные шорохи – кажется, неуступчивые туземцы еще возились у подножия пирамиды, пытаясь отгадать, куда провалился их пленник. И Твердолоб, опустившись на корточки и скребя каменные плиты кирасой, пополз в темноту, ощупывая своими пышными усами дорогу.

Он забрался уже глубоко под землю, когда гулкое эхо завибрировало под сводами и разнесло приглушенный вопль: «демон»! Охранник остановился, покрутил усами и на всякий случай пополз обратно, и тут его настиг новый, еще более зловеший окрик: «крысолов тебя подери»!

Как и любой порядочный крыс, Твердолоб очень боялся Великого Крысолова, который придет в конце времен и устроит глобальную дератизацию. Поэтому он развернулся и со всех лап дернул обратно, тем более что стесняться было некого. Однако подземные коридоры так петляли и разветвлялись, что он очень быстро заблудился и перестал понимать, в какой стороне выход.

Проблуждав по темным и скользким каменным переходам

не меньше получаса, он оказался перед подозрительно знакомой камерой с перекошенными валунами, сквозь которые пробивался луч света. Охранник уже обрадовался и вознамерился отдохнуть в ее стенах, казавшихся особенно широкими после узкой тесноты коридоров. Но стоило ему шагнуть внутрь, как он споткнулся о странное мохнатое существо, спрятавшееся в тени и уткнувшее тупую морду в перепончатые крылья. Существо встrepенулось, всхлопнуло крыльями и взлетело.

– Демон! – завопил Твердолоб, нервы которого и так были напряжены до предела.

Он заметался по камере, надеясь найти из нее выход, и в конце концов выскочил в распахнутые двери, каменные створы которых открывали новый, еще более темный коридор. Перепончатый демон у него за спиной ударился о шипастый потолок, с шумом обрушился на каменный выступ, который вдавился в стену и глухо лязгнул. Тотчас же над головой раздался скрежет, и тяжелый потолок начал сползать вниз, грозя раздавить кирасира в лепешку вместе с его блестящим доспехом.

– Крысодева, спаси меня! – завопил Твердолоб и бросился в темный проем коридора.

Каменные створы дверей у него за спиной хищно хрустели, закрывая едва освещенное пространство камеры. В последний миг из его тусклых лучей вырвался нетопырь, пролетел между смыкающимися камнями и, обогнав Твердоло-

ба, понесся во тьму.

Просторный подвал под широким днищем пирамиды был огромен. Его подпирали массивные колонны, на которые Твердолоб то и дело натыкался своим звенящим шлемом. Высунуть из-под начищенной каски усы оказалось делом непростым, они торчали в разные стороны и ощупывали усеянный костями пол, а не пространство впереди.

Завывания из темноты продолжали раздаваться, но теперь они приобрели знакомый, сливочно-жирный голос магистра, вскормленного сметаной и жареным салом.

– Твердолобик, приди и спаси меня! – ныл в темноте Гнилозуб. – Как ты мне сейчас нужен!

– Ой, нет, только не это! – пробормотал себе в усы Твердолоб и попытался спрятаться за колонну, благо, в крошечной тьме его все равно не было видно.

Однако при этом он снова въехал в ее шершавые камни своим медным шлемом, отчего тот отчетливо звякнул. Всхлипывающие причитания в дальнем конце подвала притихли, чтобы через мгновение разразиться целой волной бурных криков:

– Твердолоб, ты здесь? Отзовись! Я слышу, как ты звенишь!

Неловко поскребывая кирасой о хрупкие кости, наваленные на полу, охранник принялся пятиться задом, и неожиданно ткнулся в чье-то жилистое и долговязое тело.

– Крысолов тебя подери! – раздался испуганный возглас из темноты. – Кто тут? Демон ты или крыса с душой и рассудком?

Твердолоб на всякий случай умолк и не подавал голоса, однако незнакомец потянулся к нему когтистыми пальцами, нащупал медную кирасу и радостно завопил:

– Твердолоб, какое счастье! А за мой тут какой-то вурдалак охотится. Пожалуйста, прикончи его поскорее, Восемь Мудрых это тебе зачтут!

– Ваше святейшество, и вы тут? – смущенно пробормотал охранник и попытался улизнуть в темноту, однако с другой стороны в него тут же впиалась еще одна пара жирных и цепких лап, и жаркий голос хозяина зашептал:

– Вот ты где! Наконец-то! Спаси меня, ради всего святого! Меня тут живьем сожрут!

– Кто сожрет-то? – недовольно переспросил Твердолоб, пытаясь отцепиться от его липкой хватки.

– Чудовище, что рыщет во тьме! – заголосил Гнилозуб.

– Пока что вы сами тут рыщите, как пара чудовищ, – ответил охранник. – А ну-ка, взяли друг друга за ручки, как в детстве!

И он соединил ладони епископа и магистра, насильно впечатав одну в другую. Гнилозуб взвизгнул и отдернул руку. То же сделал и Муровер.

– А ну, помирились! Живо, кому я сказал! – прикрикнул на них кирасир.

– Ваше святейшество, это вы? – неуверенно проговорил магистр.

– Да, ваша светлость, я тут. Хвала Восьми Мудрым, вы целы, – растерянно пробормотал епископ.

– Надо убираться отсюда подобру-поздорову, пока мы сами друг друга не придушили, – дрожащим голосом предложил Гнилозуб.

– В самом деле: нечего нам делать в этом подвале, – согласился с ним Твердолоб, подозрительно вглядываясь во тьму. – А то вон сколько костей под ногами. Как бы и свои тут не оставить.

Гулко хлопая крыльями, нетопырь пролетел под заплесневелыми сводами каменного подвала и учуял в нем сразу трех живчиков, очевидно, предназначенных ему на прокорм. Недолго думая, он впился в того, что казался массивнее остальных. Однако когти заскрежетали по медной кирасе и соскользнули.

Обладатель кирасы метнулся от него прочь и испуганным голосом завопил:

– Алебарда тебе в селезенку! Тут хищник! Он хочет порвать меня на куски!

Нетопырь попробовал цапнуть другого, поминутно вопившего о каком-то великом крысолове. Летуну удалось даже расцечь его жесткий подшерсток в просвете между лохмотьями драной льняной рубахи, но крикун оказался таким

жилистым, что нетопырь его бросил. И тут он почуял новую, гораздо более сладкую добычу. В углу темного зала прятался за колонну жирный крысотолстяк, откормленный жареным салом и копчеными колбасками. Нетопырь налетел на него сзади, впился в шерстистый загривок и прокусил ухо.

– Ай! – разинул пасть толстяк, обнажив золотую коронку. – Он хочет высосать из меня кровь! Это вампир-кровопийца!

«И чего он так орет? – подумал про себя нетопырь. – Я просто питаюсь. Ты – мой сегодняшний полдник. Не вопи так, мне сосать неудобно». Но вслух ничего не сказал, потому что нетопыри не разговаривают, а только тихонько попискивают.

И он принялся смаковать жирную, насыщенную углеводами кровь, которой у этого толстяка было хоть отбавляй.

– Толстолобик, спаси меня! – надрывался между тем Гнилозуб. – Эта тварь меня обескровит! Еще минута – и я дух испущу! Помоги, век тебе не забуду!

Однако верный охранник не торопился на помощь хозяину. Ведь у него не было алебарды, а что может сделать даже самый доблестный воин без привычного оружия? Разве что сдаться. Устав караульной службы так прямо об этом и говорит. Его высокородие должны понять, что мы в такой ситуации ничего поделать не можем. Понять и простить. Ибо обстоятельства, извольте ли видеть, сильнее нас.

Однако Твердолоб не стал высказывать этого вслух. Вме-

сто пустых разговоров он бросился искать выход из темного подвала. Его примеру тут же последовал и Муровер.

Панический ужас перед кровососущей тварью придал охраннику ускорения. В дальнем конце гулкого зала он обнаружил широкую лестницу, уводящую на верхние этажи. Ее ступени были слишком высокими, как будто их высекали великаны для своих исполинских нужд. Приходилось подтягиваться на руках, наваливаться брюхом и карабкаться вверх, так что одолеть их оказалось непросто. Помогало лишь то, что они густо заросли мхом. Изрядно запыхавшись, Твердолоб оказался на следующем этаже, в длинном коридоре, ведущем во тьму. Однако он не мог убежать просто так, не исполнив свой долг. Обернувшись, он во всю глотку гаркнул:

– Сюда, ваше высокородие! Я нашел для вас выход! Срочно спасайтесь!

И тут же припустил наутек – а то кто знает, не привык ли этот летучий вампир охотиться на голос.

Услышав возглас охранника, Гнилозуб стряхнул с себя кровососа и бросился в полутьму. Нетопырь недовольно захлопал крыльями над его головой, возмущаясь тем, что жертва ведет себя неподобающим образом и не дает ему как следует подкрепиться, чем нарушает процесс пищеварения в его тонком кишечнике. Требовалось срочно призвать ее к порядку, и он бросился за толстяком, улепетывающим от него со всех ног и орущим:

– Твердолобик, ты где? Забери меня отсюда, прошу-у-у!

Тупой нос нетопыря тонко чуял, куда несется жертва и где она будет в следующую минуту. Он решил применить свой коронный маневр: обогнать, залететь спереди, и внезапно бросившись по прямой, впиться жертве прямо в морду, отчего она потеряет контроль над собой. Он действительно обогнал толстяка и залетел за большую колонну, поддерживающую тяжелый свод. Однако жертва, не ориентирующаяся в темноте, со всех ног наткнулась на эту колонну, ударилась о нее головой и отлетела назад, распластавшись на каменных плитах пола.

Нетопырь потерял ее из поля зрения. А Гнилозуб тем временем отполз обратно, нащупал в стене пустоту и юркнул в боковой проход, стараясь ползти как можно тише.

Глава 6. Пир упыря

«Белянка! Эти варвары привязали ее к обелиску. Наступит вечер, и кровожадный упырь вырвется из каменной горы. И тогда он высосет из моей Белянки кровь», – думал Тихоня, углубляясь в недра пирамиды.

Он представил себе помертвевшее лицо подруги, и ему стало жутко. Его охватила злость на тех, кто хочет отнять у него невесту, повязавшую ему на шею платок с любовным узелком, и отчаяние от того, что враги сильнее, и он ничего не может с ними сделать. Хвост его нервно дернулся, хлестнув по камням узкого перехода, но Тихоня даже не заметил боли от удара.

«Белянка, – продолжал думать он, – я спасу тебя, чего бы мне это ни стоило!»

Каждый шаг давался ему с трудом. Он осторожно ставил ступню на камни, коготками пытаясь нащупать, нет ли очередной ловушки. Однако ему везло, и ловушек на пути больше не попадалось.

Вскоре он споткнулся о высокую ступень и начал карабкаться по лестнице, уводящей вверх. Ползти в темноте пришлось долго, и он запыхался. Он забирался все выше и выше, пока не оказался в новом, более просторном коридоре.

Узкие щели пропускали снаружи солнечные лучи. Днев-

ное светило уже клонилось к закату, но тут, в полутьме пирамиды, его последние отблески казались ослепительными. Смутные тени падали на рельефные изображения странных существ с головами на тонких шеях, которыми были усеяны стены. В нишах стояли статуи, изображавшие воинов в диковинных доспехах, и едва одетых богинь, несущих плоды.

Тихоня вдохнул кислый запах плесени и гнилого мха. Под ногами все время что-то хрустело – то ли кости каких-то мелких птиц, то ли остатки насекомых. Где-то впереди его ждал хищный нетопырь, но он думал только об одном: отпустят ли эти варвары Белянку, если он задобрит чудовище?

Твердолоб гулко пыхтел, таща на себе тяжелую кирасу и шлем. Сзади упругое эхо доносило чей-то топот и стук. Страх гнал начальника охраны вперед, не давая остановиться. Он поминутно оглядывался, но в темноте коридора ничего нельзя было разглядеть, и ему мерещились жуткие тупые морды с хищными носами, готовые вытянуть из любого живого существа кровь до последней капли.

Твердолоб не заметил, как крутая лестница сменилась ровным проходом. В стене пирамиды виднелись искусно проделанные щели, сквозь которые сюда пробивался солнечный свет. Яркие лучи падали на древние рельефные рисунки, густо украшавшие стены. На этих рисунках виднелись диковинные создания с круглыми головами, которые собирали урожай, гуляли на праздниках и сражались с чудови-

щами.

Коридор привел его в просторную камеру, посреди которой высилось изваяние позолоченного существа. Топот сзади не утихал, и Твердолоб, недолго раздумывая, юркнул за высокую спинку кресла, на котором восседала высокая статуя. Разглядывать ее было некогда – кирасир со страхом смотрел на вход, в который вот-вот должен был ворваться чудовищный нетопырь. Однако вместо вампира за ним вслед забежал Мурöver. Его святейшество истошно вопил и размахивал лапами, как будто его атаковал целый легион злобных бесов.

Епископ начал судорожно тыкаться во все углы, пытаясь найти укрытие, и поднял такую тучу пыли, что стало нечем дышать.

– Тише, ваше святейшество, не гомоните так! – взмолился Твердолоб, выглядывая из-за мраморного кресла. – Вы всех здешних монстров переполошите!

Услышав его голос, Мурöver взвизгнул и бросился прочь, однако на пороге он резко развернулся, будто увидел что-то еще более страшное, и помчался обратно. Твердолоб ухватил его за полу льняной рубахи, окончательно разорвав ее, и втянул в свое темное убежище. Мурöver еще долго вопил, прежде чем разглядел, кто так крепко держит его, и только после этого успокоился.

– За вами кто-то гонится? – не унимаясь, допрашивал его Твердолоб.

– Да! – отчаянно вертел головой епископ. – Это дух древнего крысолова! Он вернулся! Как и говорилось в пророчествах!

В самом деле, за порогом послышался топот, тяжелое пыхтение и вязкая возня. Однако вместо Великого Крысолова в камеру ввалился Гнилозуб. Пот ручьем тек с его жирных боков, он едва волочил лапы, но из последних сил рвался вперед.

– Фу, хвала мудрым! – выдохнул Твердолоб. – А уж мы было испугались. Ваше высокородие, пожалуйста к нам, мы и для вас местечко приготовили.

Гнилозуб попытался прокричать что-то, но задохнулся и упал на пол. Приподнявшись на локтях, он попытался проползти вперед. Твердолоб выскочил из укрытия, чтобы поднять его и тем самым продемонстрировать свою исключительную преданность высокому начальству. И в этот же самый миг из-за спины Гнилозуба выпорхнула шерстистая тварь с перепончатыми крыльями и тупой хищной мордой.

– Алебарда тебе в селезенку! – завопил кирасир, и бросился обратно.

– Твердолоб, не бросай меня! – закричал Гнилозуб, протягивая к нему трясущуюся ладонь.

– Крысолов! Он летает! Ни за что не поверил бы! – с круглыми от ужаса глазами проговорил Муровер, выглядывая из-за мраморного постамента.

Нетопырь хлопнул перепончатыми крыльями и порхнул в

свое гнездо, расположенное прямо над головами трех перепуганных беглецов.

– Тише! Не шевелитесь! – взмолился магистр.

Все замерли. Летучая тварь и в самом деле угомонилась. Она спокойно принялась чистить шерсть тупым носом, изредка поглядывая на пришельцев. Но стоило Твердолобу звякнуть кирасой о мраморную фигуру, как нетопырь насторожился и расправил крылья, явно готовясь спикировать вниз.

– Не двигайся! – пихнул товарища в бок епископ.

Его глаза бешено вращались, лицо исказилось. С суеверным ужасом он продолжал бормотать:

– Это неистовый демон, предреченный нам писанием провидцев. Все, как в старинной Книге Конца: он крылатый, нападает с небес и высасывает кровь добрых крыс. Правда, я думал, что он будет немного побольше. Но нам и этого хватит.

– А что если мы прокрадемся потихонечку-полегонечку, да и выскользнем? – шепотом предложил Твердолоб.

– Даже думать не смей! – вцепился в него епископ. – Он демона не уйдешь!

Нетопырь между тем преспокойно почистил шерсть, потянул тупым носом воздух и принялся выбирать среди пленников того, кто был питательнее и жирнее.

– Ну все, мне хана! – обреченно прошептал Гнилозуб.

И в этот же самый миг на пороге комнаты появился Ти-

хоскок. Он шагал, понуро опустив голову и ничуть не скрываясь.

– Куда прешь? Пошел вон отсюда! Не тревожь зверя! – приглушенным голосом заорал на него Твердолоб.

Но Тихоня даже ухом не повел.

– Я бы не дал за вас троих и дохлой мухи, – печальным голосом произнес он. – Но сегодня вам повезло. Этой летучей твари нужны не вы. Сегодня я – ее ужин.

Минуту Гнилозуб, Муровер и Твердолоб смотрели на Тихоскока во все глаза и не могли понять, зачем он явился. Наконец, Твердолоб решил, что молодой недоучка, видимо, совсем помешался от своих умных мыслей, и этим нужно срочно воспользоваться. Звякнув кирасой, он выскочил из-за мраморного постамента, схватил Тихоскока подмышки и поволок поближе к гнезду нетопыря. Тихоня и не думал сопротивляться.

– Быстрее! Помогайте мне! – гаркнул товарищам кирасир. – Студент совсем сбрендил и не соображает, что делает. Не упустите момент!

Втроем они подняли Тихоскока повыше и принялись привязывать его к мраморным подлокотникам, на которых покоились ладони позолоченного человека. Для этого Муровер пожертвовал веревку, на которой болтались остатки его подштанников, отчего те окончательно свалились. Но в мрачной полутьме комнаты-ловушки всем было не до приличий. В мгновение ока Тихоня оказался намертво прикручен к по-

золоченной статуе. Его лапы торчали в разные стороны, как будто его распяли, а голова болталась взад и вперед. Взгляд блуждал по темным стенам, на которых виднелись диковинные изображения. Нетопырь с недоумением наблюдал за тем, что происходит под его гнездом, и лишь изредка взмахивал крыльями.

– А теперь отступаем! – скомандовал Твердолоб, когда Тихоскок потерял всякую надежду освободиться. – Организовано и спокойно, как положено по уставу!

И он первым начал прокрадываться к выходу, в который заглядывал слабый солнечный луч. Муровер поцокал когтями за ним, а последним, прямо на корточках, пополз Гнилозуб, куцый хвост которого панически метался из стороны в сторону.

Едва выбравшись за порог, Твердолоб гаркнул:

– Бежим!

И все трое стремительно понеслись по узкому коридору, вдоль архаических статуй и барельефов, прорубленных в этих каменных стенах неизвестно кем, неизвестно когда и неизвестно зачем.

Остановившимся взглядом Тихоня смотрел, как Гнилозуб со своими приспешниками улепetyвает подальше от пугающей комнаты нетопыря. Однако исчезнувший было магистр вернулся, крадучись пробрался обратно, и воткнул в гнезда на стенах невесть где раздобытую пару зажженных факелов.

лов. Воровато озираясь на гнездо нетопыря, он подобрался к Тихоне, обшарил карманы его безрукавки и выудил из них ключ.

– Кушай, птичка, тут все для тебя! – приторным голосом пробормотал магистр нетопырю и тут же дал деру.

Удаляющиеся шаги затихли, Тихоня остался в комнате совершенно один. Нетопырь глухо возился в гнезде. Он не торопился нападать на свою жертву, очевидно, понимая, что она от него никуда не денется. Факела у стен чадили, окрашивая потолок пятнами черной копоти.

На одной из стен был изображен дракон, охвативший хвостом целый город. Над его головой с разинутой пастью возвышался костяной гребень, желтые глаза полыхали огнем, отражающимся от факелов. Вокруг городских стен бушевали волны – крепость тонула, но дракон был этому только рад и тянул здания ко дну. Его хвост бил по воде, поднимая тучи брызг и разбрасывая корабли.

На другой стене были изображены городские ворота. Две башни, между которыми были стиснуты створы, издавали какие-то звуки, судя по птицам, порхающим вокруг и заливающимся щебетом. Смешной человек в нелепой одежде подносил к воротам ключ и отпирал их. Ключ был похож на тот, что Тихоня вынул из рук позолоченной статуи.

На третьей стене виднелась подробная карта острова. Он тянулся, изогнутый в виде подковы. В его середине глубокая лагуна уходила ко дну и обрывалась в бездну. Голова дракона

высовывалась из воды и вращала желтыми глазами, озирая окрестности. Волны вокруг дракона бурлили и пенились.

– Город предков! На дне этой лагуны! И к нему нужен ключ, который был у меня в руках! – пробормотал Тихоня. – Хотя какой мне толк от всего этого теперь, когда меня собирается высосать летучий упырь?

Четвертой стены не было видно – она скрывалась за мраморным постаментом, на вершине которого возился в своем гнезде нетопырь. Поворочавшись, хищник встрепенулся, хлопнул крыльями и пополз к Тихоскоку. Он действовал расчетливо, не торопясь.

Тихоня зажмурил глаза, прижал уши и подтянул хвост. Зубы хищника впилась в его второе, здоровое ухо. Однако укус оказался не болезненным – Тихоня едва почувствовал чавкающее прикосновение мягкого рыла.

– Как незаметно ты кусаешься! – пробормотал он нетопырю. – Бережешь свою жертву? Или заботишься, чтобы она тебе не мешала?

Нетопырь заворчал и зачмокал, его тупое рыло окрасилось каплями свежей крови. Тихоня почувствовал, что слабеет. Изображения старинных существ на стенах поплыли у него перед глазами, свет факелов начал меркнуть. «Я теряю сознание, – подумал он. – Только бы моя жертва была не напрасна, только бы с Белянкой ничего не случилось!»

Он уже почти ничего не чувствовал, когда в глубине коридора раздались чьи-то шаги. «Гнилозуб возвращается? –

пришло в его мутнеющий разум. – Что ему нужно? Он хочет меня доконать?»

На пороге камеры появился силуэт в синем кафтане, перевязанном широкой лентой. На голове его колыхалась фетровая треуголка с орлиным пером. Сапоги с загнутыми голенищами гулко ударили каблуками по полу. Факела отбросили тень от широкой абордажной сабли, которую пришелец поднял в руках.

– О-ля-ля! Какой шок! Мон ами, живы ли вы еще? – воскликнул пришелец. И тут же добавил, обращаясь к целой толпе спутников, вооруженных саблями и баграми:

– Немедленно отогнать от него это чудище! Кыш, поганая тварь, пошла прочь!

Тихоня уже почти ничего не чувствовал.

– Снимайте его осторожнее! – приказал Лихогляд, вкладывая абордажную саблю в ножны, болтающиеся у него на боку. – Он, кажется, потерял много крови.

Пираты принялись отвязывать Тихоскока от мраморных подлокотников статуи. Капитан приблизился и приложил к его губам флягу с терпким вином. Тихоня сделал несколько глотков и ощутил, как по груди жаркой волной растекается хмельная жидкость.

– Я в порядке. Только голова немного кружится, – пробормотал он.

Его поставили на ноги, но колени у него подогнулись, и

он осел на пол.

– Держите его! Подняли и понесли! – скомандовал капитан. – Быстрее! Ему нужно на солнце!

Поверх створок раздвижной ловушки, ведущей в подвал, были набросаны доски и обломки корабельных мачт. Пираты ловко проскочили по ним к выходу, у которого уже дежурил, сторя от нетерпения, пожилой шкипер в красной бандане и ожерелье из морских раковин.

– Медуза-лампедуза! – завопил он, едва завидев толпу с Тихоней на руках. – Что эти пираньи сделали с моим другом?

– Ветрогоша, и ты здесь? – слабым голосом вымолвил Тихоскок, щуря глаза от ярких солнечных лучей.

– Конечно! Я как чуял, что ты без меня пропадешь! – воскликнул мореход, кидаясь к нему.

– Белянка! Ее схватили туземцы! Спаси ее! – шепнул ему Тихоскок.

Пираты оттеснили толпу аборигенов в дальнюю часть площади. Те столпились вокругobelиска, к которому была привязана изможденная Белянка. Огненная Глотка суматошно размахивала обломком курительной трубки, призывая воинов выстроиться в плотный ряд и выставить вперед копья, а Неистовый Сусл вскарабкался на каменную тумбу с изображением рака и, приставляя к нахлобученному черепу раскрытую ладонь, вглядывался вдаль, надеясь рассмотреть, что происходит у входа в пирамиду.

– О-ля-ля! – выпалил Лихогляд, когда распавшийся строй

туземцев позволил ему разглядеть девушку, привязанную к каменной стеле. – Что они сотворили с этой шармантной бланшеткой?

– Капитан, обещаю раскрыть вам тайну подводного города и сокровищ, – слабым голосом проговорил Тихоскок, пытаясь встать на ноги. – Только спасите мою невесту от этих диких туземцев.

Лихогляд внимательно посмотрел на него, обернулся к толпе вооруженных моряков и решительно скомандовал:

– Боевое построение! Мы атакуем!

Боцман весело задул в свисток, призывая матросов к бою. Они тут же разбились на три отряда, подняли в руках сабли, шпаги, багры и крюки, и оглушительно засвистели. Растерявшиеся туземцы дрогнули и начали пятиться за пределы каменного круга, очерченного тумбами со знаками зодиака. Огненная Глотка бросилась удерживать их и отчаянно закричала:

– А-ой! Стойте! Куда вы? Мы не можем уйти, пока не убедимся, что летающий демон доволен!

Однако ее мало кто слушал. Капитан Лихогляд взмахнул абордажной саблей и во всю глотку завопил:

– Вперед, кот вас всех подери!

Его подчиненные тут же бросились в наступление. Центральный отряд атаковал туземцев прямо в лоб, устремляясь к обелиску, выглядывающему из-за их спин, а две крайних группы начали совершать обходные маневры, намереваясь

обойти толпу противников с флангов. Аборигены пришли в панику и бросились удирать со всех ног. Последним покинул поле боя отчаянно голосащий Неистовый Сусл. Лихогляду удалось догнать его и схватить за край лиловой сутаны. Епископское одеяние затрещало, разрываясь, и упало в нагретую солнцем пыль. Вождь туземцев принялся вырваться, судорожно тряся лапами и хвостом. Лиловая шапочка скатилась с выбеленного черепа и легла поверх драной сутаны. Лихогляд наступил на нее сапогом и направил на врага абордажную саблю. Неистовый Сусл предпочел не искушать судьбу и дал деру. Пираты дружно заголосили, праздную свою победу.

Ветрогон первым подбежал к Белянке и начал кромсать кортиком путы, которыми она была привязана к обелиску. Пленница почти потеряла сознание. Она выбилась из сил после упорных попыток вырваться и освободиться. Как только веревки упали, она соскользнула вниз. Если бы Ветрогон не подхватил ее на руки, она оказалась бы распростертой в пыли.

– Белянка, душа моя, что с тобой? – бросился к ней Тихоскок, который сам едва стоял на ногах.

– Тихоня, ты цел! Я так счастлива! – прошептала девушка и бессильно закрыла глаза.

Краешек раскаленного солнца коснулся ослепительно синей воды. Голубая лагуна, широкой подковой раскрытая к

западу, заиграла мириадами ослепительных отблесков. Ветрогон сам донес девушку на руках до берега и осторожно опустил ее на песок, подложив ей под голову свернутые остатки лиловой сутаны. Тихоня порывался идти своим ходом, но колени его подкосились, и морякам снова пришлось подхватить его. У выхода из лагуны колыхалась на тихих волнах каравелла с яркими лазурными парусами, на которых был выткан золотистый дракон, поднимающий голову над водой.

– Я не решился завести «Лазурную мечту» в лагуну, – доверительно сообщил Лихогляд. – Тут творится какая-то чертовщина.

– Как вы тут очутились? – спросил его Тихоскок, обессиленно опускаясь на горячий песок рядом с Белянкой. – Я и подумать не мог, что вы, капитан, осмелитесь показаться нам на глаза.

– Увы, мон ами, меня заставила суровая необходимость, – ответил Лихогляд, отводя взгляд. – Ваши насосы и колпаки оказались слишком сложными для моих морских волков. Без вашей помощи нам не погрузиться на дно. Да и карта вашего друга оказалась так зашифрована, что понять ее не удалось даже опытным лоцманам. Хорошо, что течение принесло к нам обломки бригантины, по которым мы догадались, где вас искать.

– Ветрогон, ты раскрыл пиратам свою карту? – с горечью спросил Тихоскок.

– А что я мог поделывать, шторм на мою корму? – пожал плечами шкипер. – Взамен этот хитрый лис согласился вырвать вас с Белянкой из лап этих размалеванных чудищ. Я давно его знаю, он ничего не делает просто так.

– А вы только что обещали мне, мон ами, что расскажете все секреты в обмен на спасение вашей пушистой подружки, – добавил капитан. – Уже успели забыть?

– Я ничего не забуду, – пообещал Тихоскок. – И слово свое сдержу. На дне этой лагуны находится Темная бездна. Она уходит на глубину, в которой прячется подводный дракон.

– Да ладно! Вы хотите меня запугать! – недоверчиво ухмыльнулся пират.

– Я лежу на песке, обескровленный. Я не смогу запугать даже мышь, – с горечью отозвался Тихоня. – Но там, на глубине, скрывается город предков. Об этом мне рассказали старинные фрески, сохранившиеся в пирамиде.

– Город сокровищ! – не удержавшись, воскликнул Лихогляд и обернулся к товарищам.

Моряки дружно загомонили, в их глазах заблестели яркие огоньки – как будто садящееся за горизонт солнце засверкало и отразилось в них.

– Значит, подводный клад все-таки существует! – потер ладони капитан. – Это не миф! Но тогда верна и легенда, гласящая, что дракон не подпустит к заклятому кладу без тройной жертвы.

– Пожертвуйте ему епископскую сутану, – предложил Ти-

хоскок. – Вот она, вся в лохмотьях. А на самом деле в затопленный город не пробраться без ключа от Поющих ворот. И я держал этот ключ в руках, пока толстяк Гнилозуб не вырвал его у меня перед тем, как бросил на съедение упырю.

– О Гнилозубе мы позаботимся, – пообещал капитан. – Тут, на острове, ему некуда деться. А вы, мон ами, позаботьтесь о том, чтобы мы добрались до сокровищ. Иначе ваша милая мадмуазель отправится кормить акул, а они очень падки до всего белого и пушистого.

Пираты дружно заржали, беззастенчиво разглядывая Белянку, подставляющую бледное лицо под лучи угасающего солнца. Девушка съежилась и испуганно прижалась к Тихоне.

– Как же вы не поймете? – с досадой сказал Тихоскок. – Ценность древнего города – не в стекле, а в знаниях исчезнувших предков.

– Вот и чудно! Вам – знания, мне – стекло, – отрезал Лихогляд.

– Как скажете, капитан. Я в вашей власти, – вздохнул Тихоскок, отворачиваясь к Белянке.

Солнце село за горизонт. Южная ночь окутала остров за считанные минуты, небо стало бархатно-черным, и яркая россыпь звезд закружила над головами свою неспешную карусель. Лихогляд отправил боцмана с большей частью команды на каравеллу, а сам остался присматривать за Тихоней и девушкой, к которым мало-помалу возвращались си-

лы. Ветрогон развел костер, и вскоре в котелке задымилось пахучее варево.

Тихоскок нежно приподнял Белянку и начал кормить ее похлебкой с деревянной ложки. У деревянного остова бригадины раздавался стук – пираты обдирали с нее остатки снастей и уцелевших досок, которые еще можно было использовать.

Неожиданно Ветрогон насторожился и подозрительно уставился в сторону потемневших джунглей.

– Что там, мон ами? – шепотом спросил его Лихогляд.

– Тени какие-то промелькнули, – сказал шкипер.

– Наверное, зверье выбралось на охоту, – предположил капитан.

И в этот же самый миг из темноты буйных зарослей на них выскочила целая толпа размалеванных воинов с рыбьими копьями наперевес. Во главе их мчалась невероятных размеров предводительница с обломками курительной трубки в руках и высокий тощий вождь с черепом суслика на голове.

– Тихоня, атас! – слабо сказала Белянка, лицо которой было повернуто в сторону джунглей.

– Полундра! – во все горло завопил Ветрогон, опрокидывая дымящийся котелок.

Огненные языки костра зашипели от того, что на них выплеснулось пахучее варево. Усеянный пирсингом квотермейстер выскочил из разваленного остова бригадины и тревожно задул в свисток. Но было уже поздно: маленькая груп-

па путников, сжавшаяся на берегу вокруг отблесков ночного костра, оказалась окружена. С трех сторон на Тихоню, Белянку и Ветрогона смотрели ряды острых наконечников из рыбьей кости. Лихогляд бросился прочь, но бежать было некуда – с четвертой стороны шумела кромка морского прибоя.

– Что вам еще нужно? – с отчаяньем выкрикнул Тихоскок. – Мы и так еле спаслись.

– Летучий демон остался голодным, – зловеще проговорила Огненная Глотка, выступая из темноты. – Посмотри, как сияет луна. Она круглая, как пуговицы на ваших смешных балахонах. Сегодня полнолуние, а это значит, что упырь вот-вот обрушит свою ярость на наш поселок.

– А вы не можете найти для упыря другой корм? – с обидой в голосе проговорила Белянка.

– Вы и есть его корм! – заявил Неистовый Сусл, вставая рядом со своей безразмерной женой.

– Пойдите! Давайте не будем пороть горячку, – заговорил Тихоскок. – Я провел рядом с вашим упырем много незабываемых минут. И убедился, что это всего лишь большая летучая мышь. Она непривычно велика по размерам, и она питается чужой кровью, но это все равно мышь, а мы, крысы разумные, мышей давили, давим и будем давить. Давайте объединимся и вместе попробуем отогнать ее раз и навсегда, иначе она так и будет терроризировать ваше племя.

– А-ой, ты-то что раззявил хлебало, ужин вампира? – тыча

в его сторону копьём, выкрикнула Огненная Глотка. – Ты сломал мою трубку. Посмотри, что ты с ней сделал!

И она протянула ему две половинки трубки, с которой никак не могла расстаться.

– Так давай я ее починю, – неожиданно предложил Ветрогон.

Большая атаманша опешила от такого предложения.

– А ты умеешь? – с недоверием спросила она.

– А чего тут уметь? – рассмеялся Ветрогон и взял обломки из ее рук.

Ловко выхватив кортик, он обрезал кусок лианы, рассучил ее и сделал из растительных нитей обмотку, которой и примотал куски трубки один к другому. Закрутив концы обмотки в морской узел, он проверил крепость своей работы и убедился, что конструкция держится прочно и не рассыпается.

– А вот я сам ее и испытаю, – сообщил он. – Не найдется ли у тебя, хозяйюшка, табачку?

Огненная Глотка насыпала ему в ладони горку подозрительной коричневой пыли, обернулась к Неистовому Суслу и с укором произнесла:

– Вот, смотри, как у цивилизованных крыс принято обращаться к женам! А ты, пень черепастый, хоть раз меня хозяйюшкой называл?

Пожилой шкипер между тем набил трубку и ловко прикурив от головешки, выхваченной из костра. Белянка с удивле-

нием смотрела, как он сидит на бревне и попыхивает, жмурясь от удовольствия и пуская вверх колечки дыма.

– Ветрогоша, ты умеешь курить? – делая круглые глаза, спросила она.

– А чего тут уметь? – рассмеялся шкипер. – Пыхти себе под нос, да и только. Раньше я любил выйти на палубу с трубкой, да потом бросил. Эх, как бы теперь вновь не прираститься!

Он протянул трубку Огненной Глотке и спросил:

– А чего это вы тут курите вместо табака? Травка какая-то шибко пахучая, как бы голова кругом не пошла.

– Если голова кругом не идет, то зачем вообще курить? – откликнулась атаманша и сунула трубку в рот.

Через четверть часа они с Ветрогоном уже были друзьями. Шкиперу выстирали бандану и повесили сушить на лиане, а Неистовый Сусл с увлечением рассказывал Тихоскоку, в каком месте лагуны нужно искать утонувший город.

Охотники притащили из джунглей тушу косули, которую они только что изловили, и все вместе принялись жарить ее на костре, отчего над ночным берегом поплыл дразнящий аромат. У изголодавшегося Тихоскока желудок скрючилось от желания вгрызться зубами в кусок свежего мяса.

Подоспевшие матросы с «Лазурной мечты» застали пир в самом разгаре. Они недоверчиво взгляделись в своего капитана, который присел рядом с костром, и на пару с Неисто-

вым Суслем поворачивал длинный сук, на котором подвесили над огнем дымящуюся тушу косули. Поняв, что дракой тут и не пахнет, моряки принялись засовывать сабли в ножи.

– Явились не запылились, – насмешливо прикрикнул на своих людей Лихогляд. – Если бы я на вас понадеялся, то меня самого давно бы съели.

– Мы услышали тревожный сигнал, и тут же начали спускать шлюпки, – виновато проговорил боцман.

– Зачем мне еще одна шлюпка? У нас уже ялик есть. Вон, Ветрогон давеча поймал и привел, – сказал Лихогляд.

Моряки поняли, что их капитан изволит шутить, и вежливо рассмеялись. Небольшой ялик, пойманный Ветрогоном, и в самом деле качался у берега, привязанный на длинной лиане. Наконец, дошло дело до дележа прожаренной косули. Лихогляд галантно уступил честь разрезать ее Огненной Глотке. Как ни хотелось Тихоне схватить кусок пахучего мяса и запихать себе за обе щеки, он первым делом понес его Белянке, зажав между двух виноградных листьев, и только после этого вернулся и дождался новой очереди.

Неожиданно пляшущие языки костра выхватили из темноты три посторонних фигуры. Одна из них была толстой, с заплывшими жиром боками, другая – высокой, худой и сутулой, едва прикрытой остатками рваной льняной сорочки и подштанниками, держащимися на одном честном слове, а третья, самая внушительная из всех, была закована в тяже-

люю медную кирасу, и на голове ее в такт шагам колыхался такой же тяжелый шлем.

– Гнилозуб! Вот он! Явился! Хватайте его! – испуганно завизжала Белянка.

Тихоня обнял ее и прижал к своей шерстке. Однако остальные матросы, перемешавшиеся с аборигенами, настолько раздобрили от обильного ужина и умиротворения, навеянного сгустившейся ночью, что даже ухом не повели. Тем более, что их было во много раз больше, чем пришельцев.

– Посмотрите-ка, кто тут у нас! – язвительно заявил Лихогляд, разглядывая тройку, неуверенно топчущуюся вдали от костра. – Сам городской магистр, да не один, а с его святейшеством, главой Ордена Тихого Прикосновения Восьми Мудрых Крыс! А с ними, как всегда, верный охранник, даже ночью не снявший доспехов. Можно подумать, что на наших скромных берегах назначена выездная сессия магистрата. Или такое блестящее начальство явилось, чтобы арестовать бедного капитана, с которым вы, как я напомним, заключили исключительно честную сделку?

– Мы хотим предложить новую сделку, – скрипучим голосом проговорил Гнилозуб. – Нам нужна шляпка, чтобы как можно скорее убраться отсюда.

– У меня есть ялик с вашей разобранный бригантины, – заявил Лихогляд. – Но что вы дадите взамен? Если это действительно сделка, то она должна быть для меня выгодной, и

надеюсь, вы предложите не дырявые подштанники его святейшества.

– Мне есть, что предложить! – с вызовом проговорил Гнилозуб и вытащил из-за пазухи большой ключ с раздвижной круглой головкой.

– Ах ты, мерзавец! – разъяренно вскричал Тихоскок и рванулся в сторону магистра.

Однако Лихогляд схватил его за край безрукавки и удержал на месте.

– Не торопитесь так, мон ами, – ласково прошелестел он. – Ведь нам предлагают сделку, а во время деловых разговоров сторонам не пристало размахивать кулаками.

– Это тот самый ключ от подводного города! – вне себя от гнева вскричал Тихоскок. – Я первым нашел его! Этот жирный хряк выудил его у меня после того, как оставил проливать кровь под гнездом упыря.

– Ах, ключ от подводного города... – лениво протянул Лихогляд, стараясь скрыть блеск лихорадочно заблестевших глаз. – Но мы же знаем, что это всего лишь сказки. Разве не так?

Он хитро улыбнулся и подмигнул Тихоскоку. Тихоня хотел было броситься в спор и во все горло доказывать, что подводный город – никакая не сказка, и капитан сам это знает, иначе не явился бы за ними в такую даль и не торчал бы тут, на берегу, среди ночи. Однако, заметив лукавую улыбку капитана, осекся и прервал себя на полуслове.

– А почему бы вам, уважаемый магистр, просто не взойти ко мне на борт? – предложил Лихогляд. – Приглашаю вас на мою Лазурную мечту.

Он особенно подчеркнул слово «мою».

– Тем более, что вы с ней хорошо знакомы.

– Ну уж нет! – тем же скрипучим голосом расхохотался магистр. – Чтоб мы сами вошли на пиратский корабль? Я умею оценивать риски.

– Вы не доверяете мне? – притворно удивился капитан.

– Какой умник доверится капитану пиратов?

– Ну что вы заладили: пират да пират. Я порядочный коммерсант. Мой бизнес: морские грузоперевозки и транспортные услуги.

– Нам не нужны ваши услуги. Нам нужно хоть что-нибудь, на чем мы сможем уплыть, – настаивал Гнилозуб.

Лихогляд внимательно взглянул на Тихоню.

– Нам необходим этот ключ. Без него мы не сможем войти в город предков, – негромко проговорил тот, отвечая на взгляд капитана.

– Так и быть, я согласен! – рассмеялся Лихогляд, пытаюсь снять повисшее в воздухе напряжение. – Превосходный двухвесельный ялик в обмен на обветшалый артефакт непонятного предназначения – не самая удачная из моих сделок. Но я готов сделать все, чтобы помочь городским властям. Не забудьте это, когда будете решать вопрос об амнистии для тех, кто раньше имел кое-какие грешки.

– Не забудем, уж будьте уверены! – заверил его Гнилозуб, и тон его сулил мало хорошего.

– Ветрогон, мон ами, не соблаговолишь ли отдать им ялик, что ты выловил днем из воды? – медовым голосом осведомился капитан.

– Пусть берут и уматывают, чтоб их акула три дня прожевать не могла, – недовольно откликнулся шкипер.

– Вот и славно!

Лихогляд осторожно приблизился и взял из рук Гнилозуба тяжелый ключ. Драгоценные камни в его раздвигающейся головке засверкали искорками в отблесках костра. Капитан с удивлением взгляделся в изображение странного существа, словно катящегося внутри колеса, в которое оно уперлось раздвинутыми руками и ногами. Не теряя ни секунды, Гнилозуб с товарищами принялся забираться в ялик, который Ветрогон с большой неохотой подтянул к берегу на лиане. Едва они расселись по скамейкам, как Твердолоб, не дожидаясь понуканий, схватился за весла и принялся грести подалее от кромки прибоя.

– Пойдите, вы что, так просто отпустите их? – изумленно вскричала Белянка. – Этому гадкому толстяку нельзя верить! Он всегда надувает!

– Что поделать, моя лапочка, сделка есть сделка, – ласковым тоном возразил ей капитан.

– Утопить бы их тут, прямо в этой лагуне, – с досадой сказал Тихоскок.

– Ой, не буйствуйте, мой друг, – с ледяной интонацией ответил ему Лихогляд. – Вы и так тут побуйствовали, как я погляжу. Что это за могилка с двенадцатью именами появились в песке? Кто в ней похоронен?

Тихоскок раскрыл рот, чтобы ответить, но ему не хватило воздуха, и он задохнулся. Двенадцать заколотых стражников все еще стояли у него перед глазами. Однако Беянка не желала сдаваться. Она выудила из песка епископский посох с серебряным навершием, сделала над собой усилие и запустила его вслед уходящему ялику. Посох угодил точно в цель и глухо стукнулся о деревянное дно лодки. Мурöver поднял его, вытянулся во весь рост на корме и гневно затряс им, словно грозя остающимся. Однако ялик быстро удалялся от берега, и вскоре трясущаяся фигура его святейшества растворилась во тьме.

Сытые туземцы попеременно с пиратами повалились на песок и дружно захрапели. Одна только Огненная Глотка осталась сидеть у воды, тревожно вглядываясь в ночную тьму. Неистовый Сусл наконец стянул с головы звериный череп и прикорнул рядом с ней. Полная атаманша недовольно взглянула на сопящего супруга и жестко пихнула его кулаком в бок. Тот подскочил, протер глаза и принялся озираться по сторонам.

– Не спать! – велела ему жена, попыхивая из трубки дымком. – Стой на стреме!

Тихоня раздобыл для Беянки кусок паруса, сорванного с

бригантины, и заботливо подстелил ей, чтобы не пришлось спать на голом песке. Сам он устроился неподалеку, не решаясь придвинуться к ней вплотную.

Внезапно в притихших джунглях раздался треск ветвей и топот босых пяток. На берег вырвался раскрашенный черношерстый туземец и истошно завопил:

– А-ой! Злобный демон! Вырвался из пирамиды и напал на поселок! Никого не щадит!

Огненная Глотка так вздрогнула, что дымящаяся трубка выпала из ее ладони на песок. Неистовый Сусл подскочил и начал натягивать череп себе на затылок. Аборигены переполошились и заметались по берегу, пытаясь сбежать хоть куда-нибудь, однако на узкой полоске суши между лесом и морем им некуда было деться, отчего их паника только усилилась. Изумленные моряки подскочили за ними вслед, хотя и не могли разобрать, что происходит.

– Скорее! Идем защищать поселок! – воинственно взывала атаманша.

– Поздно! Жители сами бегут сюда! – крикнул в ответ прибежавший гонец.

В самом деле: из темных джунглей начали появляться фигуры детей и женщин, которые, округлив глаза, бросались к кромке воды и присоединялись к мечущимся воинам. Некоторые полезли в море и пытались окунуться в него с головой, чтобы хоть ненадолго скрыться от чуткого нюха демона.

Тихоня придвинулся и инстинктивно прикрыл Белянку,

даже не думая, что он делает. Карие глаза девушки испуганно забегали по сторонам, она прижалась к нему и притихла в его объятьях. Звезды над их головами неожиданно замерцали, словно их закрыло чье-то летящее тело. Раздались хлопki перепончатых крыльев, так хорошо знакомые Тихоскоку.

– Упырь! Он прямо над нами! А-ой! – заголосила Огненная Глотка.

Аборигены смешались в кучу.

– Боцман, дуй тревогу! – скомандовал Лихогляд подчиненным. – Сиволап, Чумадур, живо ко мне! Дуболом, тащи весла! Будем отбиваться!

Посреди всеобщей суматохи капитан пиратов старался продемонстрировать спокойствие и твердую волю. Однако получалось это плохо: парик на его голове сполз набок, фетровая треуголка с пером слетела, а распашной кафтан с перевязью он и вовсе сбросил на песок, оставшись в одном камзоле с длинными кружевными рукавами. Но команда по привычке слушалась своего капитана. Боцман тут же задул в дудку, подавая тревожный сигнал. Двое моряков – один немолодой, низкий и толстый, другой помоложе, долговязый и тощий, обнажили сабли и сжались вокруг капитана, всем своим видом показывая, что готовы прикрыть его своей грудью. Отвязный пират с бурой всклокоченной шерстью уже размахивал веслом, отгоняя невидимую в темноте напасть.

Однако осмысленнее всех действовал Ветрогон. Не дожидаясь приказа, он вскарабкался на скособоченную палубу

бригантины и принялся заряжать пушку, до сих пор торчащую у нее на борту. Боцман перестал ошалело дудеть и бросился помогать ему.

– Бизань-дерезань! Нужен порох! Капитан, не завалилось ли у тебя в кружевах мешочка хорошего пороха? – выкрикнул шкипер.

– Сиволап! Чумадур! Помогайте ему! – вертя головой и высматривая в небе опасность, приказал Лихогляд.

Двое его телохранителей тут же бросились в шлюпку, спущенную с «Лазурной мечты», и приволокли из нее небольшой мешок прекрасного сухого пороха.

Нетопырь тем временем учуял запах крови и спикировал на Тихоскока.

– Да что ж это он на меня все и на меня? – в отчаянии закричал Тихоня. – Я что ему, недоеденная отбивная?

– Видно, он считает тебя своей законной добычей, – откликнулся Лихогляд, отступая подальше к воде.

Летающий кровосос попытался угнездиться у Тихоскока на загривке и прокусить ему шкурку. Увидев перед собой тупое мохнатое рыло, Белянка во все горло заверещала и принялась молотить по нему кулачками, стараясь сбить его со своего жениха. Нетопырь удивленно вспорхнул, отпустил Тихоскока и набросился на нее. Теперь уже сам Тихоня ухватил его снизу за лапы и потянул на себя, чтобы оттащить от подруги.

– Отпусти его! – закричал с палубы Ветрогоп. – Дай мне

прицелиться и стрельнуть!

Но Тихоня впал в ступор. Он до того ошалел, что пальцы его сами сжимались, едва не ломая жилистые лапы летуна, обтянутые шершавой кожей. Нетопырь сделал усилие, с шумом замахал крыльями и оторвал его от земли. Вдвоем они поднялись над истоптанным песком, и нетопырь начал уносить жертву в сторону джунглей.

– Тихоня, бросай его! – закричала Белянка.

– Падай быстрее! Я стреляю! – вопил Ветрогон.

Тихоскок не понимал, чего от него хотят. Он чувствовал только, что нужно как можно сильнее держать этого упыря, чтобы он не посмел броситься еще раз на его Белянку. Это единственное, что умещалось в воспаленном сознании Тихони в тот миг.

Белянка поняла, что его переключило, подскочила и вцепилась пальцами в его щиколотки. Ее тоже оторвало от земли и понесло ввысь. Однако нетопырь не мог тащить сразу двоих, такой груз оказался ему не под силу. Он неловко хлопнул крылом и принялся заваливаться набок. Тихоскока качнуло, и он разжал пальцы – так же инстинктивно, как только что сжимал их. Вдвоем с Белянкой они грохнулись на песок – хорошо, что летучий упырь не сумел поднять их высоко.

И тут же грохнул оглушительный выстрел из пушки. Прицелившись, Ветрогон выпустил из темного жерла ядро, которое быстро достигло цели и с глухим шмяком врезалось

летуну в перепонку. Перебитое крыло согнулось пополам, нетопырь свалился на землю в десяти шагах от Тихони с Белянкой и неловко запрыгал по берегу. И тут же Лихогляд, подняв в руках саблю, отважно заголосил:

– Ребята, хватай его! Бей чем попало!

Целая толпа пиратов и аборигенов с копьями бросилась ловить подбитого демона. Его вмиг оттеснили от джунглей и прижали к кромке воды. Деваться нетопырю было некуда, и, сделав отчаянное усилие, он взлетел на одном крыле и понесся над водой, то и дело втыкаясь рылом в невысокие волны. Он уже становился почти невидимым в ночной темноте, едва рассеянной светом полной луны, когда грянул второй выстрел. Ядро, посланное Ветрогоном, чиркнуло его по хвосту, отчего летун перекувыркнулся через голову и грохнулся в воду, подняв тучу брызг. Его намокшая шерсть пару раз мелькнула в слабых отсветах, а затем скрылась в темной пучине.

Аборигены на берегу радостно завопили, потрясая рыбьими копьями, и моряки присоединились к ним, разразившись торжествующими воплями. Все бросились поздравлять Ветрогона, который слез с палубы в окружении двух товарищей.

Тихоскок поднял с песка Белянку, сжал ее в объятьях и устало спросил:

– Ты цела?

– Я-то цела, а вот у тебя снова ухо разодрано, – отозвалась она. – Опять придется тебя лечить. Только на этот раз у меня

нет мази.

– Меня лечат твои ласковые ладони, – засмеялся Тихоня.

– Все бы тебе смеяться, – улыбаясь, сказала Белянка. – Пойдем хотя бы к воде, я тебе ранку промою. От морской воды она быстрее заживет.

Повинуясь подруге, Тихоскок подошел к кромке приборя и окунулся в морскую лагуну. Вода показалась ему теплой и мягкой. Саднящую рану на ухе сначала защипало, но после он почувствовал облегчение. Он рассмеялся и потянул Белянку за собой. Она заупиралась, но через миг поддалась и тоже обрушилась в воду, поднимая вокруг себя брызги, блестящие под луной.

– Бизань-дерезань! Вот вы где! – заорал Ветрогон и вломился в воду за ними вслед.

Он сгреб их обоих в охапку и обнял так, что у Тихони дух перехватило.

– Ах ты, старый курилка! – смеясь, сказал Тихоскок. – Я и не знал, что ты так здорово стреляешь из пушки. Два раза стрелял в темноте, и оба раза попал. Где ты так научился?

– Мастерство не пропьешь! – хохоча, ответил ему пожилой шкипер. – Голова уж забыла, а руки-то помнят. В прежние времена меня считали лучшим канониром на всем Изумрудном берегу. Однако пойдете к нашим новым друзьям-туземцам. Они устраивают в нашу честь большой праздник.

– Еще бы! – поддакнул Тихоня. – Ведь теперь ты для них

– избавитель от грозного упыря, который не давал им спокойно жить.

– Вот и славненько! – обрадовался Ветрогон. – Может, удастся взять с них хороший запас зерна и вяленого мяса. А то нам еще плавать и плавать.

Глава 7. В Крысином гнезде

– Ох, доберусь я до них! – сжимая от ярости кулаки, выкрикивал Гнилозуб.

Из его рта брызгала слюна, хвост в бешенстве метался по мокрому дну ялика, а вздыбленные усы ходили ходуном.

– Вы, ваше высокородие, лучше до весла доберитесь. А то мы с его святейшеством уже из сил выбились грести, – недовольно перебил его Твердолоб.

– У меня уже волдыри на ладонях, – пожаловался Муровер.

– А кто на корме будет сидеть? – возразил магистр. – Кто будет править? Махать веслами – ума много не надо. А вот выбирать верный путь – тут нужна голова. На корабле главный – кормчий.

– На двухвесельном ялике не нужен кормчий. Да и кормового весла у нас нет. Все равно вы сидите и ничего не делаете, – настаивал Твердолоб.

– Давай я погрёбу, если ты такой неженка! – с раздражением выплюнул из себя Гнилозуб и сменил охранника на скамье.

Однако стоило ему несколько раз погрузить весло в воду, как на его толстых боках выступил пот, а с носа закапали крупные капли.

– Ну вот, доигрались! – плаксиво сказал магистр. – Теперь у вашего босса тяжелое истощение. Не будет меня – куда вы все денетесь?

Твердолоб тяжело вздохнул и взял у магистра весло. Довольный Гнилозуб вернулся на корму и снова пустился строить мстительные планы о том, как он разделается с этим вредным студентом и этой испорченной альбиносской, которую он хотел облагодетельствовать, а она, марамойка такая, отплатила ему черной неблагодарностью.

– Нет, дальше так невозможно! – бросил весло Твердолоб. – Уже сколько гребем, а берега все не видно.

– Потерпи, дружок, – попытался утешить его Муровер. – Течение само несет нас к Крысиному гнезду. Нужно только держать лодку в струе.

Над головами у них начала виться небольшая стая чаек. Одна из птиц села на борт и уставилась на блестящую медную кирасу охранника, которую тот не хотел снимать даже посреди моря.

– Давайте поймаем ее и съедим! – предложил Гнилозуб. – Сколько времени мы уже без еды? Я изголодался.

– Потерпите, ваше высокородие, – терпеливо сказал Твердолоб. – Раз птицы летают, значит, суша недалеко.

Охранник не ошибся: вскоре над горизонтом показалась темная полоска земли, прикрытая туманной дымкой облаков. Магистр вскочил на корме и принялся подпрыгивать, пытаясь получше разглядеть ее.

– Мы доплыли! Мы дома! Ну, теперь держитесь, враги! – вопил он.

– Перестаньте раскачивать лодку! – недовольно прикрикнул на него кирасир. – Глупо будет утонуть, когда до берега осталось всего ничего.

Крысиное Гнездо с его каменной цитаделью располагалось в двадцати крысомилях от Изумрудного берега. Чтобы добраться до него, нужно было подняться вверх по течению Мышиного ручья, на котором гремела крупнейшая судовой верфь. Тут день и ночь стучали топоры и звенели пилы, перекликались мастера и опытные корабелы.

Едва войдя в русло Мышиного ручья, гребцы на ялике почувствовали сильное встречное течение и бросили весла.

– Нет, я так больше не могу! – сказал Твердолоб, вытирая пот, стекающий из-под медного шлема. – Давайте сходить на берег.

Муровер судорожно начал поправлять свои подштанники и озираться по сторонам – не видит ли кто его жалкое состояние? Но Гнилозуб и не думал обращать внимание на тревоги своих попутчиков. Он первым соскочил на заболоченную почву и по-хозяйски зашагал вверх, вдоль течения реки. Епископ, придерживая рукой спадающую ляжку, поторопился за ним, а Твердолоб отстал, пытаясь привязать ялик к кусту.

Через полчаса быстрой ходьбы до слуха путников донесся

визг пил, вгрызающихся в древесные стволы, и веселый стук топоров. За излучиной их глазам открылась неожиданная картина. Строительные леса уносились ввысь на несколько ярусов. По дощатым перекрытиям сновали мастера с инструментами и корабельной оснасткой. За их плотной паутиной виднелись борта красавца-галеона – такого большого, какого Гнилозубу и его спутникам еще не приходилось видеть. На корме корабля высилась надстройка, в которой полным ходом шла отделка кают капитана и пассажиров. На палубе уже устанавливали мачты, к которым прилаживали поперечные реи. На носу корабля красовалась фигура морского царя, грозно тянущего трезубец в морскую даль.

Увидев эту картину, Гнилозуб остановился так резко, что его спутники налетели на его спину.

– Не будем задерживаться! – жалобно простонал Муровер, испугавшийся, что посторонние увидят его в столь неприглядном виде.

Но Гнилозуб даже ухом не повел на его просьбу.

– Мне нужен этот корабль! – решительным голосом заявил магистр, оборачиваясь к растерявшимся товарищам. – На нем мы вернемся в море и передадим наших врагов, как мышей. Мы расправимся и с этими вероломными пиратами, и с коварным студентом. Но самое главное – я спущу наконец с этой заносчивой альбиноски ее белую шкурку и выставлю ее напоказ перед зданием ратуши. И пусть только кто-нибудь пискнет издевку в мой адрес. Весь город узнает, что я не про-

щаю тех, кто посмел мне противиться!

Городской совет собрался в ратуше рано утром, не дожидаясь, пока на площади скопится празднующийся народ. Члены совета сидели невыспавшиеся и насупленные. Их торжественные кафтаны синих, зеленых, оранжевых и фиолетовых цветов, перевязанные разноцветными лентами, были небрежно распахнуты. Под кафтанами виднелись камзолы с сорочками, расшитые позолоченными нитями. У многих на пальцах сверкали перстни с драгоценным зеленым стеклом, обточенным морскими волнами.

Бургомистр Серобок поднялся из-за стола, тянущегося через весь зал, и отодвинул подальше кресло с высокой спинкой.

– Почему мы собираемся в такую рань? На улице еще темно, – недовольно проговорил магистр Артуй, один из старейших членов совета. – Мы что, заговорщики?

– Народ сильно волнуется, – ответил ему Серобок. – В селах неурожай, зерно подорожало. Хозяйки не могут запасти на зиму овес и ячмень, им приходится собирать дикие одуванчики, а от них во рту стоит горечь. Любая плохая новость – и вспыхнет восстание. Мы должны быть особенно осторожны.

– А что мы можем сделать? – вступил в разговор молодой Златохруст, наследник богатого рода. – Начало лета выдалось холодным, а после наступила жара с засухой. Урожай

зависит от погоды, а не от нас.

– Но именно мы должны заботиться о благополучии города, и именно нас народ будет обвинять во всех бедах, – возразил ему Серобок.

Старый Артуй поправил на груди фиолетовую ленту с большим орденом Земледела, прокашлялся в кулачок и заметил:

– Народу нужна ритуальная жертва. Нужно скормить толпе одного виноватого, пока нас не съели всех до последнего.

– И кого же ты скормишь толпе? – ехидно спросил бургомистр. – Может, кого-то из тех, кто сидит за этим столом?

– Того, кого народ и без нас считает самым большим мироедом, – негромко сказал пожилой магистр.

Все сразу поняли, о ком идет речь, и замолчали. Никто не хотел первым произносить имя могущественного Гнилозуба.

– А чего нам бояться? – решился заговорить молодой и неопытный Златохруст. – Мы все знаем, как этот толстяк разбогател. К тому же, он куда-то пропал. Пока его нет, момент самый удобный. Объявим, что это он во всем виноват – народ клюнет.

Собравшиеся разом загомонили, выражая свое одобрение. Серобок почувствовал их единодушие, перестал колебаться, и, стукнув по столу кулаком, решительно проговорил:

– Быть по сему. Послезавтра начинается ярмарка по случаю праздника Мудрого Земледела. Зерна и припасов наве-

зут в изобилии, народ будет доволен. Там, на площади, и объявим об исключении Гнилозуба из магистрата. Только бы горожане на этом угомонились, и не принялись бы после за нас!

Деревянные ворота Дубового города никто не охранял. Тяжелые створы, окованные железом, были распахнуты настежь, гостеприимно приглашая любого желающего. Стражи поблизости не было, хотя по уставу не менее двух караульных должны были проверять всех входящих и выходящих.

Твердолоб набычился, ударил кулаком себя в грудь, отчего его кираса зазвенела, и прорычал в усы:

– Ах вы, лодыри! Ну погодите, я вас научу устав соблюдать!

– Все могло быть и хуже! – уныло проговорил Муровер. – Кто бы нас пропустил в таком виде?

– Меня бы пропустили, – мстительно проговорил начальник охраны. – Начальство нужно узнавать даже с завязанными глазами!

Они вошли на посад и застучали когтями по деревянным мосткам, накиданным поверх уличной грязи. Из-за заборов начали выглядывать любопытные горожане и стрелять в них глазами. Мальчишки швыряли в них комьями грязи и тут же убегали. Самые смелые останавливались на безопасном расстоянии и принимались издали дразнить оборванных путников, выкрикивая обидные насмешки.

– Ах вы, негодники! – рассердился Гнилозуб. – Если б вы только знали, на кого разеваете пасть!

Однако мальчишки, и, что еще хуже, взрослые, кажется, прекрасно это знали. Они узнавали магистра по куцей бурой шерсти и толстым бокам, колышущимся, как волны прилива. Что точно не могло обмануть их – так это сверканье его золотой коронки, когда он оскаливался, чтобы ответить на оскорбления.

– Посмотрите, как ободрали нашего олигарха! – зубоскалили горожанки, распахивая калитки и высыпая на улицу. – Что-то вы отощали, ваше высокородие! А где ваш роскошный кафтан? Неужто пришлось продать его за долги?

– А кто это рядом с ним? – присоединялись к хохоту их мужья. – Начальник стражи в своих блестящих доспехах? Наш доблестный рыцарь без страха и упрека? Кто ж это вас так помял, сударь? Кто посмел поднять на вас мохнатую лапу?

Твердолоб огрызался и тихо рычал от злости. Но больше всего насмешек досталось епископу – его распознали только по посоху, который он судорожно сжимал в руках.

– Вот это да! – вопила молодежь, заливаясь от восторга. – Его святейшество в драных подштанниках! Так вот как выглядит Орден Тихого Прикосновения с исподней стороны! Вот и вскрылись наружу все святейшие тайны!

Муровер зажал ладонями глаза, чтобы не видеть оскорбляющих его горожан, и тихо бормотал себе под нос:

– Позор! Какой позор!

Осмелев, дети осыпали их комьями грязи, отчего шерсть Гнилозуба тут же забилась пылью. К детям присоединились и взрослые, и тут уже в магистра и его спутников полетели камни. Пару раз они звякнули о медную кирасу охранника, вызвав взрыв его гнева. Но грозный кирасир не испугал, а только еще больше раззадорил насмешников.

– Что вы делаете? – попытался пристыдить их епископ. – Ведь мы стараемся ради вас! День и ночь печемся о ваших телах и душах!

– Хорошо же печетесь! – орало простонародье. – Вон как разжирел этот толстый боров! Живет в мраморном дворце, окруженном охраной, а нас загнал в сырые норы и ободрал до нитки! Думает, что весь город ему принадлежит! А что остается нам, горожанам?

Потоки камней и грязи становились все гуще. Забыв о приличиях, Гнилозуб опустил на четвереньки и припустил вперед во весь опор. Твердолоб с Мурровером последовали за ним. Они вихрем промчались через посад, нырнули в тоннель и оказались в цитадели, окруженной каменными стенами с высотными башнями. Здесь охрана уже не дремала. Твердолоба тут же узнали по его медной кирасе со скрещенными алебардами. Охранники лихо подтянули хвосты и взяли лапами под козырьки шлемов.

Однако горожане не унимались. Насмешки и комья грязи продолжали лететь в Гнилозуба со всех сторон. Он припу-

стиль по Центральной улице, нырнул в широкий проход под Парадной Аркой и выскочил на Рыночную площадь, на которой народу было – не протолкнуться. На его счастье, мраморные ступени его дворца виднелись совсем рядом, справа от арки. Однако чтобы добраться до них, ему пришлось проталкиваться сквозь толпу, в которой каждый норовил выдрать клочок шерсти из его бока.

Пожилой дворецкий Долгопят в зеленой ливрее с красными отворотами уже сбегал вниз по ступеням, чтобы вызвать хозяина из беды.

– Лапы прочь, грязная чернь! – орал Долгопят, расталкивая горожан. – Пропустите хозяина! Он у себя дома!

– Наш город – наш дом! – кричали в ответ бабы и мужики, забывшие о покупках и сгрудившиеся вокруг магистра. – На площади – мы хозяева, а не этот мироед!

Схлопотав пару раз по голове плетеными корзинами, Долгопят все же протолкался сквозь толпу, подхватил падающего Гнилозуба, у которого подкосились лапы, и потащил его ко дворцу. На крыльце он набросил ему на плечи парадный мундир с позолоченными галунами, прикрыв забитую грязью шерсть со следами выдранных клочьев.

Гнилозуб уже не мог идти сам. Его хвост безвольно волочился по ступеням, пока Долгопят на спине поднимал его к широким дверям.

– Ах вы, смерды неблагодарные! – тихо шептал магистр, оглядываясь на разошедшуюся толпу. – Вы у меня еще по-

жалеете! Я покажу вам, кто хозяин этого города! Я заставлю вас заплатить!

Окна мраморного дворца выходили на площадь. Народ и не думал расходиться – горожане стояли под окнами и осыпали магистра издевками, хотя он не показывался. Долгопят вызвал дополнительную охрану из караульной казармы, расположенной неподалеку, по ту сторону арки. Стражи, законные в доспехи, выстроились в плотную цепь и принялись оттеснять горожан алебардами.

А дворецкий уже разводил огонь в печи под просторной купальной, наполненной теплой водой.

– Как они могли так со мной? – выкрикивал Гнилозуб, скалясь от ярости. – Ведь я – Первый магистр! Я – почетный гражданин Крысиного гнезда и председатель Торговой Палаты! А они кто? Оборванцы, холопы, смерды! Да я их на фарш пушу!

– Тихо, тихо, ваше высокородие, – бормотал Долгопят, окуная его в воду и натирая душистым мылом. – Утихомирьтесь, во имя Мудрого Крысолапа! Пока вас не было, по площади бродили гнусные слухи.

– Что за слухи? – насторожился магистр.

– Болтали, будто городское правление хочет свалить на вас вину за все беды, – с готовностью принялся докладывать дворецкий. – Будто бургомистр хочет выдать вас хвостом вперед простонародью, чтобы никто не подумал, что он

против простых горожан. Будто бы Серобок пытается таким образом удержать свое место, которое у него непременно отнимут на следующих выборах, если цены на зерно не пойдут вниз.

– Ах, так им мои цены не нравятся? – оскалился Гнилозуб, обнажая золотую коронку. – А вот я взвинчу их до самых небес, чтоб они взвыли! Тогда они узнают, что такое настоящие цены. Я контролирую две третьих рынка, стоит мне сказать слово – и любой товар тут же исчезнет с прилавков. Посмотрим, что тогда эта смрадная чернь скажет про бургомистра! Поглядим, кто первым сбежит, поджав хвост!

Тут магистру пришлось умолкнуть, потому что Долгопят принялся бережно намыливать ему голову, и пушистая пена начала набиваться в рот. Однако долго молчать ему не пришлось – у входа в купальню уже начинали толпиться жены, которых разбудила шумная суматоха, вызванная беготней слуг.

Все двенадцать обитательниц гарема во главе с Мохночупой, исполнявшей обязанности старшей супруги, принялись заламывать лапы и голосить, как будто случился пожар и пропали их драгоценности.

– Ох, вас только мне не хватало! – поморщился Гнилозуб. – А ну, брысь отсюда!

Однако законные жены знали свои права. Преодолев отчаянное сопротивление Долгопята, Мохночупа прорвалась к купальне, в которой развежился отяжелевший магистр, и

принялась наседать на него:

– Ну а с нами что будет? О нас ты подумал? Вот попрут тебя из магистрата – куда все мы денемся?

– Ой, да не беспокойтесь, – отмахнулся магистр от старшей жены. – Я держал этот город в кулаке, и буду держать. А если кто-то мне помешает – то я сожму кулак еще крепче. Сидите себе в своих норах, и не высовывайте носа наружу.

Долгопят принялся выпроваживать дам, которые не желали сдаваться. Вода в роскошном бассейне, опускающемся ниже уровня пола, нагревалась все больше и больше. Гнилозуб размягчался и тяжелел, и в конце концов веки его сомкнулись, и он сам не заметил, как провалился в глубокий сон.

Двое стражников, стоящих перед входом в ратушу, вытянулись в струнку, едва завидев Гнилозуба в парадном мундире, перевязанном фиолетовой лентой. Наконечники их алебард уткнулись в небо, открывая ему дорогу. Не обращая на них внимания, Гнилозуб быстро поднялся по ступеням и ворвался в двери, за которыми простиралась широкая лестница, уводящая на верхние этажи.

Несмотря на ранний час, заседание городского совета уже шло полным ходом. Магистр Артуй докладывал, как идет подготовка к празднику Мудрого Земледела, который начинался как раз сегодня.

– В шесть часов вечера начнется театральное представле-

ние, – неторопливо рассказывал он. – Артисты городского театра разыграют драму «Земледел и ячменное зерно», в которой рельефно изобразят, как была вспахана первая пашня и возвращено первое зерно...

– А почему только в шесть? – недовольно спросил бургомистр, который поднялся со своего места и нервно вышагивал вдоль стола за высокими спинками кресел. – Что, нельзя раньше начать?

– Раньше на площади будет ярмарка, – терпеливо объяснял ему пожилой Артуй. – Народ будет занят покупками, из сел соберутся торговцы, им будет не до театра. А вот ближе к вечеру у них все раскупят, народ успокоится и приготовится развлекаться.

– Нельзя ли избежать толкотни? – беспокойно дергая хвостом, проговорил Серобок. – Любое скопление народа для нас сейчас хуже пожара. Случайная искра – и вспыхнет бунт.

– Бунт случится, если запретить ярмарку, – скрипучим голосом попытался втолковать непонятливому бургомистру опытный Артуй. – Горожане раздражены, их нужно ублажать, а не злить...

В этот момент высокие двери, украшенные завитками, с треском распахнулись, и в зал заседаний ворвался Гнилозуб. Он шагал по паркету, твердо печатая шаг. Пушистый лисий хвост, приделанный к его шляпе, колыхался, штаны из зеленого шелка на его толстых ляжках раздувались, как паруса.

– Что, уже без меня все решаете? – закричал он, не дохо-

дя до своего места по правую руку от кресла бургомистра. – Совсем со счетов списали?

– Ах, вот и вы, – растерянно пролепетал Серобок. – Новость о вашем чудесном спасении для всех нас, как бальзам...

– Хватит лить мне сметану за шиворот! – рассерженно надел на него Гнилозуб. – В городе беспорядки. Чернь совсем страх потеряла. Вчера закидала меня камнями и грязью, а вместе со мной – начальника городской охраны, и, что совсем уже святотатство – его святейшество, главу Ордена Тихого Прикосновения, эту чистейшую, благородную душу! Оба общественных института, на которых покоится порядок – охрана и инквизиция – в их лице подверглись подлейшему осмеянию. Я требую организовать карательную экспедицию и наказать виновных.

В зале повисло молчание. Члены городского правления разинули рты – такого не ожидали даже они.

– Простите, но кого будет карать эта экспедиция? – выходя из себя, возразил бургомистр.

– Всех, кто посмел поднять на меня свою грязную лапу! – без тени сомнений заявил Гнилозуб.

– То есть всех без разбора? И как же это, по вашему, будет происходить?

– Прочесать улицу за улицей! – орал Гнилозуб. – Изловить всех смутьянов. Подозрительных посадить, остальных выгнать за пределы крепостных стен.

– И это в разгар праздника?

– Праздник – отличный момент, – не унимался магистр. –

Злыдни сами полезут нам в руки.

– Но это же беззаконие! – сорвавшись, принялся тонким голосом вопить Серобок. – Власти должны защищать закон, а не творить безобразия.

Гнилозуб задохнулся от ярости. Он разорвал воротник шелковой сорочки, пытаясь отдышаться, и отступил на шаг назад.

– Вот, значит, вы как, господин бургомистр? – со зловещей угрозой в голосе проговорил он. – Вот, значит, на чьей вы стороне! Ну погодите! Вы, видно, забыли, кому вы обязаны этим постом!

– Этим постом я обязан народу, который меня выбирал!

– А кто финансировал ваши выборы? Кто заставлял народ плясать под вашу дудку? Да вы до сих пор оставались бы мелким судьей, если бы я не дал вам шанс!

– А вы никогда не получили бы контроль над заморской торговлей и рынком, если бы я не прикрывал ваш толстый зад! – забывшись, заорал бургомистр.

Внезапно оба опомнились и оглянулись на длинный стол, за которым сидели, разинув рты, члены городского правления. Оба спорщика тут же почуяли, что в пылу спора наговорили лишнего. Бургомистр заложил руки за спину, горделиво задрал нос и принял надменный вид. Гнилозуб заскрипел зубами, обнажив золотую коронку, и бросился вон из зала,

на ходу бросая:

– Я думал, что порядок нужно наводить только на улицах, а оказывается, начинать нужно с городского совета!

Едва он скрылся за громко хлопнувшими дверьми, как бургомистр обернулся к коллегам и дрожащим голосом проговорил:

– Нет, терпеть это дальше решительно невозможно! От этого хама нужно избавиться, и чем скорее, тем лучше!

Голосование получилось недолгим. Самый молодой из магистров, Златохруст, побежал и вернул Гнилозуба назад с полдороги. Едва парадный мундир с фиолетовой лентой показался в дверях, как бургомистр зачитал вердикт: исключить Гнилозуба из состава городского совета, лишить его звания магистра и почетного гражданина, и заключить под домашний арест вплоть до расследования его махинаций.

Гнилозуб стремительно ворвался в высокие двери своего особняка, украшенные цветистыми узорами с облезлой позолотой. Двое привратников разинули пасти и замерли, не решаясь попадаться хозяину под горячую руку.

Магистр стрелой взлетел по широкой лестнице на третий этаж и вбежал в свой кабинет, где уже поджидал его Долгопят с серебряным подносом в руках. На подносе стояла чарка вишневой настойки – по-видимому, дворецкий, за долгие годы службы до мелочей изучивший привычки хозяина, заранее знал, что ему понадобится.

Гнилозуб опрокинул чарку в рот и провел ладонью по животу, ощущая, как горячая волна разливается по пищеводу и разжигает пожар в желудке. Дворецкий запахнул полы красно-зеленой ливреи, высоко поднял нос и уставился в потолок, стараясь не встречаться с хозяином взглядом. Но тому нужно было с кем-то поговорить, а кроме дворецкого в кабинете, как на зло, никого больше не было.

– Ты представляешь, они вывели меня из состава городского совета! – возмущенно выдохнул Гнилозуб, со звоном ставя чарку на поднос. – Меня, богатейшего и влиятельнейшего из горожан! А как они город держать собираются? Как они собираются кормить эту толпу нахлебников, пищащих в своих жалких норах?

Долгопят не решался ему отвечать. Но Гнилозуб в этом и не нуждался. Он принялся возбужденно бегать из угла в угол, выкрикивая:

– Что они там о себе возомнили? Городское правление – это я! Это мне их увольнять, а не им меня. Я и без них могу справиться. В этом городе все за меня. Твердолоб со своей стражей – на моем содержании. Орден и инквизиция – за меня, я всегда их поддерживал. Есть, правда, нищая голытьба и умники из университета, но они-то как раз ничего не решают. Да и прищучить их – проще простого.

Гнилозуб остановился посреди кабинета, выглянул в высокое окно, за которым расстилалась Рыночная площадь, и широко улыбнулся, обнажив золотую коронку.

– Вот что, Долгопят, дружок мой, – сказал он совсем другим тоном, тихим и вкрадчивым. – Распорядись-ка запереть на замок мою сокровищницу, и перестань отчислять налоги в городскую казну. Без меня она мигом опустеет. Посмотрим, что скажет стража, когда бургомистр не заплатит ей жалованья. Пусть продает гербовую печать, чтобы с ней расчитаться!

Он сам расхохотался от своей задумки и оживленно продолжил:

– Суды перестанут получать содержание, университет – стипендии. Оружейная палата, почта, присутствия – всем придется закрыться. Решили обойтись без меня? Обходитесь и без моих денег! А в довершение всего вели приказчикам из моих сельских имений остановить обозы с зерном и солениями, которые они посылают на продажу в город. Пусть заготавливают их впрок в моих деревенских амбарах. От этого цены на рынке подскочат так, что злая чернь взвоят. Вот пусть нищоброды и вспомнят, кто их всех кормит!

И он хитренько подмигнул Долгопяту, оскалив коронку. Дворецкий, до сих пор не решающийся проронить ни слова, только кивнул головой и тут же выскочил из кабинета. Первым делом он побежал в подвал, где лично навесил на глубокую нору с казной огромный амбарный замок. Затем он принялся рассылать вестовых в загородные поместья, из которых на городские рынки шли телеги с продуктами. Закончив с этими делами, он спустился в каморку к своей супру-

ге, пожилой и сморщенной крыске в чепчике, и скрипучим голосом сообщил ей:

– Ты вот что... купи-ка побольше зерна и сала, чтобы на всю зиму хватило. А то боюсь, цены скоро повысятся до того, что вместо овса придется лебеду с крапивой щипать.

Торговец зерном Шишкобор выглядел очень несчастным. Его куцый хвост понуро волочился по мостовой, с которой уже неделю не сметали мусор и грязь. Позади громыхала тележка с самыми разными и самыми вкусными сортами зерна, привезенными с окрестных ферм. Шишкобор тащил за собой тележку на длинных лямках, которые он натянул на свои плечи.

Он хорошо знал путь по узким улицам цитадели, которые топтал каждое утро уже в течение многих лет. Но сегодня хозяйки не улыбались ему, как обычно.

– Опять цены выросли? Почему так дорого? – хмуро спрашивали они, выходя на крыльцо.

– Я не виноват! – с грустным видом объяснял им Шишкобор. – Стража повысила пошлины на ввоз зерна в город. Распоряжение его высокородия Гнилозуба. Он вертит ценами, как ему вздумается.

Хозяйки огорченно перебирали в руках только что собранные ячмень и овес и цокали языками. Некоторые расставались с последними медяками, другие разводили руками и показывали, что им нечего дать.

Шишкобор понуро брел дальше, и когда он прошел все улицы до единой, то его тележка не стала легче, как обычно. Почти все зерно, что он ввез, продолжало лежать на ней мертвым грузом. Он со вздохом пересчитал медяки, которых набралось всего несколько штук, и покатил свою тележку к посадку, где жил с многочисленным семейством.

А хозяйки спускались в норы и жаловались мужьям:

– Опять Гнилозуб цены взвинтил. Сколько же можно терпеть? Запасы кончаются, скоро начнем голодать.

С самого утра на Рыночной площади собирался народ. Двери ратуши были распахнуты настежь. Перед фонтаном, струи которого омывали медный столб со статуей ученой крысы, соорудили деревянный помост, на котором вечером должно было разыгаться театральное представление. Но перед ним свое слово народу пожелало сказать городское правление.

Бургомистр в серебристом кафтане, расшитом золотыми нитями, торжественно сошел по ступеням, окруженный целым сонмом чиновников и членов городского совета. Начинающаяся осень радовала горожан погожими деньками: солнце как будто торопилось излить на землю свою силу перед тем, как удалиться в заснеженный край. Его блики играли в тысячах водных капель, отчего над фонтаном поднималась лучезарная радуга. Настроение у собравшихся было прекрасным, а речь бургомистра и вовсе вызвала всеобщее

ликование.

– Добрые граждане Крысиного гнезда! – начал Серобок, подойдя к самому краю помоста. – Да будет вам известно, что городской совет принял решение вывести из своего состава негодянта Гнилозуба, запятнавшего себя недостойными махинациями, а также лишить его званий магистра и почетного гражданина. Пусть этот праздничный день запомнится всем нам, как начало нового, судьбоносного этапа в жизни нашего города!

Торговцы и селяне, собравшиеся на ярмарку, не слишком хорошо уловили смысл этой напыщенной речи, произнесенной на языке, которым обычно говорят на собраниях и в судах. Они поняли только, что ненавистный олигарх Гнилозуб с позором изгнан из городского совета, и теперь жизнь станет легче.

Поднялась буря восторга. Немедленно заиграл духовой оркестр, оглушив всех гулом сверкающих медных труб. Звон литавр оказался перекрыт радостными выкриками гуляющих, пустившихся в пляс. Фермеры подхватили горожанок за расплывшиеся талии и принялись кружить их по бульжной мостовой, и выкидывали при этом такие коленца, что пришедшие целой толпой студенты только диву давались. Профессор Гладкошерст в черной университетской мантии с квадратной шапочкой не мог уследить за своими подопечными, и те немедленно разбежались по разным углам площади, выскивая фрукты и овощи посвежее. Несколько осо-

бо юрких старшекурсников улизнули в таверны, откуда тотчас же послышался звон пивных кружек и их подозрительно веселые голоса.

Шишкобор довольно потер ладони – он только что развез по прилавкам остатки моркови и репы, и теперь был свободен. Его тележка стала легкой и с громом подпрыгивала на булыжниках, и от этих звуков у ее хозяина становилось легко на душе.

– Эй, Шишкобор! Угости-ка нас земляничкой! – лихо закричал Барабаш, бывший однокурсник Тихони.

Он бродил между торговых рядов в окружении целой оравы девушек и парней и стрелял глазами по сторонам, выискивая, что бы стащить.

– Поздно! – смеясь, ответил ему разносчик. – Я уже все раздал.

– Знаем мы, что у тебя значит «все раздал», – так же смеясь, крикнула ему Яска, подруга Барабаша. – Твои запасы никогда не кончаются.

– У меня своих запасов вообще нет, – возразил ей разносчик. – Это фермеры мне с полей везут.

– Так пойдем с нами в таверну, – пригласил Барабаш. – Отпразднуем отстранение этого подлого Гнилозуба. А то он грозился наш универ закрыть. Может, хоть теперь инквизиция от нас отвяжется?

Шишкобор с радостью согласился, и, бросив пустую тележку у входа, присоединился к шумной толпе студентов,

по-хозяйски занимающих лавки за деревянными столами.

Глава 8. Верховный деспот

Гнилозуб стоял в своем кабинете и мрачно наблюдал за ярмаркой из-за задернутой шторы.

– Какие противные эти студенты! – невольно морща нос и дергая усами, думал он. – Они такие разгульные и безалаберные! От них один беспорядок. Почему стража их не приструнит?

Раньше все было не так. В прежние времена молодежь уважала старших. Чиновников почитали, магистрам смотрели в рот. Когда я был таким же молодым, как они, я не мог равнодушно смотреть на блестящий мундир или расшитый узором кафтан. Я был беден и голоден – так же, как и они сейчас. Но как я мечтал войти в ратушу! Как мне хотелось надеть такой же узорный кафтан с парадной лентой. Как мне грезилось, что я получаю орден за большие заслуги! У меня была цель – стать богатым, влиятельным, внушающим страх. Сколько лет на это ушло! Но я своего добился. Я горжусь этим! Я всегда добивался того, что хотел. А сейчас эти ушлые господинчики из совета, эти безмозглые студенты, тупые фермеры и злокозненные мещане хотят лишить меня всех достижений?

Ну уж нет! Ради чего были эти долгие и упорные годы борьбы? Ради чего я шел по головам, предавал старых дру-

зей, разорял соперников и избавлялся от конкурентов? Чтобы все потерять? Как бы не так! Вы не знаете, кто я такой. Вы не знаете, какой крепкий у меня характер.

Клянусь вам, подлые горожане, посмевшие покуситься на мое состояние. Клянусь головой, что заставлю вас покориться и признать мою власть. Или я, или вы – третьего не дано. Я одержу верх над вами, а если этого не случится – то пусть от меня останется мокрое место! И, конечно же, я поквитаюсь с этой легкомысленной альбиносской, соблаздившей меня своей гладкой шерсткой, а затем променявшей на сбрендившего студентишку, одержимого сумасбродной идеей найти мифических предков.

Прямо тут, на этой вот площади, я выставлю на всеобщее обозрение их шкуры, и тогда вы все задрожите и прижмете хвосты!

При этой мысли он невольно ощерился, и его золотая корона сверкнула в окне. Он испуганно задернул штору и отступил на шаг назад, но солнце на площади сияло слишком ярко, и его темной фигуры никто не заметил.

Театральное представление было в самом разгаре. Мудрому Земледелу только что удалось добыть первое в мире зерно из подземного царства, спрятанного в самой глубокой норе. Земледела изображал Барабаш. Ему на голову нацепили огромную маску, размалеванную белыми, красными и синими красками так, что один ее вид приводил простодушных

зрителей в восторг.

Яска играла роль Крысодевы, дающей надежду и утешение. Мудрая Дева только что подсказала Земледелу, что зерно не прорастет без дождя, и теперь Первый Сеятель обегал первые ряды, завывая из-под своей демонической маски:

– О, как же добуду я дождь? Ведь он льется с неба. Но небо – зловещий край лютых демонов, что нападают на добрых крыс и терзают когтями их плоть. Мне не справиться без помощника. Кто пойдет в этот адский заоблачный край вместе со мной?

При этом Барабаш встал на край сцены и принялся хватать за руки зрителей из первых рядов, подтягивая их к себе. Горожане и горожанки до того перепугались, что их и вправду утащат в страшное поднебесье, что завизжали и принялись разбегаться.

– Я отправлюсь вместе с тобой! – пришла им на выручку Крысодева.

Она опустилась на колени, трагически охватила ладонями голову, и звонким голосом Яски на всю площадь принялась причитать об ужасных опасностях, ожидающих героев в заоблачной стране. Зрители успокоились и с облегчением принялись хлопать в ладоши.

Бургомистр и члены городского совета расселись чуть поодаль в мягких креслах. Им хорошо было видно высокую сцену, на которой голосили актеры. Рядом с Серобокком чинно восседал Муровер. Его святейшество уже ничем не напо-

минал того оборванца в сваливающихся подштанниках, каким он выглядел еще пару дней. Епископ вновь облачился в выглаженную сутану с лиловой шапочкой, а на коленях его покоился посох с навершием в виде серебряной головы, хищно разинувшей пасть. За спиной Серобока пристроился Твердолоб в вычищенной кирасе и отполированном шлеме. Начальник охраны старался изо всех сил показать бургомистру свою преданность: он суетился, угадывал желания и заглядывал ему в рот.

Неожиданно со стороны мраморного дворца Гнилозуба, расположенного за спинами зрителей, раздался шум. Высокие двери с резными узорами распахнулись, и на крыльце показался низложенный магистр в самом роскошном одеянии, какое можно было увидеть на нем по торжественным случаям. Искусно сшитый камзол из темно-синего бархата был перехвачен фиолетовой лентой с золотым орденом Крысолапа. Короткие зеленые бриджи с коричневыми лентами перетягивали его ноги ниже колен. По белой шелковой сорочке змеей струился малиновый пояс, а на голове колыхалась широкополая шляпа с пушистым лисьим хвостом.

За ним неуверенно семенил престарелый дворецкий в зеленой ливрее с красными отворотами. Долгопят, как обычно, задирает кверху голову, как будто приносиваясь к тому, что происходит вокруг.

Увидев эту пару, народная толпа расступилась, образовав широкий проход. Гнилозуб быстрым шагом приблизился к

креслам, в которых сидели члены городского совета, и встал прямо перед бургомистром.

– Ах, вот и вы, – недовольно сказал Серобок, отворачиваясь и избегая встречаться с магистром взглядом. – Что вам тут понадобилось?

– Как что? – возмущенно выкрикнул Гнилозуб. – Я все еще гражданин Крысиного гнезда, и могу присутствовать на праздниках, как и все хорошие горожане.

Услышав эти слова, окружающие недовольно загудели: по всей видимости, сами «хорошие горожане» не принимали отставного магистра за своего.

– Да будет вам известно, что против вас заведено уголовное дело за расхищение казны! – проговорил бургомистр, все так же стараясь не смотреть на олигарха.

Собравшиеся загомонили еще громче – кто выражал возмущение проделками олигарха, а кто с одобрением отзывался о действиях бургомистра.

– О, да! Давайте расследовать! – издевательски расхохотался Гнилозуб. – Запустить лапу в казну в одиночку еще никому не удавалось. Боюсь, расследование даст неожиданные результаты. Оно покажет, что в городском совете у многих рыльце в пушку.

Пожилой магистр Артуй и молодой Златохруст, сидящие на противоположных концах ряда, одинаково подскочили и засуетились в своих мягких креслах.

– Заткните ему пасть! – выкрикнул нервно Артуй. – А то

он такого наговорит!

– Я-то наговорю, уж будьте уверены! – заверил его Гнилозуб. – Расскажу, почему мостовые служат всего один год, и сколько на самом деле стоит починка стен цитадели, и зачем наш уважаемый бургомистр затеял строительство этого огромного галеона на судоверфи, которая, как всем известно, принадлежит его зятю. Пусть горожане знают, за чей счет это делается!

– Хватит! Замолчите немедленно! – тонким голосом взвизгнул Серобок. – Начальник охраны, арестуйте обвиняемого немедленно!

Твердолоб звякнул кирасой и вытянулся перед бургомистром в струну. Толпа народа ахнула и замолчала. Артисты на сцене остановились и замерли, а Барабаш даже стянул с головы свою маску. Со стороны здания караульной службы показалась вереница вооруженных стражников. Два десятка охранников мигом окружили Гнилозуба с дворецким и оттеснили от них толпу.

Епископ Муровер резко встал со своего кресла и обратился к народу:

– Чада мои, именем мудрых заклинаю вас – отойдите подалее и не мешайте вершиться правосудию!

Горожане начали отступать к краю площади, оставляя ее середину пустой.

– Что, хотите арестовать меня прямо здесь, на глазах у всего честного народа? – с вызовом выкрикнул Гнилозуб.

– Начальник! – не слушая его, тонким голосом визжал Серобок. – Исполняйте свой долг! Уведите, и заткните его, наконец!

Твердолоб прошел сквозь линию оцепления, приблизился к Гнилозубу и, смущенно шевеля усами, проговорил:

– Извините, ваше высокородие. Служба есть служба.

Гнилозуб коварно улыбнулся и протянул ему запястья, предлагая связать их веревкой.

– А сейчас время молебна! – встрял в этот спор Муровер, указывая посохом на храм Восьми Мудрых, купол которого блестел под вечерним солнцем справа от ратуши, за фонтаном.

Он первым поднялся и решительно зашагал к храму, уводя за собой толпу. Многие последовали за ним, и лишь часть особо упорных горожан осталась на площади, чтобы посмотреть, как кончится арест опального олигарха.

– Стража, на караул! – скомандовал Твердолоб.

Стражники в медных кирасах дружно подняли в руках алебарды.

– Кру-угом!

Они развернулись, оказавшись лицами к поредевшей толпе, и взяли оружие наперевес.

– Шагом-м-марш! – заорал Твердолоб.

И тут же его подчиненные, забыв о Гнилозубе, оставшемся у них за спиной, надвинулись на ряд кресел, в которых сидели члены городского совета во главе с бургомистром, плот-

но его окружили и принялись грубо поднимать сидящих, выкручивая им руки и строя в шеренгу.

– Это что еще за выверт? – растерянно пролепетал Серобок. – Твердолоб, ты что делаешь?

– Молчать! – брызгая слюной, завопил на него кирасир. – Вы тут все арестованы. Кто посмеет сопротивляться, тому я лично кости переломаяю!

– Это кто арестован? – лепетал бургомистр. – Твердолоб, ты все перепутал. Это Гнилозуба надо арестовать, а не нас.

– Я лучше знаю, кого надо в тюрьму, а кого – на свободу, – нависая над ним, продолжал орать Твердолоб. – Чай, не первый год на безупречной службе. Сколько раз я тебе говорил, серая морда, что жалованье караульным всегда нужно платить в срок, а не затягивать на полгода? Сколько раз просил жалкие льготы для обучения детенышей в школе при ратуше? Сколько раз говорил, что нашим бабам на праздники нужны новые платья? Ты меня слушал?

– Будет... будет тебе новое платье, – растерянно бормотал Серобок.

– От тебя не дождешься! – вопил Твердолоб. – Если бы почтеннейший Гнилозуб не взял караульную службу на свое попеченье, то мы давно по миру бы пошли! Вместе с женами, детьми, тещами и шурьями! Городской совет нас забыл и забросил, а сам деньги на ремонт цитадели пускал налево и направо, только не нам! Все, поздно теперь каяться и умолять. Караульная служба сделала выбор: наше начальство –

его высокородие Гнилозуб, почесть ему и хвала!

– Ур-р-ра! – дружно заголосили охранники, услышав знакомое имя.

Гнилозуб надменно упер руки в свои колышущиеся бока и с видом полного превосходства взирал на растерянных членов городского совета.

– Куда их теперь? – спросил его Твердолоб.

– На гауптвахту. В подвал. А там видно будет, – коротко распорядился бывший магистр.

По всему было видно, что в роли большого начальника он чувствует себя более чем уверенно.

В подвале караулки было темно и сыро. Узкие окна, забранные толстыми решетками, выходили на площадь, но они располагались так низко над мостовой, что рассмотреть в них можно было только ноги прохожих. Но даже до этих окон было не дотянуться с сырого пола, устланного вонючей соломой.

Старейший член городского совета Артуй аккуратно поставил туфельку в просвет между двумя лужами, поправил на своем камзоле парадную ленту и задумчиво произнес:

– До сих пор не пойму: что это было?

– Государственный переворот, вот что! – запальчиво ответил ему Серобок, пытающийся устроить себе в уголке местечко поудобнее.

Оставшиеся члены городского совета, общим числом

шестнадцать персон, принялись располагаться где попало.

– Ой, да тут мыши! – взвизгнул, подпрыгивая, Златохруст.

Молодой аристократ поджал ножку и запрыгал, суматошно виляя хвостом.

– Ну-ну, дорогой мой, держите себя в руках! – попытался успокоить его Серобок. – Ваша общественная карьера в самом начале. Как знать, какие беды ждут вас впереди?

Златохруст представил себе эти беды, поджидающие его в пугающем будущем, распахнул рот и замер на месте. Серобок обвел всех суровым взглядом и авторитетно произнес:

– Господа, пожалуйста-ка поближе ко мне. Придвигайтесь сюда, не стесняйтесь. Итак, экстренное заседание городского магистрата, посвященное злодейскому, незаконному и ничем не оправданному перевороту, я объявляю открытым!

Гнилозуб вошел в кабинет бургомистра с видом крысиного короля. Он гордо задирает влажный нос, широко расправляет сутулые плечи и высокомерно шевелит обвисшими усами. Кабинет все еще оставался таким, каким он был при прежнем владельце: полированный стол с тяжелой столешницей из мореного дуба, шкафы с книгами и глобус в углу создавали впечатление учености. Гнилозуб крутанул глобус и с любопытством посмотрел, как вертятся, пролетая мимо его глаз, страны и континенты.

Дворецкий Долгопят в зеленой ливрее привычно молчал за его спиной, стараясь казаться незаметным. Гнилозуб обер-

нулся к нему и небрежно бросил:

– Шкафы с книгами вынести! К столу приделай ящик для взяток. Чтоб аккуратненько так выдвинул – положил. Задвинул, и мне подтолкнул. А я на своей стороне стола потянул и забрал. Все понял?

Дворецкому не нужно было повторять дважды – он понимал хозяина с полуслова.

Ратуша наполнялась гулом голосов и стуком шагов. По лестницам бегали стражники, освобождавшие кабинеты бывших владельцев. Епископ приводил к присяге чиновников, не пожелавших расстаться с должностями. Долгопят поднес Гнилозубу новый, парадный мундир. На его бархатистом фоне сияла позолоченная восьмиконечная звезда с сердцевиной из большого куска зеленого морского стекла.

Твердолоб поднялся по ступеням и почтительно произнес:

– Ваше превосходительство?

Начальник охраны всю жизнь провел среди чинов разного уровня и быстро разобрался, какое звание приличествует новому титулу хозяина.

– Подойди сюда, мой голубчик, – ласково сказал Гнилозуб. – За безупречную службу и особую верность жалую тебе чин шеф-генерала. К нему прилагается личное поместье в окрестностях города. Оно закрепляется за тобой и твоими потомками на вечные времена. А после окончания службы тебе будет особая пенсия по высшему разряду.

Охранник расцвел и сделал движение, чтобы лихо подкрутить усы, но вовремя опомнился, и, чтобы не испортить торжественность момента, опустил перед хозяином на колени и смачно поцеловал ему ладонь.

– Уж и правду сказать, ваше высокородие, – проникновенно проговорил он. – От прежнего-то бургомистра я никаких поощрений не видел, одни нагоняи. А от вас мне все милости да похвалы. Будьте уверены: я за вас всегда горой встану.

Гнилозуб рассмеялся и потрепал его по щеке. Следом вошел Мурöver и устало произнес:

– Половина чинуш разбежалась, но остальные приведены к присяге.

– Этого хватит. Больше нам и не надо, – откликнулся Гнилозуб. – Помнится, ваше святейшество, вы советовали мне взять новый титул? В самом деле, не бургомистром же мне теперь числиться.

Твердолоб хотел было спросить, почему, но слова застряли у него в глотке, и он поперхнулся. Однако выражение его лица было настолько красноречиво, что Гнилозуб по нему все прочитал:

– Потому что, милый мой генерал, – начал терпеливо объяснять он, – бургомистра выбирают на выборах. Он получает власть из рук грязной толпы. А я получил свою власть благодаря воле Мудрых. Я ни перед кем не собираюсь отчитываться. Толпа мне не указ. Поэтому и называться я должен совсем по-другому. Какой титул носили правители древно-

сти, ваше святейшество?

– Они назывались деспотами, – подсказал Мурöver.

– Да, это мне подойдет, – удовлетворенно сказал Гнилозуб. – Только я буду не просто деспот, а верховный деспот. Чтобы чернь знала, с кем имеет дело. Уж теперь она не посмеет надо мной зубоскалить. Твердолобик, голубчик, обеспечь мне охрану на площади. Я хочу вступить в должность у всех на виду.

Солнце уже начинало прятаться за зубцами каменной стены цитадели, когда на площади появилась торжественная процессия. Гнилозуб в роскошном мундире со звездой прошел между двумя рядами стражников, нацеливших алебарды на угрюмую толпу. Он поднялся на деревянный помост, на котором еще недавно выступали артисты, и епископ, три раза ударив по доскам тяжелым посохом, объявил, что отныне единственным и полновластным правителем города следует считать его превосходительство Гнилозуба, магистра, почетного гражданина и Верховного Деспота Крысиного гнезда.

Народ выслушал это объявление в глухом безмолвии. Вслед за епископом Долгопят, получивший при новом режиме должность дворцового распорядителя, зачитал постановление об упразднении городского совета и должности бургомистра, об отмене выборов, восстановлении инквизиции и наделении стражи полномочиями хватать всех подряд без

разбора и повода.

Торжественная часть уже подходила к концу, и кучка слушающих и военных потянулась к лестнице, когда Гнилозуб неожиданно повернулся, подскочил к краю сцены, склонился над безмолвствующей толпой, и, криво ощерившись, выпалил:

– Что, пропала охота смеяться? Вот вам всем, выкусите у меня!

И он сделал неприличный жест, показав его всему народу.

Всю ночь город не спал. Бурлили и узкие улочки цитадели, и деревянные мостовые посада. От дома к дому, от забора к забору сновали призрачные тени. В окнах из-за задернутых занавесок пробивались тонкие лучики света.

– Мы этого так не оставим! Такого издевательства мы не потерпим! – шептались везде горожане.

Особенно буйными выдались предрассветные часы в студенческом городке. Все общежитие гудело, как разбуженный улей, и даже некоторые из профессоров, таких, как Гладкошерст, не уходили домой, а оставались тут со своими студентами.

Когда солнце вновь начало поливать цитадель золотистой росой, гудящие толпы принялись стекаться к Рыночной площади. Меньше чем за полчаса все пространство от ратуши до Парадной Арки оказалось запружено взволнованными горожанами, и даже на бортик фонтана с его статуей Крысы

Разумной забрались лихие студенты, размахивающие академическими шапочками с желтыми кисточками.

Из здания караульной службы вышел заспанный Твердолоб, лениво протер глаза, уставился на толпу и во всю глотку рявкнул:

– Это что за бесчинство? Не бухтеть без приказа. А ну, разойдись!

Но толпа ответила ему таким дружным ревом возмущения, что он тут же забежал в караулку. Барабаш подсадил Шишкобора повыше. Торговец в засаленном фартуке вскарабкался на медную статую. Его кожаный башмак едва не соскочил с позеленевшей таблички с надписью «Rattus Sapiens», но он удержался и дополз до массивной книги, которую ученая крыса сжимала в руке.

– Не нужно нам никаких верховных деспотов! – перекрывая шум народа, закричал Шишкобор. – Пусть Гнилозуб проваливает из цитадели! И медных лбов своих пусть с собой забирает. Давайте вернем бургомистра. Мы сами его выбрали!

– Верно! – кричали вокруг. – И цены пусть задирать перестанет. Давайте откроем ворота для фермеров, пусть снова везут к нам зерно. Мы зимой что, кору на деревьях должны грызть?

На одном дыхании толпа подалась в сторону ратуши. Профессора Гладкошерста затерли, он не смог выбраться, и его понесло вместе со всеми. Ему ничего не оставалось, как под-

чиниться всеобщему порыву. Благо, студенты окружили его со всех сторон и не позволяли давить на него слишком сильно.

А Гнилозуб, разбуженный ни свет ни заря своим верным дворецким, выглядывал из окна и дрожал. Он был одет в шелковую ночную сорочку и высокий колпак, а его встрепанная со сна шерсть до сих пор оставалась нерасчесанной.

– Что же мне делать? – охал он. – А ну, как они сюда ворвутся? Они же меня на фарш пустят!

Долгопят кашлянул в отворот ливреи и почтительно произнес:

– Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство. Тут, извольте ли видеть, подземные ходы-с.

– Подземные ходы? – оживился «верховный деспот». – Где?

– Везде-с. Из подвала ратуши есть ход к вашему особняку, а из него – за город. Да и других много всяких-с.

– Каких, например?

– В храм Восьми Мудрых. В Арсенал. Или вот в караулку-с.

– В караулку?

Гнилозуб лихорадочно забежал по кабинету.

– Ты вот что, дружок... Приведи-ка мне быстренько его святейшество. Впрочем, нет, его святейшество подождет. Перво-наперво зови мне Твердолоба. И пусть захватит с собой всех караульных, которых удастся собрать.

- Долгопят бросился выполнять его повеленье, но Гнилозубу вдруг пришла в голову мысль, и он резко выкрикнул:
- Нет, постой! Ты хорошо изучил это здание?
 - Я же теперь распорядитель... – с достоинством произнес бывший дворецкий.
 - Тут, кажется, где-то должен быть склад. Наверно, в подвале?
 - Наоборот! – с гордостью заявил Долгопят, радуясь, что ему выпала возможность продемонстрировать свою компетентность. – На самом верхнем этаже, под крышей-с.
 - А какое-нибудь оружие в нем есть?
 - Один старый хлам-с. Обломки старинных сабель, пики и сломанные алебарды.
 - Может быть, что-то еще? – с надеждой спросил Гнилозуб.
 - Ну разве что наконечники стрел да несколько мешков порохового зелья.
 - А оно тут зачем?
 - Как же-с. У нас и чугунная пушка имеется. Только она уже лет пятьдесят не стреляла.
 - Вот то, что надо! – радостно взвизгнул верховный деспот. – Распорядись притащить ее побыстрее. А сам – мигом за Твердолобом. Одна лапа здесь, другая – там! Брысь, я кому говорю!

Сон мигом слетел с караульных, дремавших у входа в ра-

тушу. Они схватились за алебарды и вжались спинами в стену, но угрюмая толпа подбиралась к ним все ближе и ближе. Не дожидаясь приглашения, в кабинет бургомистра вошел Муровер.

Несмотря на ранний час, он был уже в строгой лиловой сутане с шапочкой. Посох с серебряной головой стукнулся о паркет. Среди всеобщей суматохи епископ выделялся ледяным спокойствием. Его темно-серые глаза смотрели прямо перед собой, а кончики ровных усов едва заметно подрагивали. Хвост он нес за собой с достоинством, как и подобает особе духовного сана.

– Вы понимаете, что нам всем пришла крышка? – не здороваясь, бросился к нему Гнилозуб.

Епископ брезгливо отстранился от него, но тут получил тычок в спину от Твердолоба, влетевшего следом.

– Поздравляю, мы были у власти всего одну ночь! – доложил охранник. – С этой толпой нам не справиться. Эх, недолгим был мой караул!

Гнилозуб дико завыл, забился в угол и натянул ночной колпак себе на глаза.

– Бросьте паниковать, вы оба! – резко прикрикнул на них епископ. – Я видел, как стражники тащат по коридору пушку. Разверните ее и стреляйте!

Гнилозуб затравленно смотрел на него из угла и ничего не отвечал. Твердолоб беспомощно развел лапами в стороны и сказал:

– Я такого приказа отдать не могу. У меня недостаточно полномочий.

– Зато у Верховного Деспота достаточно, – перебил его Муровер.

Епископ и стражник одновременно посмотрели на своего лидера. Тот пытался вжать в тесный угол свои колышущиеся бока, бешено вращал глазами по сторонам и глухо выл.

– Ну что смотришь? – недовольно сказал Твердолобу епископ. – Не видишь что ли – его превосходительство приказывает стрелять!

– Слушаюсь! – с готовностью проговорил охранник, приложил ладонь к козырьку медного шлема и ринулся вниз по лестнице.

Пушка на крыльце уже была установлена и заряжена. Двое канониров длинным шомполом запикивали в нее черное ядро.

– Эй, вы чего там удумали? – с негодованием выкрикнул Шишкобор. – У нас в городе уже полсотни лет не стреляли!

Народ недовольно загомонил.

– Давайте отнимем у них оружие, пока они не натворили беды! – закричал Барабаш и первым бросился подниматься по лестнице, ведущей к высокому входу в ратушу.

Но тут на ступенях показался Твердолоб в своей блестящей кирасе, солидно прокашлялся и хриплым голосом произнес:

– Так, тут у нас как бы такое дело... В общем, его пре-

восходительство Верховный Деспот приказал палить прямо в толпу. Канониры, выполняйте.

Оба пушкаря застыли, не решаясь поднести к запалу за-
жженный фитиль.

– Стреляйте, кому говорю! – изо всех сил рывкнул на них
Твердолоб.

И тут же пушка разразилась оглушительным громом, вы-
плюнув из себя облако сизого дыма. Ядро вылетело из жерла,
пролетело над головами собравшихся и угодило в фонтан,
подняв вокруг себя тучу шипящих от жара капель. Народ за-
мер. Никто не решался двинуться с места, и даже возмущен-
ные голоса на мгновенье утикли. Твердолоб сделал несколь-
ко шагов вниз по лестнице, приблизился к Барабашу и жест-
ко столкнул его со ступеней. Барабаш кубарем полетел на
землю, квадратная шапочка свалилась с его головы.

Яска бросилась к своему приятелю, приподняла его и воз-
мущенно закричала:

– Они что, по народу стреляют? Да где это видано? Как
мы такое могли допустить?

И тут же толпа пришла в ярость. Горожане гневно заголо-
сили и бросились вверх по ступеням. Твердолоба опрокину-
ли, его медная кираса жалко звякнула о каменные ступени.
Канониры мгновенно улизнули, за ними последовали страж-
ники с алебардами. Они заперли за собой двери на самые
толстые засовы, но в деревянные створки начали дубасить
так громко, что стало ясно: никакие запоры не задержат эту

разъярившуюся толпу.

Барабаш с Шишкобором сдернули чугунную пушку с лафета и начали выбивать ей двери, как тараном. Жерло пушки еще было горячим от выстрела, и Барабаш обмотал пышущий жаром чугун своей мантией.

Через несколько гулких ударов двери рухнули, и восставшие волной хлынули в здание. Они пронеслись по лестницам, ворвались в кабинет бургомистра и выволокли из него пищащего Гнилозуба, вцепившегося в свой ночной колпак. «Верховного Деспота» подняли над головами и передавали по вытянутым рукам до тех пор, пока его толстая туша не оказалась на площади. Там его с хохотом окунули в фонтан, где он больно ударился головой о пушечное ядро и едва не захлебнулся.

– Посмотрите на нашего верховного деспота! – издеваясь, кричали в толпе. – Мир не видел такого великого повелителя!

Толпа горожан надвинулась на Гнилозуба. Она готова была разорвать бывшего магистра на куски. Неожиданно перед фонтаном возникла грозная фигура в развевающейся лиловой сутане. Раскрытые ладони были расставлены в стороны, рукава развевались на ветру. Шапочка с кисточкой на голове сдвинулась набок, из-под нее показались торчащие острые уши. Муровер высоко воздел руку с серебряным посохом и заголосил:

– Стойте, безумные! Остановитесь! Вы не ведаете, что

творите!

Горожане опешили и замерли на месте.

– Восемь Мудрых накажут вас за грехи! – голос епископа стал пугающим. – Они устроят Великий Потоп, который зальет наш обезумевший город по самые крыши. Горожане и все их имущество сгинут в безжалостных волнах. Ни одно здание не уцелеет, и даже мраморные статуи Парадной Арки не смогут вынести такого поругания и рухнут. А в довершение всего явится немыслимое чудовище, змей из морских глубин, и поглотит всех грешников. Вы хотите, чтобы вас проглотил змей? Вы хотите, чтобы ваши дома утонули в потопе?

Муровер так голосил и размахивал посохом, что испуганные горожане попятились.

– Кому вы верите? Он несет ахинею! – воскликнул Шишкобор, оказавшийся единственным, кто не потерял дух.

– Да отсохнет язык твой, дурной греховодник! – взвопил Муровер. – Моими устами вещает Отец Мудрых Крыс. И он говорит мне: все, что ты напророчил, почтенный епископ, сбудется непременно, и в самом ближайшем времени! Если только безумные горожане не опомнятся и не покорятся тебе!

И Муровер ударил посохом о брусчатку так громко, что серебряное навершие зазвенело. Пыл слетел с горожан. Их охватила робость, и они принялись смущенно просить епископа, чтобы тот смилостивился и забрал бы свое пророче-

ство обратно.

– Пророчества не забирают обратно! Они даются раз и навсегда! – воскликнул епископ, с удовлетворением взирая на то, какое впечатление производят его слова. – И да сбудется мое слово!

В следующую неделю в городе только и разговоров было, что о зловещем пророчестве епископа. О том, чтобы возражать против власти «Верховного Деспота», никто больше не думал. Все запасались сухим зерном и готовили имущество к затоплению. А вот как приготовиться к появлению змея – этого никто не знал, и от этого горожанам становилось еще страшнее.

Вокруг здания ратуши стояла целая цепь стражников с алебардами. Начищенная до блеска пушка угрюмо смотрела на площадь своим зияющим жерлом. Рядом с ней горкой лежали новые ядра, начиненные разрывной смесью. Двое канониров под охраной целого отряда кирасиров неусыпно дежурили рядом, готовые в любой момент начать стрельбу по живым мишеням.

Гнилозуб в парадном кафтане и шляпе с лисьим хвостом вышел на крыльцо и оглядел пустую площадь, на которой не было ни души, кроме охраны в кирасах. За спиной у него выросла фигура Твердолоба, следом чинно выбрался епископ, постукивая посохом по ступеням. Гнилозуб довольно причмокнул и спросил у охранника:

– На площадь никого не пускают?

– Никого, ваше превосходительство, – заверил его Твердолоб, уже оправившийся от недавнего столкновения с толпой.

– Тогда у нас осталось еще одно дельце, – подмигнул своим спутникам Гнилозуб.

Шагать пожилому Верховному Деспоту было уже тяжело – жутко болели колени, да и трястись после недавних волнений они начали больше, чем прежде. Поэтому ему, в соответствии с новым статусом повелителя, подали носилки в виде маленького деревянного домика с окошками, задернутыми занавесками. Двое дюжих носильщиков подняли их на руки и потащили в Парадную Арку, за которой располагался посад. Большой отряд стражников в сверкающих кирасах шел впереди, чтобы ни у кого не возникло желания высунуть нос из-за забора.

За городскими стенами процессия оказалась на сельской дороге, миновала живописный лесок и оказалась на берегу речки, носившей название Мышиный ручей. Через пару миль вниз по течению река образовывала широкую заводь, у которой была устроена судоверфь.

Строительство нового галеона, заложенного еще прежним бургомистром, здесь шло полным ходом. Корабль был уже почти готов, оставались только отделочные работы. Гнилозуба подняли на борт с помощью подъемной площадки, приводимой в движение лебедками.

Новый хозяин Крысиного гнезда с удовлетворением побродил по пахнувшей свежей сосной палубе, пощупал мачты и поскреб когтем поручни высоких бортов.

– А пушки? – с беспокойством спросил он. – Сколько на нем будет пушек?

– Не беспокойтесь, ваше превосходительство, – с готовностью подсказал Твердолоб. – Восемь на одном борту, и столько же на другом. Еще ни у одного корабля не было такого вооружения.

– Вот это махина! – с восхищением произнес деспот. – Я назову его «Гроза океана». С ним я буду господствовать не только на суше, но и на море. И пусть теперь кто-то попробует грабить мои корабли!

В капитанской каюте прислуга накрыла роскошный обед. Гнилозуб подали его любимое жареное сало в сметане, которое он и навернул с непередаваемым аппетитом, разыгравшимся от свежего воздуха и хорошего настроения. Долгопят разлил по серебряным стопкам вишневую наливку, и бывший магистр с удовольствием чокнулся с епископом и Твердолобом, присевшим с ним рядом за маленький столик.

– Я бы не советовал вам отплывать, – проговорил Муровер. – В городе все еще неспокойно.

– Там и будет неспокойно, пока я не накажу всех, кто поднимал на меня лапу, – возразил Гнилозуб. – Но самое главное: я должен выставить на всеобщее обозрение шкуры этих разбойников, Белянки и Тихоскока. Сколько они у меня кро-

ви выпили! Пусть все знают, что со мной шутки плохи.

Глава 9. Дыхание дракона

Ветер надувал сияющие синевой паруса «Лазурной мечты». Ветрогон стоял с картой на высокой кормовой надстройке рядом с Лихоглядом, по такому случаю лично взявшим в руки штурвал.

– Пусть меня накроет волной, если все, что мы узнали на острове, не подтверждает моих многолетних исследований! – говорил шкипер, стараясь перекрыть громкие хлопки рвущихся парусов. – Течения подхватывают стеклянные катышки где-то здесь, прямо под нашим килем, и несут их к Изумрудному берегу. Там их и выбрасывает на сушу.

Тихоня перегнулся через борт и наблюдал, как борта каравеллы разрезают водяные барханы.

– А не ты ли рассказывал мне, что эти катышки достают со дна огромные черепахи и выносят их в зубах в темную ночь после первого новолуния? – спросил он, обернувшись.

– Одно другому не мешает, – не моргнув глазом, ответил ему Ветрогон и продолжил:

– Раньше мы не знали, где искать затонувший город. Но теперь у нас есть верная примета.

– Какая? – быстро спросил его Лихогляд.

– Где сокровища – там и дракон. А дракон пускает горячие пузыри.

– Нам что, придется лезть ему прямо в пасть? – ужаснулась Белянка, которая прохаживалась, как ни в чем не бывало, по палубе, и даже помогала матросам подтягивать снасти.

– Только не вам, мадмуазель! – галантно ответил ей Лихогляд. – Вас мы с собой не возьмем.

Тихоскок переглянулся с Ветрогоном и проговорил:

– По-вашему, девушке безопаснее оставаться на палубе среди оголтелых пиратов? Нет, я не брошу ее среди такого отребья.

– Не оскорбляйте мою команду, – обиделся Лихогляд, но тут же прикинул что-то в уме и неожиданно легко согласился:

– Впрочем, я готов пойти вам навстречу, мон ами. Если ваша душка будет у меня под рукой, то вы не преподнесете сюрпризов.

На только что реквизированной Верховным Деспотом судовой верфи Мышиного ручья спускали со стапелей новенький красавец-галеон. На его борту была выведена свежая надпись: «Гроза океана». Старшая жена Гнилозуба разбила о днище бутылку с игристым вином, после чего корабль столкнули в воду, и он отправился в увеселительную прогулку по тихим прибрежным волнам.

На палубе собрался весь цвет Крысиного гнезда: тут были помещики и торговцы, хозяева мельниц и винокурен, инквизиторы и ростовщики. Дворецкий Долгопят в зеленой ли-

врее сновал среди них и разносил вишневую настойку на серебряном подносе. Епископ Мурöver с удовольствием прикладывался к рюмке, и вскоре уже не мог понять, отчего его шатает – то ли от выпитого, то ли от морской качки. Гнилозуб важно прохаживался среди знати и милостиво беседовал с приглашенными, давая понять им, какая благодать на них снизошла.

В разгар этого торжества к «Грозе океана» причалила шлюпка, на веслах которой выбивались из сил стражники в медных кирасах. Сверкая начищенным шлемом, на борт поднялся Твердолоб, и, склонившись к хозяину, зашептал ему на ухо:

– Мои источники донесли: пираты подняли парус на каравелле и отплыли к Темной бездне. С ними известные вам негодяи и какая-то подозрительная техника для нырянья под воду.

– К Темной бездне? – удивился магистр. – Чего их туда понесло? Это гиблое место.

– Не могу знать, ваше высочорodie! – отрапортовал начальник охраны. – Однако если они и в самом деле собрались нырять, то момент для их поимки самый благоприятный. Они всплывут – тут-то мы их и возьмем еще тепленькими.

Гнилозуб закрыл глаза и задумался на минутку, подозвал к себе Долгопята с подносом, опрокинул в рот рюмочку, и во весь голос гаркнул:

– Гостей погрузить на шлюпки и отправить на берег! Поднять паруса! Зарядить пушки! Мы отправляемся на охоту!

Каравелла несколько дней рыскала по широкой лагуне, нигде не встречая пузырей от «дыханья дракона». За это время друзья успели перезнакомиться с корабельной командой и даже стали своими среди грубоватых пиратов. Особенно всем полюбилась Белянка: вокруг нее день и ночь вились целые стайки молодых морячков, что доводило Тихонию до тихого бешенства. Однако Белянка лишь хохотала над его предостережениями и беззаботно отвечала:

– Да ладно тебе, что ты дуешься? Посмотри, какие это славные ребята. Я с некоторыми даже подружилась, особенно с парусным мастером Сиволапом и абордажником Чумадуром. Вот только квотермейстер Дуболом поглядывает волком, ну да ему под горячую руку никто не захочет попасть!

– А помнишь, как они на тебя зарились, когда выдавали нас Гнилозубу?

– Перестань, кто старое помянет – тому глаз вон. А у тебя и без того уже ухо покоцано. Если так пойдет дальше, то от тебя всего останется по половинке.

И Белянка залилась звонким смехом.

Перед обедом она полезла в трюм, где хранились съестные припасы, и выудила оттуда мешок овсяных зерен. Овес она пересыпала в проволочную сетку, привязала ее на трос и бултыхнула за борт, в морские волны.

– Эй, красotka, ты что там придумала? – воскликнул Ветрогон, с удивлением наблюдавший за ее манипуляциями.

– Крупу промываю. Не питьевую же воду на это расходовать! – поделилась Белянка.

Ветрогону потребовалось время, чтобы осмыслить ее ответ, но когда до него наконец дошло, он обхватил обеими лапами свое черно-белое брюхо и от души расхохотался.

– Уже целый век хожу под парусом, но первый раз вижу, чтобы крупу промывали, да еще за бортом! – сообщил он.

Белянка смутилась, но тут же нашлась и ответила:

– А вдруг по ней мышки побегали? Вам такую приятно будет за щеки совать?

Овес, отдающий свежей морской солью, она залила пресной водой, сварила и посыпала изюмом с сушеным черносливом, которые тоже обнаружили в трюме. Мало того – Лихогляд расщедрился и поделился капитанскими запасами варенья из алычи, и тонкая сладкая дорожка покрыла сверху каждую порцию.

– Мальчики, обед готов! – провозгласила Белянка, придиричиво оглядывая творенье своих лапок.

Члены корабельной команды с готовностью принялись расхватывать деревянные миски и рассаживаться на палубе в самых неожиданных позах. Тихоскок раздобыл ложку на длинной ручке, зачерпнул разбухшую кашу и поразился – такой сладкой и ароматной она оказалась.

– Вот это да! – удивленно выговорил он сквозь набитый

рот. – Ты, оказывается, еще и готовишь вкусно!

– Эх, был бы помоложе – женился бы на такой славной хозяйке! – лихо заявил Ветрогон и хитренько посмотрел на Тихоскока.

Белянка расхохоталась. Тихоня взглянул на нее, смутился и опустил нос в миску.

– А я бы подумала! – весело заявила Белянка. – А то от моего-то кавалера предложения не дождешься.

– Какие тут предложения? – смущенно пробормотал Тихоскок. – У нас ни кола, ни двора. Плыдем неизвестно куда на чужом корабле. Вот выпутаемся из этих бед – тогда, может быть, и посмотрим.

– Смотри-смотри! – потрепала Белянка его по загривку. – Пока ты смотришь, кто-нибудь другой соберется с духом и сделает предложение раньше тебя.

Тихоня расстроился и бросил ложку на деревянный пол. Ветрогон дико расхохотался, глядя на то, какую физиономию он соорудил. Лихогляд и пираты поддержали шкипера заливистым ржанием.

Белянке отвели место в уголке трюма за задернутой занавеской. Тихоня повесил свой гамак рядом, с таким расчетом, чтобы пробраться в угол мимо него было никак невозможно. Однако ночью его самого разбудили, и довольно бесцеремонно. Открыв глаза, он увидел над собой черношерстого квотермейстера Дуболома, щеки и губы которого оттопыри-

вались от ужасающего пирсинга. Дуболом резко потряс его за плечо и угрюмо пробурчал:

– Срочно на палубу! Капитан требует.

Луна в небе была еще яркой, ее светлый диск со скошенным краем отбрасывал на колышущуюся воду дорожку, в темноте казавшуюся ослепительной. Лихогляд, Ветрогон, да и сам кватермейстер перегнулись через борт и принялись яростно спорить, не обращая на Тихоню внимания.

Он наклонился над водой, и тут же в лицо ему пыхнуло едким запахом гнили, а непривычно горячие капли обожгли лоб. Его соседи мгновенно отшатнулись и благоговеино умолкли.

– Горячий пар и нестерпимая вонь! Так может дышать только подводный дракон! – дрогнувшим голосом сообщил Ветрогон. – Вот мы его и нашли.

И тут же на палубе раздался топот босых подошв с нестриженными когтями, боцман задул в свой свисток, мичманы полезли на реи сворачивать паруса. Сиволап с Чумадуrom принялись раскручивать ворот, пытаясь спустить якорь, но Ветрогон обругал их:

– Какие вы дурни! Тут глубина – никакой цепи не хватит!

– Спускаем шлюпки! Быстрее, пока мы его не упустили! – лихорадочно зашептал Лихогляд.

Его глаза так блестели, словно он обезумел. Тихоскок схватил его за плечи и встряхнул:

– Ночью нельзя! Нужно дождаться солнца. Кроме того,

мне нужно подготовить насосы и колпаки.

– А они нас не подведут?

– Я сто медуз съем, если изобретение моего ученого друга хоть в чем-нибудь подкачает, – вмешался в их разговор Ветрогон.

Алый рассвет застал весь экипаж в полной готовности.

– Ночь кончается, – прищуриваясь, сказал Ветрогон. – Но даже днем на глубине так темно, что мы ничего не увидим.

– Возьмем масляные фонари, – предложил Тихоскок. – Если поместить их в прозрачные колпаки, то они будут гореть под водой.

– Они быстро потухнут.

– Значит, нужно все время подкачивать в них свежий воздух!

Ослепительное солнце появилось из-за дальнего края вод. Ночная тьма развеялась, и звезды на небе начали тускнеть. Белянка то и дело смахивала капельки пота с острого носика. Пока Тихоскок объяснял туповатым пиратам, как правильно надевать колпаки и качать в них насосами воздух, стало совсем светло. Яркое солнце выкатилось на небосвод и бросило на поверхность моря золотистую дорожку. Его желтый круг дрожал в волнах, а прямые лучи прорезали водную толщу. Далеко внизу, под колышущимися потоками течений, проступили смутные очертания каменных руин.

– Медлить больше нельзя! Лезем в воду! – распорядился

Тихоскок.

Он сбросил с себя рубашку и остался в коротких бриджах, перетянутых ниже колен цветными лентами. На шее его трепыхался шелковый платок, завязанный «любовным узелком», из-под которого выглядывал серебристый талисман на цепочке.

Пираты нерешительно толпились у борта. Желающих пуститься в это рискованное предприятие среди них не находилось, один только Дуболом, почуяв наживу, хищно оскаллился и примерил подводный колпак.

– Одних я вас не отпущу! Иначе мне ничего не достанется! – в сердцах выкрикнул Лихогляд. – Сиволап! Чумадур! Натягивайте на меня колпак! И сами надевайте! Живо, не то скормлю вас акулам!

Первым спустился за борт Тихоскок. Оба колпака, заполненные воздухом – и тот, что прикрывал его голову, и тот, в который всунули светильник – закачались, как поплавки. Заставить их погрузиться было невозможно.

– Мне нужен груз! Обвешивайте колпаки камнями! – закричал он.

Только когда к его поясу прицепили целую кучу камней и железок, он пошел наконец ко дну. Вода показалась ужасно холодной. Она была темной, и казалось, что из ее глубин сейчас появится какое-нибудь чудовище. Тихоскока охватила паника, ему показалось, что он задыхается, и он задергал натянутый шланг. Тотчас же сверху начали качать воздух, он

отдышался и успокоился. Яркий круг солнца колыхался высоко над головой, но чем глубже Тихоскок погружался, тем больше тускнел его свет. Солнечные лучи стали тонкими и едва прорезали подводную мглу. Однако чем темнее становились окружающие воды, тем яснее Тихоскок видел вокруг себя шесть огоньков от масляных фонарей – это спускались Белянка и Ветрогон, а за ними – капитан Лихогляд и трое его подручных.

Ноги коснулись песчаного дна, вода вокруг замутилась. Огоньки пропали из виду, но когда муть осела, он увидел, что они окружают его. Свет от масляных фонарей был слишком слабым, он прорезал водную мглу лишь на несколько локтей. Один из огоньков уверенно двинулся в темноту, второй поспешил за ним. Тихоскок понял, что это Ветрогон повел отряд к подводному месторождению. Впереди мелькнул белый силуэт альбиноски: в воде ее шерстка стояла дыбом, короткие ворсинки колыхались при каждом движении. Пираты двигались вслед за ним, на поясах у них, кроме подвешенных камней и железок, болтались короткие сабли и кортики.

Неожиданно тьма рядом с ними заколыхалась. Из холодной пучины выпростались упругие щупальца и ударили Тихоскока по лапам. Такие же щупальца протянулись к Белянке – она испуганно затрепыхалась и принялась неловко вертеть головой в колпаке. Тихоскок кое-как оторвал от себя липкий отросток и бросился Белянке на помощь. В тусклом

свете фонаря он увидел такую тварь, какой не мог вообразить даже в кошмаре. Это был мешок мускулов с двумя челюстями, похожими на клюв хищной птицы. От мешка тянулись во все стороны отростки с присосками. Они обвивались и обволакивали тело жертвы, не давая ей вырваться.

Пираты замерли в стороне, не решаясь приблизиться. Они обнажили сабли, но не шевелили ими, надеясь, что чудище их не заметит. Зато Ветрогон был уже рядом. Вдвоем они принялись царапать острыми когтями скользкие щупальца. Чудище отпрянуло, но не отстало. Ветрогон повлек всех за собой, на глубину. Подводники покатались под откос, поднимая вокруг себя тучу песка. Слабые лучики фонарей затерялись в ней, и Тихоскок перестал видеть соседей. Ему не хватало дыхания, и он принялся отчаянно дергать шланг. На поверхности заработал насос, в лицо ему ударила струя свежего воздуха, и он пришел в себя.

Оглядевшись, он увидел, что стоит у подножия огромной подводной горы. Гора эта сразу ему не понравилась: мало того, что ее темные очертания напоминали затаившегося исполина, но этот исполин еще и дышал, выплескивая из клокочущего жерла горячие струи, потоки песка и дымчатые пузыри. Вода тут была заметно теплее, чем вокруг. Погреться в ней было приятно, однако стоило двинуться вперед, как она превращалась в обжигающий кипяток, и Тихоскок испуганно отступил подальше.

Муть на дне начала оседать, и он разглядел тусклые огонь-

ки Беянки и Ветрогона. Они двигались рядом, и Ветрогон делал им знаки рукой, призывая следовать за собой. После перехода по вязкому илу, в который ноги зарывались по щиколотки, мореход поднял фонарь повыше и осветил каменную стену. Она была такой огромной, что терялась во тьме. Чуть дальше они увидели исполинские ворота.

– Что это такое? – забывшись, выкрикнул Тихоскок, но друзья не расслышали его голос.

Загребая прохладную воду лапой, он устремился вперед. Однако ворота оказались закрыты. Они казались такими высокими, что нечего было и думать через них перелезть. Их тяжелые створы из неведомого материала были сомкнуты, а во всю ширину их гладкой поверхности шло изображение неведомого существа. Существо это было похоже на Крысу Разумную – оно стояло на задних лапах, а передние расставляло в стороны, отчего становилось похоже на звездочку. Его смешная голова с плоским лицом сидела на тонкой шее. На теле почти не было шерсти, и, что самое удивительное – у него не было видно хвоста! Что за живое существо без хвоста? Тихоскок долго разглядывал его, и не мог опомниться от удивления.

Ветрогон приблизился сзади и тронул его.

– Ты знаешь, как открыть ворота? – знаками спросил он.

– Откуда? – пожал плечами Тихоскок.

– Но у тебя же есть ключ! – напомнил мореход.

– Да, но я не вижу, куда его вставлять!

Рядом мелькнул огонек Белянки, из-за спины которой тут же показались пираты.

– Стекло! Где морское стекло? – рассерженно проорал Лихогляд из-под своего колпака.

Тихоскок огляделся. Пираты с вожделием разглядывали город, воображая сокровища, спрятанные за его стенами. Однако если его догадки верны, то морское стекло – это всего лишь осколки каких-то простых бытовых предметов, которыми пользуются каждый день. А куда их отправляют, когда они разобьются? Конечно, на свалку. Там, на свалке, и нужно искать залежи. Но свалки обычно устраивают за пределами городских стен.

Тихоскок взмахнул светильником, призывая спутников следовать за ним. Все направились к окраине города. Он разгреб лапой толщу песка, и среди водорослей и ракушек блеснуло несколько коричневых камушков. Они были гладкими, обкатанными морем, но именно такие ценились в Крысином гнезде, как лучшее украшение.

Лихогляд бросился на колени и жадно принялся собирать их. Его подручные постарались от него не отстать. Пока они месили лапами песок, Ветрогон подозвал к себе друзей, показал им окрестные холмы, очертания которых терялись во тьме, и изобразил лапой волнообразное движение, которое Тихоскок понял так: здесь плавает водяной дракон.

Легенды о драконе он читал столько раз, что давно перестал воспринимать их всерьез. Однако вид темной толщи во-

ды не внушал ничего хорошего. Тут и вправду верилось, что в этих скрытых от солнца глубинах может обитать, кто угодно. Подводная гора вдали глухо урчала и время от времени извергала из своего чрева потоки коричневой жижи и раскаленной лавы. Ее багровые всплески шипели и тут же застывали в виде камней самой причудливой формы, которые валялись на дно, взметая мутные тучи.

Белянка затряслась и подошла к Тихоскоку вплотную. Он сжал ее в объятьях, пытаясь приободрить.

А пираты тем временем набивали морским стеклом сетки, подвешенные к их поясам. Лихогляд оттолкнулся от дна и подплыл к Тихоскоку. Он был разгневан и яростно жестикулировал. В его когтях мелькали коричневые камушки, и он тыкал ими в лицо Тихони, стуча о прозрачную перегородку колпака.

– Что ему нужно? – удивленно развела руки в стороны Белянка.

– Он хочет зеленого стекла! Оно ценится дороже коричневого, – попытался показать ей знаками Тихоскок.

И он повел пиратского капитана дальше, к большой пустоши, отделявшей подводный город от темных холмов. Лихогляд зарылся в песок и радостно подскочил. В его коготках блестели зеленые осколки. Дуболом, Сиволап и Чумадур бросились к нему и принялись копать в песке. Очень скоро их сетки начали наполняться зелеными блестками.

– Нам надо всплывать. Я чую опасность! – обеспокоенно

принялся показывать Ветрогон.

Но пираты так увлеклись, что не обращали на него внимания. Лихогляд забирался все дальше и дальше во тьму. Его обуяла жадность, и он не мог остановиться. Россыпь зеленых стекляшек уводила его в подводную пещеру, темное жерло которой виднелось в огромной скале.

– Нет! Только не лезь в пещеру! – загомонил Тихоскок, но вода погасила его возглас.

Пиратский капитан вовсю раскачивал фонарем, разгоняя пещерный мрак. На какое-то время он скрылся из виду, но вдруг пробкой выскочил из темноты, рассыпая зеленые камни. За ним вслед струилось толстое змеиное тело. Оно выплывало из сумрака, как бесшумный призрак. Пасть дракона была разинута, из нее торчало раздвоенное жало. Большие желтые глаза светились во тьме, как фонари, а голову венчал костяной гребень с острыми наростами.

– Бежим! – заорал Тихоскок, и голос его на этот раз был таким громким, что донесся и до Беянки, и до Ветрогона.

Они разом бросились к городским стенам. Лихогляд споткнулся, упал и выпустил из рук фонарь. Тот медленно поплыл вверх. Дракон бросился за огоньком, попытался схватить его зубами, но понял, что тот несъедобен, и заструился обратно. Лихогляд от страха зарывался в песок, поднимая вокруг себя тучу мути. Дракон потерял его из виду и бросился на Дуболома. Один бросок, взмах хвоста и чавканье челюстей – и квотермейстер исчез в его пасти. От него остался

только колпак, который опрокинулся, выпустил воздушный пузырь и начал подниматься к поверхности.

У Тихоскока не было времени, чтобы смотреть на то, что происходит у него за спиной. Белянка беспомощно барахта-лась впереди него. Ветрогон звал их к городу. Тихоскок то-ропился изо всех сил, но движения в воде были скованны, и он едва продвигался. Капитан Лихогляд выбрался из песка и бросился за ними. Тень дракона мелькнула в воде, и все они дружно припустили вперед.

Тихоскок ужасно запыхался. В колпаке было душно. Он поймал Ветрогона за локоть и жестами показал: «Поднима-емся!» Ветрогон так же жестами отсигналил: «Теперь нель-зя! Подниматься нужно медленно. Дракон схватит нас по пу-ти».

Руки у Тихоскока сами собой опустились. «Да что же это такое! – в сердцах выкрикнул он. – Я не привык убегать от драконов! Я кабинетный ученый, да и то начинающий! Куда мне соваться в такие передраги?»

Перед ним мелькнуло лицо Белянки. Ее усики трепетали от испуга, а карие глазки беспомощно бегали по сторонам. Тихоскоку стало ее так жалко, что он тут же бросился к ней, схватил за ладонь и потащил к воротам в город.

Белянка стукнула когтем в створку и прокричала:
– Туда! Там спасемся!

Тихоня выудил из болтавшегося на поясе мешка ключ. Головка ключа представляла собой два раскрывающихся полу-

круга, которые складывались в широкое кольцо. Посередине кольца было вырезано изображение раскрытого глаза, который был почему-то один. В центр круга было вставлено такое же изображение человечка, расставившего руки и ноги в форме звезды.

– Звезду к звезде! – сообразил Тихоскок. – Только где же у ворот замочная скважина?

Он попытался осмотреть ворота, но их тяжелые створы уносились в высоту и терялись в водной толще, едва прорезанной солнечными лучами. Позади него заструилось чешуйчатое тело дракона. Мелькнули горящие желтые глаза, упруго разрезал воду длинный хвост с острым плавником на конце.

– Тихоня, он нас сейчас слопает! – завизжала Белянка.

Звук ее голоса был таким пронзительным, что доносился даже сквозь воду.

– Ветрогон, подсади меня! – показал знаками он.

Шкипер с готовностью подставил плечи. Едва вскарабкавшись, Тихоскок обнаружил фигуру странного существа, расставившего в стороны руки. Лицо казалось необычным, но все же у него были два глаза, нос и рот.

Тихоня сравнил глаз на головке ключа с глазами странного существа и обнаружил, что они одинаковы. Однако попытка приложить ключ к этим глазам не увенчалась успехом – скважин там не было. В спину ему ударил холодный поток воды. Он оглянулся и увидел взмах чешуйчатого хвоста,

пронесшегося перед его носом.

– Тихоня, дракон! – в панике визжала внизу Белянка, но водная толща гасила звук ее голоса.

Что делать дальше, он просто не знал. Никаких идей не было. В отчаянии он принялся молотить кулаком по лицу странного существа, хотя и не надеялся, что дверь от этого откроется. Слой ракушек, густо выросших на изображении, отвалился, и за ним открылось круглое углубление – в том месте, где у человека был лоб.

Тихоскок приложил к нему головку ключа. По размерам она подходила точь в точь. Он принялся яростно оттирать это углубление от водорослей, и нашел, что в глубине его темнеет замочная скважина. Ключ вошел в нее, как влитой. Глаз на его головке оказался у существа прямо посреди лба.

– Тихоня, ну что там? – в нетерпении загомосил Ветрогон.

Его плечи дрожали – Тихоскок чувствовал это ступнями. Створы ворот задрожали и начали разъезжаться в стороны. Сквозь их скрип и скрежет донеслась музыка: где-то в ближайшей башне заиграл допотопный музыкальный механизм, извлекающий звуки из проржавевших металлических пластинок. Мелодия была необычной и даже пугающей – в Крысином гнезде таких не играли.

Дракон позади него развернулся и ринулся в нападение. Ветрогон покачнулся, Тихоскок потерял равновесие и рухнул на дно как раз в тот миг, когда дракон ударился о разъезжающиеся створы ворот. Возник водный поток, который

подхватил путников и начал затягивать в город. Тихоня почувствовал, как его оторвало от почвы и понесло внутрь, в темную неизвестность. Белянка и Ветрогон кубарем покатались за ним, а следом понеслись ошалевшие от страха пираты.

Боцман Губошлеп взопрел под палящими лучами полуденного солнца. Его жесткая серо-бурая шерсть взмокла, а он все не унимался и орал на пиратов:

– Качайте сильнее! Раз-два, вверх-вниз!

Матросы корабельной команды выбились из сил и уже не обращали внимания на его окрики. Они лениво дергали ручки насосов, то поднимая их, то опуская. Мало кто уже верил, что там, на глубине, их капитан и товарищи еще живы. Пираты лишь по привычке продолжали делать вид, что работают, но на самом деле мечтали залезть в темный трюм, подальше от жаркого солнца.

– Вижу чужой парус! – закричал вахтенный с полуяота.

Пираты насторожились, ушки над взмысленными головами вздернулись кверху.

– Добыча сама идет в руки! – довольно ухмыльнулся Губошлеп и потер ладони. – Поднять «Веселую крысу»!

Тотчас же на верхушке фок-мачты затрепетало багрово-красное полотнище с изображением белого скелета, сжимающего в когтистых лапах саблю и абордажный багор.

Однако приближающийся корабль не был похож на до-

бычу. Ловко маневрируя под попутным ветром, навстречу к ним неся двухпалубный галеон, борта которого ощетинились рядами чугунных пушек.

– Полундра! К бою! – истошно завопил боцман.

Пираты побросали насосы и кинулись в трюм за оружием. Они расхватили пики, багры и абордажные сабли, но пушек на «Лазурной мечте» не оказалось, и всем стало ясно, что тяжелый галеон разнесет их в щепы.

«Гроза океана» быстро приблизилась и ловко развернулась к ним бортом. Из орудийных портов на них глянули черные жерла орудий. Сквозь квадратные проемы было видно, как рядом с лафетами суетятся канониры в медных кирасах, сжимающие в лапах шомпола и зажженные фитили от разрывных ядер.

– Где капитан? Без него мы не справимся! – истошно завопил Баламут, сменивший гитару на пиратский нож.

Товарищи отреагировали на его возглас панически: они принялись забиваться во все щели и прятать головы за высоким бортом. Тем временем стражники с галеона забросили кошки на длинных канатах и начали подтягивать каравеллу. Затем они пустили в ход багры и абордажные крючья, перебросили с борта на борт деревянный мостик и по нему быстро сбежали на палубу «Мечты». Боцман застыл перед ними с саблей в ладони.

Перед ним вырос Твердолоб с алебардой наперевес. Его медная кираса с двумя крысами, скрестившими копыя, так

сверкала под солнцем, что боцман зажмурился.

– Сам сдашься, или тебя разделать, как цыпленка на гриле? – поинтересовался начальник охраны.

Губошлеп оглядел своих подчиненных, которых уже вязали, и широко взмахнув, выбросил саблю за борт.

– Я сдаюсь, но моя сабля тебе не достанется! – зло сказал он.

Тихоскока несколько раз перевернуло вверх тормашками, и он едва удержал на голове колпак, не дав воздуху выйти. Дракон просунул длинную шею в ворота и попытался поймать беглецов, однако створки начали съезжаться обратно и едва не прищемили его. Желтые глаза мелькнули и исчезли с той стороны стены. Тихоня вздохнул наконец с облегчением, поднял на ноги Белянку и постарался ее успокоить.

За воротами прятался настоящий город. Но что это был за город! Казалось, его выстроили великаны. Здания были огромными, многоэтажными. Их причудливые очертания колыхались в холодных толщах воды. Пучеглазые рыбы сновали между дворцами и храмами. Угри и мурены выскакивали из темных окон и проносились мимо, задевая промокшую шерстку подводников. Морские коньки стаями носились по улицам, таким широким, что по ним мог бы проплыть целый корабль.

– Кто мог жить на таких безразмерных улицах? – произнес Тихоскок.

От удивления он говорил вслух, хотя вода гасила звук его голоса. Ветрогон вывел их на центральную площадь. Тут могло бы собраться население всего крысиного города. Они принялись подниматься по широким каменным ступеням, каждая из которых была такой высокой, что приходилось карабкаться, помогая себе передними лапами. Кажется, это была лестница к фантастическому храму, невообразимые купола которого поражали воображение.

По обе стороны от лестницы высились статуи обезьяноподобных творений. У них были руки и ноги. Некоторые из них сидели, другие стояли, а третьи замерли в стремительных позах, как будто живые существа неожиданно окаменели во время движения. Тихоскоку казалось, что эти статуи сейчас сорвутся с места и бросятся вперед – такими красноречивыми были их очертания. Но наросты ракушек и водорослей говорили, что этим фигурам уже многие века.

Двери здания под куполом давно были снесены течением. Стайки разноцветных рыб носились между гигантских колонн. Внутри было темно, и Тихоскок ориентировался только по блеску светильников, которыми размахивали его друзья. Ветрогон махал особенно оживленно – кажется, он нашел выход на верхний этаж.

Тихоскок начал карабкаться вверх по ужасно неудобной лестнице. Когда он преодолел два пролета, вода вокруг его колпака неожиданно схлынула и ушла вниз. Он помахал светильником – тот ярко вспыхнул, осветив пустое простран-

ство, заполненное воздухом.

Ветрогон уже снимал свой колпак и недоверчиво шевелил носом, проверяя, можно ли тут дышать.

– Все в порядке! – вслух сказал шкипер, и голос его прозвучал непривычно отчетливо. – Здесь образовался воздушный пузырь, как у кита в брюхе. Над нами огромный купол, заполненный воздухом.

Рядом вынырнула Белянка, а за ней – Лихогляд с Сиволапом и Чумадуrom.

– Тут жили настоящие великаны! – изумленно проговорила девушка.

Она сняла свой колпак и дышала полной грудью. Тихоскок опасался остаться без надежной защиты, но ему стало неловко, что его подруга отважилась вдохнуть подземного воздуха, а он – нет. И он поспешно скинул с головы жесткий каркас снаряжения.

Они очутились в огромном зале, утонувшем во тьме. Любое движение, любой плеск воды отдавались тут многократным эхом, отчего казалось, будто спрятавшийся во тьме гигант передразнивает каждый звук. Свет масляных светильников не доходил до потолка, теряющегося в темноте. Спертый воздух пах плесенью и водорослями, но после тесноты колпаков он казался дурманящим, и все торопились надышаться, прежде чем снова уйти на дно.

Лихогляд недоверчиво озирался по сторонам, Чумадуr и Сиволап обнажили сабли, как будто ждали нападения чудо-

вища, готового вынырнуть из темноты. Однако поблизости никого не было видно.

Приблизив фонарь к дорожке, покрытой твердым и гладким, как полированный камень, материалом, Тихоня сказал:
– Не беспокойтесь! Тут нет ничьих следов.

– Что прикажете делать с захваченной каравеллой, ваше высококорodie? – низко пригнув к палубе медный шлем, спросил Твердолоб.

– Снасти снять, шлюпки с веслами перенести на галеон, – сверкнув золотой короной, ответил Верховный Деспот.

Его довольная морда расплылась в широкой улыбке, обвислые усы воспрянули и зашевелились.

– Пустить ее на дно? – услужливо предложил начальник охраны.

– Пожалуй. Хотя нет! – магистр воздел коготь кверху. – Спрячемся-ка мы за островом. А на каравелле оставим засад.

Стражник подкрутил длинный ус и недовольно засопел.

– Ну что еще? – спросил его Гнилозуб.

– Извольте ли видеть, ваше высококорodie, но сдается, что нарушители уже и не живы. Им перестали качать воздух. Под водой им без дыхания не продержаться.

– Что ж они тогда не всплывают? – с сомнением протянул Деспот. – Если б они сдохли, то давно болтались бы на поверхности брюхом вверх.

– Может, за корягу зацепились. А может, их сожрало какое-никакое морское чудовище, – предположил Твердолоб.

– Сам ты чудовище! – в сердцах плюнул в него Гнилозуб. – Такое же большое и такое же тупое. Ну откуда на морском дне коряга? Это не лужа у тебя на дворе. А вот дракон тут, как говорят, и впрямь обитает. Но тогда можно было бы вытянуть шланг. А он застрял и не тянется. Нет, чую я, тут что-то другое. Давай-ка для верности пустим им вслед глубинную бомбу. У тебя есть такие?

Твердолоб в задумчивости потер когтем шлем, отчего на нем осталась темная борозда.

– Мы можем быстренько соорудить, – осклабился он, радуясь, что может продемонстрировать смекалку и опыт. – Если привязать непромокаемый фитиль к разрывной бомбе, а саму бомбу запереть в ящик, не пропускающий воду, то она и в самом деле опустится на самое дно, да там и рванет.

– Вот и привяжи, – велел ему Гнилозуб. – И смотри: как всплывут – хватай и тащи на корабль. Мне нужны их шкурки. И желательно, чтобы без дырок.

Тихоскок первым шагнул в гулкую тьму сухого подводного зала. Беянка жалась к нему, но не отставала – ее разбирало любопытство, еще более сильное, чем страх. Они двинулись мимо двух рядов статуй и вскоре оказались под огромным куполом, нависшем над просторной площадкой.

Посреди площадки возвышалась статуя самого невероят-

ного существа, которое только Тихоня мог себе вообразить. На грациозном животном, бьющем копытом о землю, сидел всадник. Поза его была могучей и властной, широко расставленные ноги упирались в стремяна, с тела свисала чешуя, похожая на драконью, а голову прикрывал шлем – почти такой же, какой носил Твердолоб, только намного больше, и с острым шпилем на самом верху. Всадник простирал вперед руку, придавливая к земле зрителя и утверждая свою власть над странами и городами. Его усы не топорщились и не торчали, а гладко стекали вниз, переходя в густой волосяной покров, прикрывший подбородок.

Такого странного существа Тихоня не мог себе даже представить. Оно явно было разумным, лицо его выражало силу и власть, но это не была *Rattus Sapiens*, это был кто-то совсем другой, кто-то сказочный, принадлежащий к иной, древней жизни.

А вот животное, с которого привставал всадник, Тихоня узнал. Это был конь – ему приходилось видеть таких в стародавних книгах, повествующих о забытых временах. Но в книгах говорилось, что эти животные – вымысел, порожденный фантазией древних. Ведь не может же быть, в самом деле, таких могучих и грациозных существ, на которых можно садиться верхом, да еще управлять ими!

Тихоскок с Белянкой двинулись по гладким дорожкам, покрытым выщербленной каменной плиткой. Их взору открылась сказочная картина, в которую трудно было пове-

ритель. Свод высокого купола уходил так высоко, что его было не разглядеть. И в эту невообразимую высоту поднимались гигантские статуи, изображавшие все тех же мифических существ с двумя ногами вместо задних лап и двумя руками вместо передних, с густыми усами, струящимися с подбородков, и гладкими бородами. Плоские лица без острых носов смотрели сурово и тягостно, а спадающие вниз одежды не оставляли места для хвостов, которых у них, кажется, и вовсе не было, как и когтей на коротких пальцах.

Некоторые из них походили на суровых воинов, другие – на мудрецов, вольнодумцев, поэтов. Мужчины и женщины, молодые и старые, серьезные и игривые, одетые и обнаженные – Тихоня проходил мимо и вертел головой, задыхаясь от неясных чувств. Белянка прижалась к нему, зарылась носом в шерсть на его груди и тихо прошептала:

– Какие они величественные... И трагичные! Тихоня, кто это? Я никогда таких раньше не видела!

– Их никто не видел, – ответил он, погладив ее по рыжему пятну на спине. – Они ушли в прошлое задолго до того, как Крыса Разумная появилась на свет. Это наши великие Предки, или, вернее сказать, Предшественники, потому что предками в прямом смысле слова они нам приходится не могут – у них нет шерсти, хвостов и когтей.

– А что с ними стало? – испуганно прошептала Белянка.

– Давай попробуем разузнать, – предложил он.

Они двинулись вдоль массивных постаментов, с которых

уносились ввысь, к куполу, эти грандиозные создания. Курчавый поэт в длинном плаще пытался шагнуть с постамента вниз, задумавшись над стихом. Взлетал вверх на коне еще один всадник, которого уносила каменная волна. Неслись в необозримое будущее скрестившие руки мужчина и женщина с неведомыми орудиями. И стартовал в небеса человек на стреле, руки которого были похожи на крылья.

– Тихоня, дракон! – тревожно вскричала Белянка.

Тихоскок резко прыгнул вперед и прикрыл ее своим телом. Его глаза бешено завращались, а усы принялись шевелиться, словно пытаясь нащупать опасность. Дракон в самом деле был перед ним – он извивался и грозил острым хвостом, однако с его зубов, торчащих из разинутой пасти, мерно капала вода, уже многие тысячи лет.

– Успокойся, – приходя в себя, произнес Тихоскок – то ли себе, то ли подруге. – Он каменный. Посмотри, воин уже почти победил его.

В самом деле: каменный воин в седле разил змея, высоко воздев руку с копьём.

– Если раньше водились такие странные существа, то кто же нам встретится в будущем? – произнес он, потирая вспотевший лоб.

Они прошли мимо колоссальных фигур белого божества, широко распахнувшего руки в приветствии, мимо женщины с гневным лицом, поднявшей в руке меч, и мимо еще одной женщины на высоченном пьедестале, сжавшей книгу и фа-

кел. Однако Белянка остановилась не перед ними. Она застыла у небольшой статуи богини в шлеме с высоким гребнем.

– Посмотри, она совсем как живая, – зачарованно прошептала она.

Тихоня взял девушку за ладонь и потащил вперед, но наткнулся на капитана пиратов. Забыв о сокровищах, Лихогляд застыл у статуи человека в охотничьей шляпе, который играл на флейте. За человеком вислась цепочка зверьков, отдаленно напоминающих доисторических крыс. Флейтист погружался в воды реки, крысы тянулись за ним и тонули.

– Это дьявол! – взвизгнул Лихогляд, когда до него дошел смысл изваяния. – Враг рода крысиного! Великий Дератизатор, о котором гласят легенды! Мы в самом пекле!

– Успокойся! – сказал ему Тихоскок. – Даже если тут и было когда-то пекло, то от него ничего не осталось. Этот зал пустует уже много веков.

– Ты не знаешь! Дератизатор бессмертен! – продолжал визжать Лихогляд, испуганно отступая от памятника. – Он вернется за нами! Так говорил Муровер!

– Тогда останься рядом и сторожи его, чтобы он не ожил, – рассерженно откликнулся Тихоскок. – А мы займемся делом.

Лихогляд еще больше испугался и бросился к краю зала. Однако уже через мгновение он завизжал от восторга. Тихоскок поднял повыше фонарь и осветил на него. Сорвав с

головы мокрую шляпу с пером, капитан танцевал на одной лапе перед столбиком ящиков из заплесневелого пластика.

Из этих замшелых ящиков торчали головки странных сосудов, отдаленно похожих на привычные глиняные горшочки. В режущем свете фонарей сосуды сверкали – одни белым, а другие – коричневым блеском.

– Морское стекло! – хриплым голосом завопил Ветрогон и сорвался с места.

Опытного шкипера было не узнать. Забыв обо всем, он принялся переворачивать ящики вверх дном и вытряхивать из них эти сосуды. Тихоскок подошел и взял в руки один из них. Сосуд был холодным, прозрачным. Его пупырчатые стенки удобно ложились в ладони. Железная крышка на горлышке давно истлела и рассыпалась в прах, а содержимое испарилось. Но сам сосуд оставался таким же, как во времена Первотворения – неумолимые века не смогли нанести ему вред.

– Вы что, не видите? – вне себя от восторга, орал Ветрогон. – Это же настоящее морское стекло! Посмотрите, как оно сохранилось! Это не мелкие камушки, обточенные водой. Это настоящие произведения искусства! И их тут тысячи! Целые залежи! Да за одно такое можно купить целое поместье! Мы богаты! Гнилозуб по сравнению с нами покажется оборванцем!

Он принялся набивать коричневыми сосудами сетку, прикрепленную к поясу, однако втиснуть в нее удалось всего пять

штук. Тогда шкипер сорвал с себя рубаху, связал ее рукава, и принялся совать стекла в этот самодельный мешок. Пираты последовали его примеру. Лихогляд прыгал от ящика к ящику и размахивал фетровой шляпой с пером. Сиволап с Чумадуrom кромсали мягкий пластик саблями, пытаясь разлепить склеившиеся и ушедшие в землю контейнеры, а Дуболом плясал на одной ноге, выделявая сосудом финты.

Внезапно Ветрогон завыл, как волк в полнолуние. Однако вой его был не жалобным, а торжествующим.

– Зеленое! – завизжал он, бросаясь вперед. – Там – зеленое!

В самом деле, в ящиках, расположенных в полутьме, едва рассеянной лучами светильников, покоились такие же сосуды, только из еще более дорогого зеленого стекла. Они поблескивали в темноте матовыми отсветами, и Тихоскоку показалось, что это затаившийся дракон сверкает на него тысячей яростных глаз. Он сделал шаг назад и схватил Беянку за руку. Однако пираты не знали сомнений. Они с криками кинулись в темноту и принялись вытряхивать из сеток и мешков коричневые бутылки, чтобы набрать на их место зеленые.

– Нам же легче, – сказал Тихоскок, прижимая Беянку к себе. – В ближайший час они о нас даже не вспомнят. – А нам нужно заняться главным – узнать, что случилось с Предшественниками.

Внезапно пол под ногами дрогнул и покачнулся. За широ-

кими окнами зала, забранными толстыми стеклами, сверкнула яркая вспышка, и тут же взметнулся поток мутной воды, смешанной с песком и илом.

– Это еще что такое? Как будто разорвалась глубинная бомба. Но кто их в нас будет швырять? – озадаченно проговорил Тихоскок.

На миг стало совсем тихо, и вдруг по залу прокатился глухой рокот, доносящийся издалека. Стены огромного здания завибрировали, статуи покачнулись. Где-то в морской глубине раздался грохот, и по высокому куполу застучал град камней.

– Великий дракон проснулся! – прошептала Белянка и прижалась к Тихоне.

– Что ты? Ты же видела дракона. Он не такой большой, как в легенде, – ответил он подруге.

– А кто тогда трясет землю?

– Это подводный вулкан извергается, – глухо проговорил Тихоскок. – Должно быть, глубинная бомба попала как раз в его жерло. И это похуже дракона, потому что с драконом еще можно сладить, а вот с вулканом – никак.

– Что теперь будет? – испуганно спросила подруга.

– Боюсь, как бы не случилось того же, что с островом Атлантисом, ушедшим под воду, – сумрачно проговорил Тихоскок. – Легенда рассказывает, что он рухнул на дно после трех могучих сотрясений, вызванных разгулом стихии. После первого толчка обрушились крыши домов, после второ-

го – крепостные стены, а после третьего остров погрузился в пучину, и никто больше не видел атлантов на поверхности. Первый толчок мы уже пережили, у нас остаются еще два. Медлить нельзя! Если мы не узнаем тайны Предков сейчас, то другого шанса уже не будет!

Глава 10. Тайна исчезнувших предков

Дорожка из блестящей полированной плитки уводила его вперед, в полутьму. Звук шагов отдавал гулким эхом. Белянка схватила его за ладонь и дрожащим голосом протянула:

– Тихоня, не ходи туда! Я боюсь!

Он погладил ее ладошку и ответил:

– Я тоже боюсь. Но я хочу разгадать тайну забытых предков. Ради нее мы отправились в это ужасное путешествие, ради нее спустились на дно. Не отступать же, когда остается всего один шаг!

И он решительно двинулся вперед. Неожиданно его нога провалилась в пустоту. Он покатился вниз и невольно утащил за собой Белянку. Вдвоем они кубарем скатились по высоким ступеням, ударяясь о каменные выступы. В конце лестницы их ожидал холодный пол, на их счастье заросший мягким мхом.

– Ты как? – спросил Тихоскок, потирая ушибленный бок и помогая подняться Белянке.

– Ох, ударилась! – жалобно протянула она.

Перед ними лежал просторный зал, тонущий в темноте. Широкие иллюминаторы в стенах слабо светились – в них

время от времени виднелись вспышки то ли бомб, то ли вулканического извержения. Но сюда шум и грохот не доносились. Перед огромной приборной панелью стоял ряд широких кресел. Тихоскок забрался на среднее и удивленно сказал:

– Ого! Если предки и вправду существовали, то были как минимум вдвое выше нас! Это кресло для настоящего великана. Попробуй!

Белянка, кряхтя и охая, вскарабкалась на соседнее кресло и заерзала, устраиваясь поудобнее. Ее сиденье качнулось и повернулось вокруг оси – оно было установлено на высоком вращающемся штыре. Тут же над их головами вспыхнул яркий свет.

От неожиданности Тихоня зажмурился и едва не соскочил вниз, под сиденье – его понесло туда инстинктивное желание спрятаться. Однако Белянка осталась на своем месте. Он украдкой взглянул на нее, убедился, что она не заметила его испуга, и принял гордый вид, который должен был говорить: я чувствую себя уверенно и спокойно, я контролирую ситуацию!

– Как ярко сияют эти свечи! – ошеломленно проговорила Белянка. – Посмотри, как они высоко!

Действительно, фонари висели под самым куполом, до которого было, как до неба. Но Тихоня не стал разбираться с тем, как свечи могли зажечься сами собой – в конце концов, Предки были знаменитыми колдунами. Его занимала при-

борная панель. Она пестрела огромным количеством кнопок, тумблеров и переключателей, под которыми виднелись таблички с лаконичными надписями. Однако все надписи были сделаны на незнакомом языке, да и сами буквы казались нелепыми и смешными.

– Что там написано? – сторя от нетерпения, спросила Белянка.

– Откуда я знаю? – недовольно буркнул Тихоня. – У нас в школе такому не учат.

– Посмотри, какие забавные тут буквы, – не унималась подружка. – Вот эта похожа на нашу «тюрю» – одна палочка вверх и одна поперек: «Т». Вот это «дзюпа», а это «цуца». Ой, посмотри, я нашла «щалу»! – радостно заголосила она. – Но другие буквы вообще нельзя прочитать. Кто же так пишет? Бока косые, смотрят в разные стороны. Перекладина посередине. Как будто стремянку раздвинули. А вот вообще какая-то дырка! Круглая, как колесо. Я догадалась! У твоих предков были кривые руки!

– Они такие же мои, как и твои, – недовольно сказал Тихоскок.

Ему очень не хотелось ударить носом в грязь перед подружкой, но прочитать надписи он не мог.

– А вот я пишу гораздо понятнее! – похвасталась девушка. – У меня все черточки прямые и ровные. Профессор Гладкошерст всегда хвалил меня за каллиграфию.

Тихоскок взглянул на свои изогнутые пальцы с длинными

когтями и невольно спрятал их за спину. Красивым правописанием он похвастать не мог: вертикальные палочки у него все время заваливались набок, а горизонтальные пересекались, как в сумасбродной геометрии непризнанных гениев науки. Но рисовать кругляшок вместо письменного знака и ему не пришло бы в голову: ведь это уже иероглиф! Нет, распутать письма предков будет непросто!

Однако вслух он сказал:

– Ерунда! Сейчас я во всем разберусь!

И победоносно взглянул на Белянку. Она посмотрела на него с уважением. Приободренный, он принялся щелкать тумблерами наугад, приговаривая:

– Так, ну тут все понятно. А это что? Ах, конечно. Так я и думал!

При этом он понятия не имел, что может случиться от этих загадочных кнопок. Большинство из них были сломаны и не поддавались. Другие раскалывались на кусочки при первом прикосновении. Однако некоторые продолжали работать, как и многие годы назад. Они звонко щелкали, и после каждого такого щелчка фонари под куполом вспыхивали и мигали, а в стенах раздавалось загадочное гудение, будто там проползал шустрый и очень шумливый дракончик.

– Их тут сотни! – зачарованно проговорила Белянка. – Нам и недели не хватит, чтобы все осмотреть.

– Какая неделя? – с досадой откликнулся Тихоскок. – Посмотри в окна. Вода так и бурлит. Еще немного – и вулкан

забрасает нас камнями.

– Тогда давай побыстрее!

– Да стараюсь я, стараюсь. Эх, если бы знать, как у них все тут устроено...

Тянуться к высокой панели было ужасно неудобно. Кресло было предназначено для сидения, однако достать с него до кнопок и тумблеров он мог, только вытянувшись во весь рост. В конце концов он плюнул на приличия, вскочил на приборную панель и принялся ползать по ней на четвереньках, надеясь, что подруга простит ему это шалопайство.

– Тихоня, а у тебя на ключе не такой человек? – спросила Белянка.

Она указывала на большой рычаг, торчащий из стены. Над рычагом виднелось изображение того самого существа, которое расставило руки в стороны. Картинка получалась похожа на звездочку. Тихоскок подбежал к рычагу, прыгнул и ухватился за него обеими лапами, но тот даже не шелохнулся.

– Белянка, помогай мне! – с натугой позвал он.

Подружка повисла на его поясе, и рычаг медленно пополз вниз. Свет вокруг начал меркнуть. Из широкой трубы, напоминающей пушку, вырвался снап яркого сияния и ударил в высокий купол, по которому заструились светло-синие звезды.

– Посмотри, как это похоже на звездное небо! – зачарованно проговорила Белянка.

Звезды складывались в созвездия и разлетались в разные стороны. Одни изображения сменялись другими, а труба все выплевывала и выплевывала новые снопы ярких сполохов, которые отображались на куполе в виде чудесных картин.

Тихоскок опустился на панель и устроился на ее мягкой поверхности. Белянка примостилась рядом, прижавшись к нему трепещущим боком. Она дрожала от волнения и страха – все происходящее и тревожило, и завораживало ее.

На куполе возникло изображение мужчины и женщины. Они были похожи на памятники, стоявшие в зале, но казались подвижными и живыми. Лица их были тревожны и немного печальны. Они заговорили на неизвестном языке, полном глухих гулких звуков. Он не был похож на пискливое верещанье крыс, но казался красивым и красочным.

– Что они говорят? – с нетерпением спросила Белянка.

– Подожди! Сейчас сама все увидишь! – успокоил ее Тихоскок.

Первым заговорил мужчина. И сразу же за его спиной поплыли изображения стран и удивительных городов с невероятно высокими зданиями, уносящимися в небеса. По широким улицам потоком неслись самодвижущиеся повозки, под облаками мелькали летучие корабли.

– Смотри, смотри, он поднимается над облаками! – завизжала от восторга Белянка. – Сейчас он улетит за восьмое небо!

В самом деле: серебристая ракета вырвалась за пределы

земли и понеслась по ночному простору, в котором луна и солнце казались огромными немигающими шарами.

– Сила дня, сила ночи! – зачарованно прошептал Тихоскок. – Я верил, что наши предки были великими магами, но такого не ожидал даже от них!

Речь продолжила женщина. Ее голос стал сумрачным и беспокойным. Она показала огромные льдины, откалывающиеся от арктических ледников. Им на смену пришли прибрежные города, тонущие в поднимающемся океане. Смерчи, ливни и грады сменялись изображением засухи и запустения земли. Почва рассыхалась и превращалась в глину, травы переставали расти, хлеба – колоситься. Огромные леса обращались в пепел и прах, и то, что от них оставалось, накрывали огромные волны, поднимающиеся из океана.

– Выходит, легенды говорят правду? – удивленно сказал Тихоскок. – Человеческая Атлантида действительно существовала? Только располагалась она не на отдельном острове, а повсюду. И она ушла под воду. Но как такое могло случиться?

Мужчина и женщина продолжали говорить, попеременно сменяя друг друга. Их речь была такой выразительной, что Тихоскок начинал понимать ее. Белянка кивала головой вслед за самыми яркими высказываниями – она тоже улавливала их смысл.

– Мне кажется, что я их понимаю, – прошептала она.

– Трудно их не понять, – согласился Тихоня.

«Мы не хранили нашу землю, – говорили великие предки. – Мы черпали ее богатства, как будто они бесконечны, и даже тогда, когда стало ясно, что они кончаются, мы не могли остановиться. Защитный слой неба растаял, и солнце начало выжигать все живое. Реки, озера и даже моря обмелели. Сначала нечем стало поливать поля, а после нечего стало пить.

Плодородный слой почвы иссох, и земля перестала давать урожай. Наступил голод и мор. Мы, как неразумные крысы, продолжали тянуть из земли последние жизненные соки. Она отдавала их нам и умирала у нас на глазах. Погибнет земля – погибнет и человечество. Мы надеемся, что со временем жизнь возродится. И может быть, появятся новые разумные существа. Они придут нам на смену. Но это будут уже не люди.

Мы не знаем, кто придет вместо нас. Может быть, наши ближайшие родичи – обезьяны, а может, это будут крысы, потому что они самые стойкие и живучие. Кто бы это ни был – они не должны повторить наших ошибок. Они не должны вести себя по-крысиному и вытягивать из земли ее жизненную силу. Они должны быть разумнее нас».

– Они обращаются к нам, – догадался Тихоня. – Они не хотят, чтобы мы совершили те же ошибки. Иначе после нас никого не останется. Земля будет жить вечно, жизнь на ней сохранится, но только от нас зависит, будут ли это наши прямые потомки, или кто-то другой.

– Нам нужно вернуться в Крысиное гнездо, – вымолвила Белянка. – Нужно рассказать об этом всем остальным.

– А кто там будет слушать? – с горечью возразил Тихоскок. – Гнилозуб? Твердолоб? Или, может, епископ Муров со своими инквизиторами?

– Найдутся те, кто услышит, – убежденно сказала Белянка. – Но сначала нам нужно отсюда выбраться. И сдается мне, что подняться со дна будет труднее, чем спуститься.

Неожиданно темную воду за иллюминаторами прорезала ослепительная вспышка. Глубинная бомба разорвалась прямо над жерлом клокочущего вулкана. Осколки ее разлетелись и принялись медленно оседать на дно. Остатки бомбы вулкан проглотил, смачно чавкнув невидимым брюхом.

– Хвала Мудрым, на этот раз пронесло, – отлегло от души у Тихони.

И тут же вулкан разразился оглушительным грохотом. Из его чрева вылетела целая россыпь огромных камней, а за ними хлынул поток раскаленной лавы. По стенам подводного зала застучала каменная дробь, а один из валунов рухнул прямо на купол и проломил в нем дыру, в которую тут же хлынул поток пенящейся воды.

– Ой! – только и смогла произнести Белянка.

Вода обрушилась на пол зала, расколола блестящую плитку, снесла кресла, сорвала с приборов защитную пленку, которой они были прикрыты. Со стен начали рушиться стеллажи, из которых с грохотом вылетали сотни контейнеров и

коробок. Распахнувшись, они рассыпали по полу груды блестящих дисков, магнитиков и кристаллов всех форм и размеров. Потоки воды подхватывали их и несли по широкому залу, разбивая о стойки.

Тихоня подполз к краю приборной панели и свесился вниз. В лицо ему хлестнула волна, чуть не смыв в пенный водоворот. Он едва удержался, вцепившись когтями в пористый материал, которым была отделана поверхность панели, и тут же волна подняла и швырнула в него небольшой круглый предмет, который сверкал в отблесках отдаленных огней, как драгоценный камень.

Предмет этот угодил Тихоскоку в нос и сбил его с ног. Тихоня свалился в воду и повис, уцепившись за край приборной доски. Он был так ошеломлен, что на какое-то время лишился голоса и не мог позвать на помощь. На его счастье, Белянка заметила беду и бросилась на выручку.

Он заметался, пытаясь зацепиться хвостом за одну из кнопок. Девушка поймала кончик его хвоста и изо всех потянула на себя. Перевернув Тихоню вверх тормашками, она выудила его из воды. Тихоскок уселся, пытаясь отдышаться. Вода стекала с него ручейком.

– Ух ты, как здорово меня приложило! – сказал он, потирая ушибленный нос. – Что это мне прилетело?

Он поймал катающийся по панели предмет, брошенный в него прибором. Это был гладкий прозрачный шар на подставке из золотистого материала. Тихоня взял его в руки – тот

как раз помещался в ладонях. Подставка позволяла удобно расположить его на ровной поверхности. Шар несколько раз повернулся вокруг наклонной оси, показав рельефную карту неведомых материков, спрятанных в его глубине.

– Похоже на глобус, – заметила Белянка, вертя его пальцами.

– Какой-то он необычный, – отплевываясь от воды, отозвался Тихоня. – У нас таких делать не умеют. Посмотри, карта спрятана в глубине, под прозрачным слоем стекла. Как ее туда запихали?

Ответить Белянка не успела. Дыра в проломленном куполе разверзлась еще больше, и пенящийся поток забурлил вдвое сильнее. Движущееся изображение под потолком пропало, звук человеческих голосов затих. Свет фонарей замигал и начал тускнеть.

– Нам нужно выбираться, иначе нас тут затопит! – крикнул Тихоня, хватая Белянку за руку.

Растерянная альбиноска покорно позволила спустить себя с приборной панели. Тихоскок спрыгнул первым и тут же оказался по пояс в бурлящей пене. Его едва не сбilo с ног, но он удержался, снял Белянку и бережно поставил ее на пол.

– Держись за меня! – прокричал он ей на ухо, перекрывая шум падающей воды. – Если тебя собьет и потащит, хватайся за все, что торчит из стен!

Поддерживая друг друга, они пробарахтались к лестнице, с которой недавно скатились. Ступени были высокими

и крутыми, и Тихоскоку приходилось наклоняться и подтаскивать за собой Белянку. Вода преследовала их, затапливая одну ступень за другой, и они бросились через зал по аллее статуй, держась за руки и вопя:

– Ветрогон! Лихогляд! Быстро уходим отсюда! Нас затапливает!

Пожилой шкипер от неожиданности выпустил из цепких лап бутылку, которую он пытался всунуть в свой импровизированный мешок. Она со звоном ударилась о бетонный пол и раскололась на части. Осколки разлетелись вокруг маленькими зелеными блестками.

– Вот тебе и морское стекло! – озадаченно пробормотал Ветрогон. – Выходит, это всего лишь осколки старинных бутылок? Но как их обкатывает волнами!

Тихоскок сунул ему в ладони хрустальный шар и прошептал:

– Сохрани это! Это может быть ценным!

Пираты мгновенно откликнулись на крики Тихони, гулкое эхо которых разносилось под сводами. Лихогляд выбрался на аллею, держа в лапах мешок, набитый стеклянными сосудами.

– Что случилось? – недовольно спросил капитан. – Отчего такой шум?

– Вулкан пробил купол, – поспешно заговорил Тихоскок. – Вода уже поднимается. Нам нужно надевать колпаки и смываться.

Лихогляд не стал долго раздумывать. Он отдал короткий приказ подчиненным, и те бросились к выходу.

Вода поднялась и хлынула к ним, захлестывая по пути каменные пьедесталы.

– Тихоня, бежим! – верещала Белянка.

– Нет! – остановил ее Лихогляд. – От подводного Дьявола нельзя уйти просто так. Крысолов нас не отпустит. Надо что-то ему пожертвовать.

– Что еще? – огрызнулся на пирата Тихоскок.

– Твой талисман! – заявил Лихогляд.

Он стремительно подскочил к Тихоне, сорвал с его шеи «Силу светил» и ринулся к статуе Крысолова.

– Эй, куда? – растерянно прокричал Тихоскок. – Я без «Силы светил» не уйду! Она хранит меня с детства!

Но Лихогляд его даже не слушал. Он взобрался на подножие памятника и ловко набросил цепочку прямо на флейту пляшущего человека, уводящего за собой крыс. Серебристый лик Луны и сплавленный с ним золотистый лик Солнца сверкнули на высоте и принялись раскачиваться, как маятник.

– Что ты сделал? – в бешенстве заорал Тихоскок. – Как мне теперь его достать?

Лихогляд схватил его за рукав и потащил к выходу. Тихоскок вырвался и бросился назад. Навстречу ему хлестали холодные волны потопа. Они сбивали его с ног, накрывали с головой и грозили унести прочь, но Тихоня упорствовал.

– Нет времени! Сейчас всех затопит! – кричал ему Ветрого-гон.

– Погружайтесь! Я скоро буду! – крикнул ему Тихоня и начал карабкаться на каменный постамент.

Памятник только с виду выглядел маленьким, на самом деле он оказался высоким и скользким. Взбираться на его гладкие плитки было трудно, но Тихоне удалось запрыгнуть. Вода еще не успела залить постамент, но до раскачивающейся цепочки было слишком высоко, и как он ни тянулся, дотронуться до нее не удавалось.

Преодолев суеверный страх, он вцепился когтями в колено статуи и подтянулся. Его вдруг пронзила мысль: «А что, если легенда окажется правдой, и статуя сейчас оживет, почувствовав мое тепло? Что, если Великий Крысолов вырвется на свободу и угробит всех крыс? И начнет он с меня, с Белянки и со всех, кто попадется ему под горячую руку?»

Ему стало так страшно, что он чуть не свалился в бурлящую воду. Однако он преодолел себя и полез вверх. На его удачу, Крысолов так смешно растопыривал руки, что уцепиться за них было нетрудно. Карабкаясь и скользя, Тихоскок прополз по длинной флейте до самого края и сорвал цепочку с качающимся талисманом.

В этот миг пол под ногами дрогнул, и земля глухо загудела. Раздался оглушительный грохот, на купол обрушился новый валун и пробил еще одну брешь, сквозь которую тут же хлынул целый водопад.

– Второй толчок! – закричал Ветрогон. – Еще немного, и мы останемся тут навсегда!

Мутный поток обрушился на высокую статую женщины с факелом. Статуя не выдержала, подкосилась и рухнула, ее факел упал прямо на Крысолова и разнес его на мелкие обломки. Тихоскок обеими лапами вцепился в каменную флейту, но она загремела в воду и ушла на дно. Он едва успел вынырнуть, высунул нос наружу, и, поднимая вверх сжатую в кулаке цепочку с качающимся талисманом, победно загомосил:

– Сила дня, сила ночи!

– Тихоня, спасайся! – закричала Белянка.

Поток подхватил его и понес к выходу из зала. Его друзья вскарабкались на постамент всадника с вытянутой рукой и готовились надевать колпаки. Ветрогон протянул ему руку, поймал за загривок и выудил из стремнины.

– У меня плохая новость, – мрачно проговорил шкипер. – В колпаки больше не нагнетают воздух. Своего запаса в них хватит от силы на полчаса. Но этого очень мало. Подниматься наружу нужно медленно, а перед выходом на поверхность сделать долгую остановку, иначе кровь в жилах вскипит, и будет не уцелеть. А нам еще нужно думать, как уйти от дракона.

– Да, дракон, – задумчиво произнес Лихогляд и потер подбородок. – Заклятье еще не исполнено. Осталось две жертвы. Пока он не сожрет их – не даст вынести сокровища на

поверхность.

– Брось ты эти сокровища, – беспечно сказал Тихоскок. – У нас есть кое-что поважнее. Это новые знания, которые перевернут весь крысиный мирок.

– Только если нам удастся вернуться, – возразил капитан. – Да и где ты видел пиратов, бросающих честно нажитую добычу?

– Все это уже неважно, – сказал Тихоскок. – Сейчас будет третий толчок. После него поднимется огромная волна, которая смоем все на своем пути. Шансов уцелеть все равно не осталось.

За пределами зала раздался глухой отзвук разорвавшейся глубинной бомбы. Вулкан затаился на пару мгновений, а потом выплюнул из своих недр целый сноп раскаленных камней. Морское дно задрожало и затряслось, вода забурлила от жара. Один из валунов обрушился на свод купола и пробил в нем новую брешь. Поток низвергающейся воды превратился в водопад, он захлестнул путников и потащил их к искусственному озеру.

– Белянка, надевай колпак! – только и успел прокричать Тихоскок.

Бурлящие волны смыли крыс и бросили их на глубину. На свое счастье, все они успели натянуть колпаки, правда, Тихоня все-таки нахлебался соленой воды. Чья-то лапа крепко схватила его за пояс и потянула к выходу. Повертев головой, Тихоскок увидел, что это был Ветрогогн. Второй лапой он тя-

нул упирающуюся Белянку. У Тихони отлегло от души, и он позволил увлечь себя к Поющим Воротам. Пираты торопились за ними сзади, но он не обращал на них внимания.

Белянка волновалась. Она никак не хотела идти вперед и постоянно показывала ему волнообразные знаки, которые он никак не мог понять. Наконец, сквозь воду до него донесся ее крик:

– Дракон! Впереди дракон!

Тихоня опомнился и остановился. Но было уже поздно. Ветрогон выхватил у него круглый ключ и вставил его в углубление в башне. Ворота со скрежетом разъехались в стороны, в уши ударила железная музыка. Течение подхватило его и понесло вперед. Он увидел, как рядом кувыркается Белянка, которую несет следом. Ветрогон остался сзади. Он печально смотрел им вслед сквозь прозрачный колпак и махал рукой, как будто прощаясь. К нему приблизились пираты. Лихогляд обнял шкипера за плечи и крепко сжал.

За воротами города мелькнула извилистая тень. Белянка встала на четвереньки и зарылась лапами в песок, пытаясь противостоять течению. Тень заструилась к ним, и Тихоскок увидел огромную морду с распахнутой пастью и желтыми выпученными глазами.

– Белянка, греби ко мне! – завопил он.

Ворота у них за спиной закрывались. Течение ослабло, это позволило им вернуться, но они не успели – широкие створы захлопнулись у них перед носом, и тяжелая музыка стих-

ла. Дракон изогнулся у них за спиной и заложил крутой вираж, выбирая позицию для атаки. Белянка на миг онемела, а потом принялась изо всех сил колотить в запертые ворота и кричать:

– Ветрогоша, открой! Пусти нас, иначе дракон нас сожрет!

Однако звенящая музыка больше не раздавалась. Тихоскок посмотрел вверх. Ворота выходили из двух высоких башен, стены которых казались глухими, без единого про света. Но дальше, на высоте, можно было разглядеть темные провалы бойниц. Он отцепил с пояса лишний груз и попытался всплыть, но Белянка никак не могла понять, что нужно делать.

– Отцепляй балласт, лезем вверх! – знаками показал он, но она не поняла.

Тихоскок попытался снять с нее груз, подвешенный к поясу на веревках, но тот был привязан морскими узлами, и развязать их не удалось. Срезать их было нечем. Тихоня набрал воздуха, стянул с головы колпак и принялся перегрызать веревки передними резцами. Тяжелые камни упали, и Белянка начала подниматься. Тихоскок взял ее за руку и потянул за собой. Тень дракона мелькала у них за спиной, но смотреть на нее было некогда. Едва Тихоня достиг узкой бойницы, как полез внутрь. Белянка влезла за ним. Самым трудным оказалось протащить колпак – он едва прошел в узкую щель.

Несколько отчаянных рывков – и они оба всплыли под потолком башни, в тесном воздушном пузыре. Тихоскок нако-

нец отдышался и выплеснул воду из перевернутого колпака. Рядом бултыхалась Белянка. В башне было темно, он не видел ее, но слышал, как она барахтается, поднимая вокруг себя тучу брызг.

– Плыви к стене! Нам нужно за что-нибудь ухватиться! – крикнул он.

Однако звук барахтанья не удалялся, а, наоборот, приближался к нему.

– Сейчас я тебя придержу! – сказал он.

И в этот миг откуда-то из темноты его по носу ударил твердый кулак.

– Белянка, ты что? – опешил Тихоня.

– Какая еще Белянка? – раздался хриплый голос пиратского капитана.

Вспыхнул свет. В его смутных отблесках заплясали тени пиратов, воспользовавшихся воздушным пузырем, чтобы отдышаться. Ветрогон вынул из-под прозрачного колпачка светильник и принялся раздувать его поярче. У стены Сиволап и Чумадур держали Белянку, не давая ей шелохнуться.

– Тут нельзя жечь огонь, – мрачно сказал Тихоскок. – Сгорит воздух, и станет нечем дышать.

– Ничего, сейчас мы передохнем и начнем подниматься, – ответил из полутьмы голос Лихогляда.

– Никуда вы не подниметесь. Дракон вам не даст, – злобно бросил ему Тихоскок.

– Верно. Он не успокоится, пока не сожрет еще двух

крыс, – голос пирата гулко разносился под сырыми каменными сводами башни. – Я капитан, и не могу скормить ему членов пиратского братства. А вот вы двое не из моей команды. Так что придется пожертвовать вами.

– Ветрогоша, спаси нас! – заверещала Белянка.

Ветрогон опустил светильник и отвел взгляд.

– Не проси его. Это бессмысленно. Он теперь с ними, – мрачно сказал Тихоскок.

Лихогляд издевательски рассмеялся.

– Ваш друг принял правильное решение, – сказал капитан. – Он много лет плавал на моем корабле, но после сошел на берег и постарался забыть те грехи, которые успел натворить. Но пираты бывшими не бывают. Либо ты в братстве, и тогда все за тебя, либо ты бросил команду и стал отщепенцем. Тогда ты получишь черную метку.

– Ветрогон, ты был пиратом? – глаза Белянки удивленно расширились.

– Это было давно. Я не хотел вспоминать, – смущенно проговорил Ветрогон.

– Если ты хочешь вернуться в команду, то выполнишь мой приказ, – резко сказал ему Лихогляд. – Приказываю вытащить этих лохов из башни и отдать на съедение дракону. Если выполнишь – поднимешься на поверхность с добычей и получишь почетное место под моим флагом. Если нет – сам пойдешь на корм чудищу.

– Извините, ребята, но выбора у меня не осталось! – ска-

зал Ветрогон.

Он подплыл к друзьям и принялся опутывать их руки веревкой.

– Ты что, с ума сошел? Мы же утонем! – закричал на него Тихоскок.

– Дракону без разницы. Он вас в любом виде слопает, – буркнул в ответ шкипер.

Белянка смотрела на бывшего друга и тихо всхлипывала. Ветрогон избегал встречаться с ней взглядом.

– Сиволап, Чумадур, помогайте ему! – скомандовал капитан.

Оба пирата – низкий и толстый Сиволап и высокий худой Чумадур – принялись обвязывать Тихоскока с Белянкой веревками. Тихоня едва успел надеть на подружку колпак, как их потянули ко дну. Ветрогон грубо вытолкал их из затопленного входа в башню, и они снова оказались перед воротами.

– Я приоткрою ворота чуть-чуть, чтобы дракон не заплыл. Как только появится щель, толкайте их наружу! – знаками начал объяснять он пиратам.

Сиволап с Чумадуром с готовностью закивали и натянули веревку потуже, отчего у Тихони перехватило дыхание. Музыка заиграла, ворота со скрежетом начали раздвигаться. В узкую щель хлынул поток воды. Тихоскок ощутил, как его отрывает от дна и несет вперед. Он оглянулся на Белянку – та отчаянно барахталась, пытаясь удержаться на месте. Но

пираты не оставляли им шансов: они подтащили их к щели и начали выталкивать наружу.

– Пойдите! Посмотрите сначала, там ли дракон! – велел им Ветрогон.

Толстый Сиволап боязливо высунул нос за ворота. Тощий, как жердь, Чумадур вскарабкался на его плечи и начал вертеть головой. Неожиданно оба они отпрянули, и с расширенными от ужаса глазами начали размахивать лапами. Объяснять было не нужно: дракон тут, и он поджидает жертву.

– Полундра! Он сейчас заплывет! – переполошил их Ветрогон, указывая вперед.

Оба пирата в панике обернулись и попятились назад. И в этот же самый миг Ветрогон ловкой подсечкой сбил их с ног и столкнул в водную струю, несущуюся за ворота. Оба пирата угодили в водный поток и кубарем покатались вперед. Как только их унесло в щель, Ветрогон повернул ключ, и ворота с шумом захлопнулись. Музыка смолкла.

Из-за ворот донеслись отчаянные возгласы и шум борьбы, но через несколько мгновений все смолкло, и у Тихоскока в оборванном ухе зазвенел только шум от взволнованной крови, да раздавались глухие раскаты извергающегося вулкана.

Ветрогон шагнул к нему с острым кортиком. Тихоскок испугался и зажмурил глаза, но шкипер срезал веревку, спуставшую его руки, а после освободил Белянку.

– Нам нужно спастись! – знаками показал он. – Всплываем!

– Нет! – запротестовал Тихоскок. – Дракон заметит и схватит нас!

– Он уже насытился! Мы проскользнем!

– Если бы мы были с тобой одни, то я, может быть, и рискнул бы. Но Белянкой я рисковать не стану! – замотал головой Тихоня.

– Воздух кончается! – постучал когтем по колпаку Ветрогона. – Его перестали качать!

Тихоскок махнул ему лапой, подхватил Белянку, и побрел в сторону, противоположную воротам – туда, где раздавался глухой рокот извергающегося вулкана. Чем дальше он шагал, тем горячее становилась вода. Раскаленные камни то и дело прорезали толщу воды прямо перед его лицом, взметая со дна тучи песка. Воздух в колпаке становился удушливым, дышать приходилось тяжело, с натугой. Белянка держалась молодцом, но совсем выбивалась из сил, и Тихоня, оглядываясь на нее, думал: «Только держись, моя милая! Потерпи еще немножко!»

Вулкан, как огромная пушка, продолжал выстреливать вверх россыпью валунов и мелкой шрапнели. Расплавленная лава вытекала из него и огненной рекой неслась вниз по склонам, заставляя воду шипеть и бурлить. Затопленный город содрогался от подземных толчков, и казалось, что бушующая стихия вот-вот подхватит его и потащит на дно, в разверзшуюся бездну.

Высокая городская стена была пробита во многих местах,

а шипящие валуны все продолжали и продолжали сыпаться на нее. Тихоскок подобрался к обрушившемуся участку, перелез через гору разваленной кирпичной кладки и позвал друзей за собой. При каждом новом взрыве вулкана поток горячей воды обдавал его и колыхал шерсть на обнаженной груди.

– Где дракон? – спросил знаками он.

– Не видно! – так же знаками показала Белянка.

– Тогда срочно всплываем! Иначе сваримся заживо!

И Тихоскок принялся отчаянно дергать поникший шланг, подавая знак корабельной команде. Однако ответа не последовало. Шланг, вместо того, чтобы натянуться, провис еще больше, и вскоре его противоположный конец упал на дно, давая понять, что теперь они оторваны от корабля.

– Нас бросили! Что теперь делать? – загомонил Ветрогон.

Его панический голос звучал из-под прозрачного колпака, приглушенный водой.

– Отцепляй груз! Греби лапами! Наши колпаки – как поплавки, вода сама вытолкнет их наружу! – деловито распорядился Тихоскок и принялся помогать Белянке скидывать с пояса тяжелые цепи, подвешенные для балласта.

Однако Ветрогон схватил его сзади за плечи, развернул к себе и заорал:

– Нет! Я не брошу добычу! У меня целый мешок зеленого стекла! Я всю жизнь мечтал разбогатеть!

– Дурак! – заорал в ответ Тихоскок. – Если ты сейчас же не

всплывешь, то станешь самым богатым покойником в мире. Бросай свой мешок, и поплыли!

– Нет! – отчаянно вопил Ветрогон, сжимая в лапах завязанную рубаху, набитую стеклом. – Такого шанса у меня больше не будет!

Вулкан разразился новым раскатом грома. В десяти шагах от них дно разверзлось, и показался глубокий темный провал, куда начали падать прорезающие горячую воду камни. Тихоскок скрипнул зубами и принялся трясти Ветрогона за плечи, чтобы привести его в чувство. Пожилой мореход разрыдался и отбросил мешок. Течение подхватило завязанную рубаху с грузом и понесло прямо в провал. Рукава у нее развязались и принялись болтаться, отчего казалось, что это тонущий размахивает лапами, призывая спасти его.

Ветрогон начал всплывать. Тихоскок сорвал наконец пояс с Белянки и подтолкнул ее вверх. Она ухватилась ладонями за колпак, чтобы тот не сорвался с головы, и медленно поплыла к поверхности. Однако его подруга не хотела подниматься одна. Она поймала Тихоню за руку и потянула с собой.

– Плыви, плыви! – закричал ей Тихоскок, даже не надеясь, что она расслышит его голос сквозь грохот подводного извержения.

– Нет, вы так просто от меня не уйдете! – раздался яростный голос у него за спиной.

Он обернулся и застыл от изумления. Преодолевая пото-

ки горячей воды, прямо на него надвигался Лихогляд с обнаженной абордажной саблей.

– Хотите меня тут бросить? – орал капитан пиратов.

Его лицо было перекошено от гнева – это было заметно даже сквозь тусклую стенку запотевшего колпака.

– За что погибли мои моряки? – продолжал голосить пират. – Это вы трое должны были остаться тут, а не они. Вы должны были своими жизнями заплатить за мой клад. Вы должны были пойти на съедение дракону!

Не помня себя от ярости, он набросился на Тихоню и попытался разрубить его саблей. Однако движения в воде получались замедленными, и это давало время от них увернуться. Но пират не унимался. Он схватил Тихоскока за пояс, с силой притянул к себе и стукнулся о его колпак.

– Я и тебя утяну с собой! – закричал Лихогляд.

– Что ты делаешь? Опомнись! Еще не поздно спастись! – в ответ завопил Тихоня.

Но капитан был вне себя. Он охватил Тихоскока лапами, повалил его и придавил ко дну, отчего колпак едва не сорвался с его головы. Пока Тихоня прилаживал свой колпак обратно, пират принялся зарывать его в песок, приговаривая:

– Великий дракон, прими еще одну жертву!

– Хватит жертв! Поднимайся! Тебя ждет команда! – вопил Тихоскок, даже не надеясь, что обезумевший пират услышит его.

Однако хватка пирата неожиданно ослабела. Он сел рядом в мутный песок, схватился лапами за колпак и принялся раскачиваться из стороны в сторону, причитая:

– Мои матросы! Они в меня верили! А я так их подвел!

Неожиданно он подскочил. Его глаза горели, как у лихорадочного:

– Пусть я потерял трех матросов, но остальные все еще ждут меня. Они верят, что их капитан не пропадет, и я их не подведу. Я поднимусь на поверхность, даже если для этого мне придется порвать пасть дракону!

Он сбросил пояс с подвешенным куском якорной цепи и поплыл вверх. Тихоскок увидел, как мелькнул его хвост на фоне яркого блика, отброшенного солнцем. Дневное светило казалось таким далеким, что в само его существование верилось с трудом здесь, на дне, среди мути и грохота, поднятого беснующимся вулканом.

Неожиданно Тихоскок почувствовал, как земля уходит из-под его ступней. Пучина вздыбилась, дно накренилось. Там, где только что была ровная песчаная поверхность, образовался склон, уходящий куда-то вниз, в неведомую глубину. И эта глубина затягивала в себя затопленный город, который сдвинулся с места и принялся медленно съезжать в темноту.

Тихоскок ощутил, как вязкий песок окутал его лапы и потянул вниз. Он отвязал пояс с балластом и принялся отчаянно бороться, пытаясь освободиться. Кое-как ему удалось

вытащить из песка щиколотки, и он принялся изо всех сил грести, чтобы оторваться и воспарить вверх, к такому далекому и такому светлому солнечному блику, мелькающему в вышине.

У него под ногами все рушилось в бездну, а он греб и греб, шепча на последнем дыхании:

– Сила дня, сила ночи! Выручай меня! Еще чуть-чуть!

Он уже оторвался от дна, он уже воспарил над рушащейся в провал песчаной гладью, как из мутной темноты прямо на него выплыло большое восьминогое чудище и вцепилось в него липкими щупальцами. Тихоскок отчаянно принялся отцеплять их от себя, но справиться с холодной хваткой было невозможно. Осьминог приклеился к нему рядами присосок и потащил вниз, в холодную темную бездну.

– Белянка! Ветрогон! Помогите! – пытаюсь выпростаться из враждебных объятий, закричал Тихоскок.

Он и сам не надеялся, что кто-то его услышит. Здесь, на дне, он остался один.

Глава 11. Волна

Перед всплытием на поверхность Ветрогон самым бесцеремонным образом ухватил Белянку за лодыжку и задержал ее под водой. Крысодевушка всполошилась и ударила его по лапе, сердито прикрикнув:

– Что ты делаешь? Я задыхаюсь! Мне уже нечем дышать!

Однако опытный мореход не отпустил ее, объяснив:

– Всплывать сразу нельзя! Мы слишком долго были на дне. Нужно потерпеть еще хотя бы четверть часа!

Белянке казалось, что она вот-вот упадет в обморок, когда Ветрогон наконец позволил ей высунуть нос из воды. Широкая корма каравеллы спокойно плескалась неподалеку. Боцман Губошлеп сбросил им веревочную лестницу и помог перелезть через борт. Однако едва они оказались на палубе, как их подхватили стражники в медных кирасах и бросили на колени перед Твердолобом.

– Без приказа не рыпаться! Вот вы и попались! – торжествующе выкрикнул начальник охраны.

– Бушприт тебе в глотку! Откуда ты здесь? – недовольно спросил Ветрогон.

– Ты не рад видеть законного представителя власти? – издевательски расхохотался охранник. – А где ваш дружок, этот противный студентик?

– Он остался прикрывать наш отход. Мы не видели, что с ним случилось.

– Что бы с ним не случилось – мне нужна его шкурка! – зашевелил густыми усами охранник. – Так что придется рискнуть и дожидаться его. Хотя оставаться тут опасно – вода так и бурлит. Что там вообще происходит?

– А то ты не знаешь? – резко сказал Ветрогон, глядя ему прямо в глаза. – Кто кидал в жерло вулкана глубинные бомбы? Кто отрезал нас от свежего воздуха? Чтоб тебя якорем придавило!

– Так значит, это подводный вулкан! – удивился Твердолоб, не обращая внимания на его ругань. – Вот что так громыкает. Пора убираться подобру-поздорову! Губошлеп, сигнал галеону!

Боцман нехотя поднял в лапах цветные флажки и замахал ими, отдавая команду приблизиться. Из-за острова выплыл двухпалубный галеон и устремился к ним.

На высоком юте сверкнула под солнцем золотая коронка. Возвышаясь над палубами и галеона, и низенькой каравеллы, победу праздновал «Верховный Деспот» Гнилозуб. Он стоял, опираясь на трость, и вглядывался в альбиноску, склонившую голову под его взглядом. Бархатный камзол его раздувался на ветру, а напудренный парик едва держался на голове.

С борта на борт перекинули мостик.

– Твердолоб, запри арестованных в трюме! – распорядил-

ся правитель.

Стражники схватили пленных и потащили их к галеону.

– Бизань-дерезань! – заругался Ветрогон. – Посмотрите, как бурлит вода. Вы разбудили подводный вулкан. Сейчас все тут взлетит на воздух, а вы собираетесь запереть нас в тесноте. Да отсюда нужно дуть быстрее на всех ветрах!

Едва услышав это зловещее предостережение, разоруженные пираты переполошились и бросились по мостику с разоренной каравеллы на галеон. Беянку грубо оттолкнули, отчего она упала на палубу и расплакалась от злости.

– А своего дружка не боишься оставить? – сверкая коронкой, ухмыльнулся Гнилозуб Ветрогону.

– Его уже поздно искать, – опустил руки шкипер. – У него кончился воздух.

Услышав эти слова, Беянка сорвалась с места, перегнулась через борт и принялась громко кричать, перекрывая шум волн:

– Ти-хо-ня! Ты где? Покажись!

Но никто ей не отвечал.

– Эй, ваше высочорodie, или как вас там? – недовольно закричал боцман. – Команда уже переправилась. Медлить больше нельзя. Уплываем!

– Никуда я не поплыву! – заголосила Беянка. – Я буду ждать, сколько нужно. А вы все хоть пропадом пропадите!

– Генерал, обеспечьте доставку пленных! – сухо распорядился Гнилозуб. – А ты, красотка, утри слезки со своего ми-

лого носика и поднимайся ко мне. Твоего дружка нет в живых. Он сварился! Как вкусно, наверно, дракону! Он любит вареных крыс!

– Тихоня! – зарыдала Белянка, склоняясь над темной водой.

Твердолоб схватил ее подмышки и потащил на галеон. Девушка завизжала и начала отбиваться.

На каравелле царил беспорядок: ее собирались бросить, но перед этим с нее спустили снасти и утащили все ценное. Реи, такелаж, обрывки парусов валялись на палубе кучей бесформенного хлама.

В этот момент в морской глубине послышался раскат грома. Вода в темно-синей подводной дыре закружилась и образовала водоворот, подхвативший оба корабля и понесший их в разные стороны. Белянка отчаянно укусила Твердолоба за палец, отчего тот громко вскрикнул и выпустил ее.

Девушка бросилась от него по палубе. Твердолоб ринулся за ней, спотыкаясь о валяющиеся реи, но на пути у него встал Ветрогон с обломком весла в руках.

– А ну, стой, сушеная каракатица! – заорал он, замахиваясь веслом. – Оставь ее в покое, чтоб тебя кит проглотил, не жуя!

Огромный охранник надвинулся на него, но Ветрогон изо всех сил двинул его веслом по медной кирасе, отчего на ней образовалась глубокая вмятина. Твердолоб схватился за брюхо и отступил назад.

– Отставить сопротивление! – вращая глазами, выкрикнул охранник. – До вас что, до сих пор не дошло? Каравелла обречена. Водоворот утащит ее на глубину. Спаситься можно только на галеоне.

– Вали к своему Гнилозубу, и скажи ему, что этим веслом я выбью его золотую фикса! – заорал Ветрогон.

Водный поток уносил галеон прочь. Мостик соскользнул с борта каравеллы и принялся падать. На борту галеона Губошлеп ухватил его противоположный конец и попытался затащить на борт.

– Твердолоб, прыгай, пока не поздно! – закричал Гнилозуб.

Кирасир оглянулся, увидел отплывающий галеон, махнул на них лапой и крикнул:

– Да ну вас к морскому дьяволу! Идите на дно, если хотите. А мне терять шкуру без надобности устав не велит!

И разбежавшись, прыгнул через борт. Между каравеллой и галеоном было уже не меньше десяти крысиных ярдов. Тяжелая кираса со шлемом тянули охранника вниз, в бурлящий водоворот. Но ему все же удалось уцепиться за краешек мостика, который боцман с пиратами как раз втаскивал на борт.

– Что уставились, остолопы? Помогайте! – завизжал Гнилозуб стражникам, выпучившим глаза от растерянности.

Те бросились на помощь и все вместе затащили мостик с начальником на палубу. Даже оказавшись в безопасности,

Твердолоб не сумел отцепиться от досок – его когти так глубоко впились в дерево, что выдирать их пришлось клещами.

А корабли продолжало разносить в разные стороны.

– Потопить каравеллу! – приказал Гнилозуб канонирам.

Те подкатали пушки к бортам и принялись их заряжать.

Пираты, до которых никому не было дела, смотрели на них с вытянутыми лицами. Неожиданно Губошлеп завопил, указывая за борт:

– Посмотрите! Там шляпа нашего капитана!

В самом деле: водоворот вынес на поверхность фетровую треуголку с орлиным пером. Увидев ее, пираты заволновались и бросились отталкивать канониров от пушек.

– Что такое? Что за бунт? – обеспокоенно спросил Гнилозуб с высокого юта.

– Сударь, команда не может отплыть без своего капитана! – склонившись в притворном поклоне, яростно выкрикнул боцман.

– Вы уже не команда! – надменно заявил Гнилозуб. – Ваш корабль брошен. Теперь я – ваш капитан.

– Ошибаетесь, ваше высокородие! – со злобной решимостью возразил Губошлеп. – А ну, ребята, бей этих сухопутных мышей!

Пираты мгновенно набросились на охранников и завязали с ними отчаянный рукопашный бой. Оружия у них не осталось, но они ловко прыгали, цепляясь за корабельные снасти и падая на противника сверху. Тяжело вооруженные страж-

ники в медных кирасах оказались слишком неповоротливыми. Уже через несколько мгновений у них отняли неудобные на тесной палубе алебарды.

– Капитан за бортом! – закричал матрос в люльке, подвешенной на грот-мачте.

В самом деле: в набирающем силу водовороте показался прозрачный колпак Лихогляда. Сам капитан был изрядно потрепан. Камзол он давно сбросил, оставшись голым по пояс. Мокрая шерсть его слиплась комьями и мешала бороться с водой. Длинные щегольские усы обвисли и приняли жалкий вид. Он тянул лапу с растопыренными пальцами вверх, призывая на помощь.

Губошлеп сорвал со стенки каюты спасательный круг и стрелой бросился за борт. Он подплыл к капитану, ухватил его за загривок и начал буксировать к кораблю. С палубы ему скинули канат и затащили обоих на борт. Пираты в один голос разразились дружными воплями радости.

– Наш капитан и в огне не горит, и в воде не тонет! – кричал громче всех Губошлеп.

Но Лихогляду было в этот миг не до них. Он ошалело вращал глазами и шумно дышал, широко раскрыв рот. Его подняли на руки и понесли к кормовым каютам. Как раз в эту минуту водоворот проносил мимо «Лазурную мечту», потерявшую управление. Лихогляд взглянул на нее и горестно выкрикнул:

– Моя каравелла! Моя мечта! Неужели она гибнет?

И в этот миг он разглядел на его палубе Белянку, перегнувшуюся через борт.

– Капитан, где Тихоня? – отчаянно закричала она.

– Увы, мадмуазель! Он остался на дне, – печально выкрикнул в ответ Лихогляд. – Когда я поднимался, на него напал гигантский осьминог и потащил в бездну. Я своими глазами видел, как чудовище душило его присосками. Мне жаль, но больше вы его не увидите. Уплывайте! Спасайтесь, как можете!

Белянка упала на палубу и завывала от горя.

– Почему вы оставили этих двоих на каравелле? Они же погибнут! – выкрикнул Лихогляд, обращаясь к пиратам.

– Это их собственный выбор. Они отказались переходить на галеон, – ответил ему Губошлеп.

– Нет, я так просто не сдамся! – взревел Гнилозуб, которого бросили без присмотра среди всеобщего переполоха. – Твердолоб, вернуть контроль над кораблем! Стража, в атаку! Канониры, огонь!

Разоруженные стражники опомнились и набросились на пиратов. Канониры опять овладели пушками и принялись палить по каравелле, которую уносило течением. В воздухе засвистели ядра, раздался яростный звон схлестнувшихся клинков.

– Ах ты, вяленая селедка! – гневно завизжал на Гнилозуба пришедший в себя Лихогляд. – Это по твоей вине нам перестали качать воздух! Это ты бросил нас погибать на дне! Ну,

сейчас ты мне за все ответишь, предатель!

И он кинулся по лестнице на высокий ют, попутно отобрав саблю у стражника. Гнилозуб испуганно взвизгнул и полез спасаться на бизань-мачту.

– А ну, спускайся! Я тебя на куски порублю! – рассерженно закричал на него пиратский капитан, потрясая саблей.

– Господа, как хотите, но не время сейчас выяснять отношения! – подал голос боцман, с беспокойством вглядывающийся в бурлящую воду за бортом. – Нас затягивает в водоворот. Мы еще можем уплыть, если немедленно поднимем все паруса. А если нет – то сгинем все разом!

– Я никуда не уплыву, пока не потоплю каравеллу! – продолжал вопить вцепившийся в мачту Гнилозуб. – Канониры, огонь! Пали по всему, что шевелится!

Растерянные пушкари дали залп по каравелле. Раскаленные ядра ударили в ее деревянные борта, обшивка разлетелась на целую тучу осколков, уцелевшие весла переломились. Мачты маленького корабля уже давно стояли голыми, но обстрел еще больше усилил разруху.

Ветрогон схватился за голову и завопил:

– Что вы творите, пресноводные моллюски? Мы и так тут остались вдвоем. Что мы можем вам сделать? Прекратите, чтоб вас всех акула на завтрак схавала!

В самом деле, на каравелле давно уже никого не осталось, кроме Белянки и Ветрогона. Но пушкари по привычке продолжали выполнять приказы хозяина, и лишь усили-

вали огонь. Раз за разом раскаленные ядра вдребезги разбивали остатки снастей, лишая шкипера и альбиноску последней надежды на спасение.

Неожиданно из клокочущей воды выпросталось длинное сизое щупальце с мертвенно-бледными присосками. Вслед за щупальцем из пенистых бурунов показалась ужасная пучеглазая морда, торчащая, казалось, прямо из живота. Челюсти, похожие на клюв хищной птицы, были распахнуты, отчего становилось не по себе.

– Морское чудовище! – завизжал боцман. – Сматываем удочки! Живее!

– Нет! Продолжать огонь! – вопил залезший на мачту Гнилозуб.

– Вы совсем одурели! Что вам еще нужно? Чтобы нас живьем сожрали? – в панике заорал Губошлеп.

На этот раз боцмана послушали и пираты, и стражники. Все вместе кинулись поднимать паруса. Канониры прекратили огонь и бросили пушки. Лихогляд встал за штурвал и принялся отчаянно вращать его колесо, пытаясь вырулить из стремнины. Галеон накренился и начал ложиться на борт. Все, кто был на палубе, похватались за мачты и снасти.

Солнце исчезло, небо покрылось пасмурной пеленой туч. Порывы яростного ветра раздули паруса и понесли галеон прочь от этого гиблого места. Уже через несколько минут Глубоководье осталось далеко за его кормой.

Лихогляд обернулся. В поднимающихся волнах мелькал

силуэт каравеллы. На ее палубе носились две одиноких фигурки – одна белая, как облако в ясную погоду, вторая черная, как жесткая шкура тюленя.

– Ну, ребята, не держите на меня зла! – пробормотал капитан. – Я сделал, что мог.

И он заложил вираж, пытаясь увести галеон подальше от бушующего шторма.

– Лампедуза-медуза! Этого нам только не хватало! – схватился за голову Ветрогон, увидев мешок жестких мускулов с парой щупальцев, плещущихся на волнах.

Однако Белянка отреагировала на появление чудовища так, как мореход и представить себе не мог. Она завизжала от ярости, схватила тяжелый абордажный багор с острым наконечником и изо всех сил запустила им в разинутую пасть.

– Где Тихоня? – заорала она вслед багру. – Что ты сделала с ним, задница с щупальцами?

Багор плюхнулся в воду, не долетев пары ярдов.

– Ой, что это у него? – тонким голоском пискнула девушка.

Из-под брюха чудовища выплыл синий шейный платок из тонкого шелка.

– Это мой платок! – обернувшись к Ветрогону, пролепетала Белянка. – Я сама повязала его на шею Тихоне.

Она впилась ладонями в бортик, ее пальцы побелели от напряжения.

– Жаль, у нас нет пушки, – взглядываясь вдаль, произнес шкипер. – Я разнес бы эту тварь в клочья.

– Я сама ее разнесу! – снова пришла в ярость Белянка.

Она схватила алебарду, оставленную Твердолобом, и ловко метнула ее в осьминога. На этот раз ей удалось попасть. острое угодило прямо в разинутую пасть и прошило ее насквозь. Однако чудовище даже не шелохнулось, как будто ему было все равно.

– Как-то странно оно себя ведет, – заметил Ветрогон.

И в этот же миг головобрюхий сгусток мускулов выскочил из воды и отлетел в сторону. На его месте показался торчащий как поплавок подводный колпак, а рядом с ним – рваное серое ухо.

– Тихоня! – прошептала Белянка.

Вслед за ухом из воды показался высокий лоб со свалывшимися комьями серебристой шерсти. Острый нос высунулся на поверхность и начал с шумом втягивать воздух.

– Лови конец! – заорал Ветрогон, бросая канат.

Белянка не верила своим глазам. Чудовище не шевелилось, а вот рядом с плавающим колпаком на пенистом гребне волны возникла перекошенная физиономия Тихоскока, который отчаянно шевелил усами, как крот, впервые выбравшийся на дневной свет.

– Тихоня, ты жив? – завизжала она.

Тихоскок помахал ей ладонью. Побарахтавшись, он ухватился за канат и начал грести к кораблю. Щупальца осьмино-

га раскачивались на волнах и вздымались при каждом подъеме, отчего казалось, что тварь пробудилась и шевелит ими. Одно из щупалец потянулось к Тихоне.

– Осторожно! – выкрикнула Белянка. – Оно к тебе тянется!

– Ну уж нет! – ответил ей Тихоскок, выныривая и отплываваясь. – Оно уже ни до кого не дотянется. Дракон откусил ему половину брюха.

– Он напал на тебя? – Белянка прикрыла ладонями глаза от страха.

– Скорее, на осьминога, – ответил Тихоня. – Эта добыча для него поважнее, чем мелкая крыса. Дракон так смачно хрустел челюстями, что у меня самого аппетит разыгрался. И сделал он это в самый удачный миг – как раз тогда, когда я шел ко дну.

Ветрогон вытащил канат на палубу и сказал:

– Ты, помнится, спрашивала, что значит «травить конец». Вот, смотри и учись.

Тихоскок плюхнулся на палубу и сел на задок, широко расставив в стороны лапы. Белянка бросилась к нему, обхватила его руками и затряслась, уткнувшись носом в его грудь.

– Я как увидела плывущий платок, так сама не своя стала! – пожаловалась она.

– Твой подарок всегда со мной, – улыбнулся Тихоня и разжал лапу.

Синий платок выскользнул из его ладони и упал на палу-

бу. Белянка подхватила его, вытряхнула воду и повязала ему на шею, приговаривая:

– Вот, носи и больше не теряй!

– Главное, сам не теряйся, – добавил Ветрогон. – И давай поднимайся. Нам до спасения еще далеко. Начинается буря, а мы без снастей.

Тихоскок поднялся, обнял Белянку и крепко прижал ее.

– Ребята, вы вот что... – смущенно проговорил Ветрогон. – Вы на меня не сердитесь за это... за то, что я сделал там, под водой.

– Ладно. В конце концов, у тебя все вышло, как надо, – сказал Тихоскок.

– Ой, а что это у тебя? – выпалила Белянка, ощупывая его шерсть. – Серебряный волосок! А вот и еще один! Ты что, поседел?

– Да нет! Быть не может. С чего это? Ты ошиблась, – смущенно проговорил Тихоскок, оглядывая свою шкурку. – Это так капли в грозových бликах играют.

Он заглянул за борт. Морская вода бурлила, как будто ее вскипятили. Время от времени из ее мрачных глубин раздавался глухой рокот, и тогда каравеллу поднимало на волнах, несло и бросало вниз. От этих скачков перехватывало дух, а сердце замирало и уходило в пятки. Белянка попискивала от испуга, но в конце концов умолкла и только вцепилась изо всех сил в грот-мачту. Ветрогон, сломя голову, носился по палубе и тянул за канаты, пытаясь управлять обрывками па-

русами.

Неожиданно Тихоскок услышал гулкий раскат подводного грохота, который показался ему особенно зловещим.

– Тихоня, волна! – завизжала Белянка.

Он обернулся. В ста ярдах за кормой показался огромный девятый вал, который догонял их быстрее, чем ветер. Он был высоким, как башня цитадели. На его гребне пенились буруны, которые грозили обрушиться и разбить в щепки корабль, казавшийся совсем крошечным по сравнению с этой громадой.

– На этот раз нам не устоять, – устало проговорил Ветрогон. – За свою жизнь я видел много штормов, но такой волны не бывало даже в легендах. Прощайте, друзья! Я рад, что в эту последнюю минуты вы вместе со мной!

Волна неслась к ним, теперь ее отделяло от корабля не более полусотни ярдов. Белянка с надеждой взглянула на Тихоскока, но увидела, что он стоит в растерянности посреди палубы и остановившимся взглядом рассматривает пенную громаду. Альбиноска зажмурилась и спрятала нос между сжатых ладоней. Тихоскок взглянул на нее. Его вдруг пронзила мысль, что через несколько мгновений он потеряет ее навсегда, и ничего не останется от ее ласкового взгляда, от прикосновения ее ладоней, и от той нежной привязанности, которую он чувствовал к ней.

– Ну нет, мы так просто не сдадимся! Ветрогон, помогай мне! – закричал он.

Тихоня бросился к бизань-мачте, у подножия которой трепыхался спущенный косой парус. Рядом валялись большие и малые реи, обрывки канатов и куча ненужных снастей, от которых опытный Ветрогон поспешил избавиться перед началом шторма.

– Мне нужны самые легкие реи! – уверенно заявил Тихоскок.

– Зачем? Лучше хватайся за мачту, и встречай последнюю волну в своей жизни! – хриплым голосом откликнулся шкипер.

– На моей улице пацаны запускали летучего змея. Я сделаю такого же, только большого! – сказал Тихоскок.

Ветрогон мигом оправился от ступора и бросился ему помогать. Он поднес две самые легкие реи – одну длинную, а другую короткую, и положил их одна на другую, крест-накрест. Тихоскок тут же скрутил их канатом и сцепил в крепкую крестовину. Плетеный трос он привязал к четырем концам рей, создав легкий, но прочный каркас, на который Белянка принялась натягивать косой парус с бизани. Края паруса она завернула, обмотав ими трос, и быстро прошла в нескольких местах леской, чтобы они лучше держались. Тихоскок выхватил шпагу и натыкал дырок в полотне, чтобы ей проще было продевать в них леску. Получилось воздушное крыло в виде ромба.

Тихоскок потянул его за конец, привязанный к крестовине, и поднял в воздух. Однако сооруженная им конструкция

не хотела держаться ровно и рыскала из стороны в сторону. Порывы ветра бросали ее то вправо, то влево.

– Быстрее! Нас сейчас захлестнет! – вскричал Ветрогон.

Тихоскок сжал голову руками – он не знал, как исправить ситуацию.

– У каждого змея бывает хвост, – слабым голосом сказала Белянка.

– Да! Хвост! Как же я не догадался! – хлопнул Тихоскок себя по лбу. – Ветрогон, быстро привязывай трос к нижней рее! И подвесь к нему какую-нибудь корзинку или мешок!

Ветрогона не нужно было просить дважды. Он мигом прицепил к концу самой длинной реи трос, другой конец которого привязал к просторному холщовому мешку для зерна. Змей резво взмыл в воздух и завис над палубой. Он держался ровно, без рывков и скачков. Ветер раздувал косою парус, превратившийся в сплошное крыло.

– Бизань-дерезань! – удивленно выкрикнул Ветрогон. – Он держится в воздухе! Он летит! Да это просто ветролет какой-то!

Волна была уже в десяти ярдах за кормой. Пенные буруны на ее гребне нависли над ютом, как гигантская длань, приготовившаяся схватить мелкую рыбу.

– Лезьте в мешок! Быстрее, быстрее! – завопил Тихоскок.

Он первым прыгнул в холстину, болтающуюся на тросе. Белянка не решалась сдвинуться с места – она только смотрела на эту рвущуюся ввысь конструкцию глазами, расши-

ренными от ужаса. Тихоскок подхватил ее на руки и затащил внутрь. Ветрогон подтолкнул ее снизу и быстро заскочил сам.

– Режь канат! – заорал Тихоскок.

Ветрогон принялся кромсать кортиком канат, которым воздушный змей был привязан к мачте. И тут на корабль обрушился мощный удар. Волна наконец догнала и захлестнула его. И в этот же самый миг натянутый до предела канат лопнул, и летучий змей резко взмыл в воздух.

Тихоскока бросило на самое дно глубокого мешка. Он нырнул в темноту и ударился носом о спину Белянки, а задней лапой угодил Ветрогону в брюхо. Шпага на его боку согнулась и упруго пружинила. Все трое сплелись в клубок и принялись беспомощно барахтаться. Ветрогон первым выбрался из этой толкотни, уцепился за край мешка и высунул нос наружу.

– Зуб дракона мне в хвост, вот это высота! – с удивлением сказал он.

Тихоскок подтянулся на лапах за ним. Ветер поднял воздушного змея высоко над морем. Их несло в сторону суши, которая виднелась вдали. Темное грозовое небо над их головами грозило разразиться ливнем, а далеко внизу, в пенистых бурунах, виднелись обломки разбитой вдребезги каравеллы с разодранными лазурными парусами.

– Мы едва унеслись! – облегченно проговорила Белянка, подтягиваясь и высовывая нос вслед за ними.

– Погоди, до спасения еще далеко! – предостерег ее Ветрогон. – Ветер бросает нас, как пушинку. Как бы он не разбил нас о скалы!

Белянка снова взглянула на Тихоскока. Тот вцепился в веревку, закрепленную у змея на крестовине, и потянул ее. Парус выровнялся и перестал вихляться.

– Кажется, им можно управлять! – проговорил Тихоскок. – Но я этому не учился! Так что заранее извиняюсь за тряску!

Решительно настроенная толпа студентов во главе с профессором Гладкошерстом подошла к зданию ратуши. Твердолоб вышел ей навстречу, сверкая медной кирасой, и велел страже направить на студентов пушку, специально расположенную рядом со входом. Однако студенты не испугались и принялись ругаться с начальником охраны. К ним присоединились многочисленные горожане, торговавшие на рыночной площади.

– Почему зерно в город не пропускают? – возмущенно закричал Шишкобор, бросивший лямки своей тележки.

– Отчего все подорожало? – присоединились к нему хозяйки, пришедшие за продуктами.

– Куда ты дел бургомистра? – кричали другие. – Мы его выбирали, а за тебя никто не голосовал!

Гнилозуб выглянул в распахнутое окно. Рыночная площадь расстилалась перед ним, как на ладони. На ее каменной

мостовой, среди торговых лотков и прилавков, было полно народу, и все возмущенно гомонили и грозили охране кулаками.

Увидев, как сверкнула в окне золотая коронка на зубе магистра, народ возмутился и издал такой возглас негодования, что у Гнилозуба подогнулись задние лапы. Он отпрянул от подоконника и спрятался за вертящимся глобусом. На лбу его выступил пот.

В высокое окно было видно, как плотная толпа мастеровых и торговцев осаждает здание караулки и выпускает из ее подвала отощавшего бургомистра и членов городского совета, за время заключения растерявших свой великосветский лоск. Серобок оттолкнул Шишкобора, поддерживающего его под локотки, и начал отросшим когтем грозить в сторону ратуши. Гнилозуб понял, что свергнутый бургомистр ищет глазами свой бывший кабинет. Он попытался задернуть штору, но она, как назло, зацепилась за гардину, и ему пришлось подпрыгнуть, чтобы поддеть ее.

Увидев в своем окне прыгающую толстобрюхую фигуру, Серобок пришел в ярость и на всю площадь закричал:

– Ах, вот ты где! Выметайся из моего кабинета, гнилой узурпатор!

Гнилозуб пришел в полную панику и бросился в двери. Он бежал по коридорам ратуши, забранным стеклами с цветной мозаикой, изображавшей подвиги древних рыцарей и картины сельских работ.

Над городом собирались темные грозовые тучи, солнце ушло за них и померкло, отчего стало сумрачно, как поздним вечером. Длинные коридоры сделались мрачными, но лучи тусклого света все же пробивались сквозь разноцветные стекла и бросали на бурую шерсть Гнилозуба синие, красные и желтые отблески.

Он добежал до лестницы, ведущей с чердака вниз, но внизу были мятежники, и он пополз вверх. С чердака магистр перебрался на крышу, его туфли с узорными пряжками гулко застучали по черепице. Он поскользнулся и едва не скатился вниз, но тут же вскочил и бросился на соседние крыши, соединенные друг с другом арками и мостками. Дома в цитадели стояли так близко друг от друга, что их верхние этажи соединялись надстройками, нависавшими над узкими улицами.

В небесах раздался раскат грома. Сверкнула молния. На фоне вспышки его фигура ярко высветилась на высоте. Глазастый Барабаш заметил его и завопил:

– Смотрите, магистр сбежал! Вон он несется по крышам!

Студенты заверещали и бросились за ним. В мгновение ока они забрались на окрестные крыши и застучали по ним башмаками. Верховный Деспот что было духу бросился дальше и оказался на вершине Парадной арки, нависавшей над Рыночной площадью.

Парадная арка тянулась к небу полукруглым горбом, на

котором высились мраморные статуи Восьми Мудрых Крыс. На этих статуях Мудрые были изображены во время эпических подвигов, которые они совершили в незапамятные времена. Крысолап расправлялся с огромной химерой, имевшей тело тигра, хвост ящерицы и пасть крокодила. Крысоматерь завораживала огромного великана, вставшего перед ней на дыбы. Мастер-Крыс ковал первый в мире меч, а Земледел впервые в истории пахал ячменное поле. Статуи выглядели массивными и производили подавляющее впечатление на горожан, смотревших на них снизу, с мостовой. Под их тяжелыми взглядами простонародье ощущало себя мелким и беспомощным.

Под аркой тянулся длинный туннель, через который главная улица выходила на Рыночную площадь. Из этого туннеля во время праздников появлялись ряды вооруженной стражи, шагавшей парадным строем перед бургомистром и членами городского совета.

Мраморные чудовища, боровшиеся с Мудрецами, выглядели, как живые. Горожане побаивались их и считали верхушку Арки недобрым местом, которое лучше обходить стороной.

Гнилозуб добежал до ее середины и принялся голосить:
– Твердолоб! Помоги мне! Пришли сюда охрану!

Но он оказался так высоко, что начальник стражи не мог слышать его. А студенты уже рыскали по окрестным крышам, пытаясь понять, куда делся всем ненавистный олигарх.

– Вон он! Прячется за химерой! – заорал Барабаш, тыча в него коготком.

Толпа студентов загомонила и бросилась в его сторону. Магистр в панике побежал от них прочь, но увидел, что с другой стороны арки к нему поднимается бургомистр Серобок, и вид его не сулит ничего доброго.

Гнилозуб вскарабкался на спину тигровой химеры и отчаянно завопил:

– Не смейте меня трогать!

И в этот миг землю под городом ощутимо трянуло. Дома покачнулись, кое-где стены и участки крыш с грохотом обрушились на мостовую. Пожилой профессор, в силу возраста оставшийся на площади у фонтана, крикнул:

– Землетрясение! Срочно спускайтесь вниз!

Однако студенты не желали упускать магистра и продолжали на него надвигаться. Землетрясение не прекращалось: подземные толчки следовали один за другим, вызывая все новые и новые разрушения.

– Мы все же достанем тебя! – прорычал Барабаш, залезая на подножие статуи и пытаясь ухватить магистра за завязки на его коротких штанах.

– Нет, ты меня не достанешь! – с ледяным спокойствием возразил ему Гнилозуб. – Взгляни в сторону моря, за городские стены!

Барабаш повернул голову. Со стороны моря на город надвигалась огромная волна. Она была выше стен, выше башен

и даже выше шпиля от ратуши. Буруны на ее гребне зловеще сверкали в свете молний, которыми полыхало поднебесье.

Студент замер от изумления и раскрыл рот.

– Что там? – закричали товарищи.

– Что случилось? – с беспокойством выкрикнул бургомистр.

– Что ты видишь? – пискнул с площади Гладкошерст, протирая очки.

– Цунами! – прошептал Барабаш. – Я такого в жизни не видел! Оно смоев весь город! Ни одно здание не устоит! Спасайтесь!

И он первым бросился удирать, забыв о своем враге.

Огромная волна нахлынула на крысиный город. Ее не могли задержать ни крепостные стены, ни земляные валы. Вода обрушилась мощным ударом на дома и соборы, смела ветхие хижины, подняла и закрутила прилавки, ларьки и тележки. Мутные потоки понеслись по узким улицам и выплеснулись на площадь. Фонтан испуганно перестал брызгать струями, и тут же его поглотила пучина, залив все по самую статую крысы, сжимающей в лапах книгу.

Горожане бросились спасаться на верхние этажи зданий, но вода преследовала их и не отставала до тех пор, пока они не взобрались на крыши. Только там, на самой большой высоте, у них выдалась минутка, чтобы передохнуть.

Улицы превратились в каналы, площадь – в озеро. Повсю-

ду плавали обломки мебели и бревенчатых мостков, обрывки одежды и разбитая деревянная посуда.

Волна смыла остов нового корабля, строящегося на судовой верфи, перенесла его через стену цитадели и водрузила на купол храма Восьми Мудрых Крыс, стоявший на площади справа от ратуши.

Лихогляд сорвал с головы фетровую шляпу с пером и заголосил:

– Мой особняк! От него ничего не останется!

Водоворот закрутился вокруг столба с памятником Крысе Разумной, подхватил одиноко стоящего Гладкошерста и накрыл его с головой. Струя сорвала с его носа очки в тонкой позолоченной оправе и швырнула их на медное изваяние. Стекло жалобно звякнуло о табличку с надписью «*Rattus Sapiens*» и треснуло.

Толпа студентов на миг замерла без движения, и тут же Барабаш выпалил:

– Спасаем профессора!

И все в один дух ринулись вниз, где бурлил мутный водоворот.

До вершины Парадной Арки вода не доставала. Из грязного потока виднелся ее горб с тяжелыми статуями, перекосившимися от землетрясения. В стороне, ближе к ратуше, из пенных бурунов торчал памятник Крысе Разумной. Далее виднелись затопленные крыши домов, на которых жа-

лись друг к другу мокрые горожане, а за крышами поднимались каменные башни и стены цитадели, зубцы которых не хотели сдаваться потопу.

Гнилозуб вскарабкался на огромную ладонь Крысолапа, разрывающего пасть химере, и торжествующе закричал:

– Что, съели? Это я разбудил морского дракона! Либо город будет подчиняться мне, либо на его месте останется поганая лужа!

И тут же земля под ногами опять содрогнулась. Из переборок арки посыпались пыль и щебень. Тяжелые мраморные статуи треснули и перекошились. Казалось, что они вот-вот завалятся набок: у статуи Крысы-Воительницы из рук выпал огненный факел, с грохотом ударился о постамент и раскололся на части, которые тут же погрузились в бурлящую пучину.

Но Гнилозуба это не остановило. Он вскочил на задние лапы, поднялся повыше на цыпочки, чтобы его лучше было видно, и заорал во всю глотку, обращаясь к уцелевшим горожанам, облепившим окрестные крыши:

– Мой дракон – ваша смерть!

– Что ты делаешь? Ты совсем из ума выжил! – попытался образумить его бургомистр. – Спускайся немедленно! Еще есть шанс уцелеть!

Но Гнилозуб только дико расхохотался, оскалив свою золотую коронку. Серобок подпрыгнул и ухватил его за завязку на коротких штанах. Магистр затряс ногой, стараясь от-

делаться от него, и распустил узел, на который завязка была затянута. Бургомистр рухнул вниз, на каменное подножие изваяния. Выскочившая из петель завязка осталась у него в руках. Пробормотав: «Эх, видно, тебя уже не исправишь!», Серобок кинулся прочь – к ватаге студентов, которые разобрали багры и тянули их к стремнине, выуживая утопающих.

Гнилозуб гордо поднял свой нос. В этот миг он был выше всех. Рыночная площадь, превратившаяся в бурлящее озеро, простиралась у него под ногами. И тут его по носу что-то хлопнуло. Удар свалился на него оттуда, откуда он ждал меньше всего – сверху, из поднебесья. Магистр удивленно принялся тарашиться вверх.

И тут же увидел, как под темными грозовыми тучами, среди раскатов грома и полыхающих молний, мчится невиданное летающее крыло с длинным канатным хвостом, на который подвешен увесистый шевелящийся мешок. Ветер нещадно трепыхал крыло и бросал его во все стороны, так что мешок покачнулся и снова заехал магистру по голове.

Опешивший Гнилозуб сорвался со статуи и только в последний миг уцепился когтями за зуб химеры. Внизу, за краем рушащейся арки, бурлила мутная пена потопа. Магистр отчаянно попытался поднять свою тяжелую тушу, но вес его был слишком велик, а силы слабы. Порывы ветра принялись раскачивать его самого. Покачавшись немного, он кое-как выкарабкался на спину химеры, но тут же осторожно спустился вниз и за спинами студентов, занятых спасением то-

нуших, прокрался в ратушу – одного из немногих зданий, верхние этажи которого оказались выше потопа.

А ветер тем временем понес летающее крыло, сшитое из косо́го паруса, в сторону памятника Крысе Разумной. Болтающийся хвост зацепился за ее вздетый вверх коготь, отчего крыло резко дернулось и рухнуло вниз. Тяжелый мешок на его хвосте булькнул в воду. Из него тотчас же выбрались Ветрогон, Белянка и Тихоскок, и принялись отчаянно барахтаться, пытаясь удержаться в водовороте. Навстречу им течение понесло тело пожилой крысы в академической мантии.

– Это профессор! – воскликнул Тихоскок. – Держитесь, я попытаюсь его ухватить!

Белянка не могла ему ответить – она едва держалась на плаву, и лишь ее острый нос еще торчал на поверхности. Ветрогон изо всех сил греб лапами, но и ему лишь с трудом удалось бороться с потоком.

Тихоскок поймал массивную деревянную дверь, которую с петлями вырвало из входа в таверну, вскарабкался на нее, и втащил следом друзей. Втроем они кое-как выудили из воды тело профессора Гладкошерста, который плыл, закрыв глаза, и не подавая признаков жизни. Край двери наклонился и начал тонуть – он не выдерживал веса четырех пассажиров.

Но в этот момент к ним подплыла лодка, в которой сидели Барабаш с Яской. Они зацепили дверь багром, подтащили к лодке и помогли всем перелезть через борт. Дальше всех пришлось провозиться с неподвижным профессором, но и

его удалось заволочь внутрь. Оказавшись на днище лодки, Гладкошерст раскрыл глаза, удивленно повел носом и спросил:

– А где мои очки? Кажется, я их потерял...

Глава 12. Большой потоп

Едва Гнилозуб вернулся в свой кабинет, как набросился с руганью на Твердолоба.

– Ты почему не прислал мне охрану? – орал магистр на кирасира, вытянувшегося в струнку. – Я был на волосок от смерти. А командир моей гвардии и пальцем не пошевелил!

Твердолоб попытался стать незаметным и спрятался за вращающийся глобус.

– Виноват, ваше высокородие, – пролепетал он. – Я не мог лицезреть, что вы изволите пребывать в стрессе.

– В каком еще стрессе? – яростно заорал Гнилозуб, крутанув глобус, за которым прятался кирасир. – Меня чуть живьем не съели! Не забывай, что мятежники и тебя не пощадят, если возьмут верх. Так что тащи пушку и пали по всему, что шевелится.

– Не извольте беспокоиться, – забормотал Твердолоб, выглядывая из-за глобуса. – Сделаю все в наилучшем виде. Вот только пушечка у нас, как бы это сказать, отсырела. Боюсь, что со дна ее уже не достать.

– Делай, что хочешь – но чтобы пушка была на крыше! – резко велел Гнилозуб.

Твердолоб решил не искушать судьбу и бросился выполнять его приказ.

Пушка и в самом деле осталась на крыльце, затопленном наводнением. Однако охранники проявили смекалку. Твердолоб лично нырнул, сняв кирасу, на дно, и обвязал чугунный ствол веревками, после чего ее удалось поднять и затащить на крышу ратуши.

На одной из соседних крыш пританцовывал, пытаясь согреться, Шишкобор. Вода ручьем стекала с его коричневой шерсти. Он вытянул шею, посмотрел в сторону ратуши и воскликнул:

– Посмотрите, в такой момент они не народ спасают, а тащат из воды пушку! В кого они собрались палить? В нас?

Его соседи возмущенно загомонили. Толпа начала перескакивать на каменные прясла цитадели и по ним бежать в сторону ратуши. Твердолоб недовольно пошевелил усами и скомандовал:

– Заряжай!

Орудийный расчет тотчас принялся забивать в чугунное жерло порох и ядро. Между ним и Шишкобором виднелись две башни, соединенные крепостной стеной. Торговец уже успел добежать до первой, когда Твердолоб сам схватил в руки запал и попытался запалить фитиль. Однако порох отсырел и не загорелся.

– Смотрите, он хотел в меня пальнуть! – заверещал Шишкобор и рванулся вперед.

Горожане заулюлюкали и бросились за ним. Они миновали первую башню и добежали до середины второго прясла,

когда орудийный расчет успел перезарядить пушку и попытался выстрелить еще раз. Но и на этот раз вместо шума и грохота от сырого пороха поднялось только облачко сизого дыма.

– Скорее, а не то они и в самом деле пустят ядро! – закричал Шишкобор и повел народ на приступ.

Горожане похватали обломки мебели и деревянных мостков, которые носила вода. Некоторые вооружились баграми и ломami. Возмущенная толпа нарастала и насчитывала уже несколько десятков. В нее затесались не только мужики, но и бабы, и особо отчаянные сорванцы.

– Сухого пороха, остолопы! – заревел Твердолоб на своих подчиненных. – Чему вас только учили?

Двое стражников тотчас умчались в ратушу, верхние этажи которой высились над водой. Вскоре они показались с тяжелым мешком свежего порохового зелья. Их товарищи суетливо принялись пихать его в жерло, а следом закатывать шомполом чугунное ядро.

Шишкобор с товарищами уже миновал последнюю башню и вступил на навесную галерею, соединяющую крепостную стену со зданием ратуши. И в этот миг Твердолоб командовал:

– Пли!

Сверкнула яркая вспышка, раздался оглушительный раскат грома, но на этот раз это была не гроза. Пушка выплюнула из себя раскаленное ядро, которое плюхнулось на хлип-

кую галерею и проломило в ней дыру прямо перед носом у Шишкобора. Горожане у него за спиной остановились и пятились назад.

– Сейчас мы разгоним эту чернь! – заявил Твердолоб, для уверенности стукнув себя кулаком по медной кирасе. – А ну, заряжай еще раз!

Горожане поняли, что стража не шутит, и ринулись спасаться.

– Эй, куда вы? – растерянно выкрикнул Шишкобор. – Еще чуть-чуть, и мы бы их взяли!

Однако жерло пушки смотрело уже ему в грудь. Он пригнул голову, и на согнутых лапах бросился наутек.

Тихоскок не отходил от очнувшегося профессора.

– Ему нужно дать нюхательной соли, – посоветовала Белянка.

– Где же ее достать посреди этого потопа? – посетовал Тихоскок.

– Может, в ратуше еще есть? – сказала Белянка. – Побегу, посмотрю!

– Стой! Туда сейчас нельзя! – обеспокоенно выкрикнул Тихоскок, но девушка даже не думала его слушать.

Она ловко начала перескакивать с крыши на крышу, и вскоре ее пестрая косынка замелькала у Часовой башни, возвышающейся над ратушей.

Гнилозуб выглянул из окна, увидел знакомую белую

шерстку, и завопил:

– Твердолоб! Это моя беглянка! Хватай, пока она здесь!

– Нам сейчас не до девок, ваше высокородие, – недовольно возразил ему начальник охраны.

– Молчать! – задохнулся от гнева магистр. – Исполняй мой приказ! Схватить ее и запереть в колокольне под шпилем!

Твердолоб поправил сползший со лба медный шлем, подкрутил ус и нехотя поперся исполнять повеленье хозяина.

Белянка сама забралась в потемневший коридор ратуши. Старинное каменное здание было затоплено по самый верхний этаж. Брести по коридорам приходилось по колено в холодной воде, которая хлюпала и затрудняла движение. Но Белянка хорошо знала, где хранятся припасы, и сразу полезла на чердак, под потолком которого развешивали сушеные травы и снадобья. Тут и застал ее Твердолоб.

Он хищно схватил ее за край тонкой блузки и дернул на себя. Девушка удивленно оглянулась, увидела торчащие из-под медного шлема усы, и испуганно рванулась прочь. Однако он держал ее крепко.

– Тихоня, я попалась! – тоненьким голоском пропищала она.

– Пойдем со мной, – ласковым басом проговорил стражник. – Ты ведь хорошая девочка? Если не будешь рыпаться, то я тебе ничего не сделаю.

– Ти-хо-ня-я-я! – в панике завизжала девушка.

Твердолоб захохотал, грубо сгреб ее в охапку и потащил в башню.

Часовая башня над ратушей была самым высоким сооружением в городе. Она уносилась в небо на сто крысиных ярдов. У основания башня была квадратной, и оканчивалась широкой площадкой, по краям которой тянулся балкон с резными перилами. Однако сверху к этой площадке была пристроена еще более высокая башенка, на этот раз из восьми углов. На вершине ее двигали стрелками часы, хорошо видные из любой точки города, а еще выше была устроена звонница с большим колоколом.

Твердолоб долго пыхтел, прежде чем затащил Белянку на такую высоту. Из-под его медного шлема ручьем стекал пот, но он не останавливался до тех пор, пока не привязал альбиноску к железным кольцам, вмурованным в стену.

Белянка заглянула в открытый проем колокольни и зазмурилась: высота казалась головокружительной. Из-за спины Твердолоба возник Гнилозуб, криво ухмыльнулся, и велел охраннику:

– Ступай, ты мне больше не нужен.

– Ой, только не это! – заверещала Белянка. – Я не хочу оставаться с ним наедине!

– Мы не наедине! – улыбаясь, заверил ее Гнилозуб. – Нас сейчас видит весь город.

Белянка попыталась высвободить руки из пут, но Гнилозуб защелкнул на ее запястьях замки железных оков, еще

крепче сковав ее.

– Зачем ты пыталась удрать от меня? – хищно скалясь, спросил он. – В моем гареме тебе было бы хорошо. В него мечтают попасть лучшие красавицы города. У них персональные норы с современными апартаментами. На обед, завтрак и ужин им дают заморские фрукты. Никто не живет так сладко, как мои жены!

– Не хочу я в гарем! – выкрикнула Белянка.

– А чего ты хочешь? – сверкнул коронкой Гнилозуб, нависая над ней.

– Я хочу, чтоб ты сдох! – завизжала Белянка.

– Это твой дружок сдохнет! – задохнулся от злости магистр. – Я прикажу скормить его морскому дракону.

– Тихоня тебя убьет! – заверещала девушка.

Магистр сверкнул коронкой и издевательски расхохотался.

– Для этого ему сначала придется выбраться из потопа, – сказал он. – Затем преодолеть стражу, которая начнет палить из пушек. Если он уцелеет, то его размажет по стене Твердолоб, алебарда которого крошила головы самых сильных врагов. Ну а если он все же пройдет и его – то для этого случая приготовлен особый сюрприз.

Магистр раскидал солому, набросанную под ногами. В полу перед стеной, к которой оказалась прикованной Белянка, скрывался потайной лаз. Гнилозуб откинул его крышку и застелил дыру прозрачной марлей, поверх которой снова на-

кидал соломы так, что проем скрылся из виду. Обойти колокол, не угодив в дыру ногой, было трудно.

– Снизу устроен деревянный откос, – злорадно сказал Гнилозуб. – Если провалишься, то попадешь не на нижний этаж, а выкатись за окно. Когда твой сумасбродный приятель придет за тобой – то провалится в эту ловушку!

Он самодовольно расхохотался и начал спускаться по лестнице вниз. Беянка попыталась выдернуть руки из железных кандалов, прикованных к крючьям в стене, но те держались крепко и не выпускали ее.

Тогда она вытянулась вперед так сильно, как только могла, и достала носом до висящего колокола. Тот слегка покачнулся, но его тяжелый язык остался на месте. Беянка сделала еще попытку, и на этот раз качнула колокол еще сильнее, но и тут он не издал ни звука. И только на третий раз ей удалось раскачать колокол так, что его край стукнулся о язык и издал мелодичный звон, поплывший над затопленной площадью.

Профессор Гладкошерст уже пришел в себя. Студенты сустились вокруг него. Неожиданно в уши им ударил звук колокола, несущийся с Часовой башни.

– Смотрите, там кто-то прикован к стене! – удивленно проговорил профессор, глядя ввысь. – Не разберу, кто это. Кто-то в желтой блузке и зеленой юбочке!

Колокол снова ударил, и на этот раз его звон прозвучал еще тревожнее. Тихоскок поднял голову и воскликнул:

– Белянка! Как она там оказалась?

Он выхватил шпагу и бросился к башне. Попасть в башню можно было через узкую дверцу, однако прямо перед ней орудийный расчет все еще продолжал пугать ядрами оставших горожан. Медной кирасы Твердолоба поблизости не было – благоразумный начальник предпочел руководить схваткой из защищенного здания. Зато Ветрогон был уже тут как ту – он наседа на канониров и истошно вопил Шишкобору:

– Не давай им зарядить пушку! Отбирай у них порох!

Тихоскок налетел, как вихрь, на кряжистого охранника, подтаскивающего тяжелое ядро. Зеленый камень Блиставицы сверкнул в грозových раскатах, а стальной клинок принялся выписывать лихие завитки перед мясистым носом противника.

– Только не убивай их! – тревожно выкрикнул Ветрогон.

Тихоскок резко осекся и поднял конец шпаги кверху, чтобы никого не задеть. Однако его появление наделало такой переполох, что большего и не требовалось. Испуганный охранник выронил ядро, которое с глухим стуком обрушилось на его лапу, заверещал от боли и принялся пританцовывать. Остальные бросились разбежаться.

– Мы победили! – восторженно закричал Шишкобор.

Барабаш с Яской кинулись обниматься. Однако Тихоня не стал задерживаться рядом с ними. Он ворвался в Часовую башню и бросился вверх по ступеням винтовой лестницы.

Он все еще кипел от ярости.

В другое время он вспомнил бы, что впереди поджидает великан Твердолоб в медной кирасе, да и голова при взгляде вниз с такой высоты начинает кружиться до тошноты. Но теперь он забыл, что нужно бояться, и неся вперед огромными скачками, размахивая острием длинной шпаги.

Винтовая лестница уходила вверх слишком резко, его заносило на поворотах, он стучался лбом о холодные камни, но продолжал мчаться вверх. Ступени были слишком крутыми, взбираться по ним было трудно, и скоро у него перехватило дыхание. Этажи проносились один за другим, на каждом из них располагалась каморка с узкими окнами, стояли ветхие сундуки с ценностями, припрятанными от потопа. Синий платок на его шее раздувался при каждом движении, его растрепанные концы колыхались.

Дыхания уже не хватало, когда он выбрался на верхнюю площадку. Квадратная башня тут кончалась, но над ней была надстроена высокая колокольня, выше которой царапал небо острый шпиль с жестяной крысой, лапой показывающей направление ветра. Площадка у основания колокольни была окружена деревянным балконом с перилами. Тихоскок впился в них когтями и перегнулся вниз, разглядывая затопленный город.

Крыши домов едва возвышались над поверхностью мутной воды. Выше них были только каменные стены цитадели и купола собора, но сейчас Тихоня смотрел на них сверху.

Он никогда еще не забирался так высоко – наверное, только птицы могли добраться до этой вершины.

– Белянка, ты где? – закричал он, поднимая нос кверху.

Но его подругу отсюда не было видно. Только колокол ударил еще раз наверху, в звоннице, как будто откликаясь на его зов. Тихоскок ринулся к узкому входу в колокольню, но неожиданно задержался.

Далеко-далеко, за крепостной стеной, в воде промелькнула серебристая нить. Она неслась со стороны моря и струилась в волнах, играя броней мелких чешуек. Длинный хвост с острым плавником высунулся из глубины и ударил по бурунам, но тут же опять скрылся в пучине. Тихоскок протер глаза и взгляделся вдаль, но видение скрылось из вида и больше не появлялось.

Он махнул на него рукой и заскочил в темный вход колокольни. И тут же ударился носом обо что-то жесткое и холодное, отлетел назад и хлопнулся прямо на пятую точку. Из темноты ему навстречу выступил Твердолоб. Охранник был в шлеме и медной кирасе, на гладкой поверхности которой двое крыс-стражников скрещивали алебарды перед городскими воротами. Такая же алебарда была у Твердолоба в лапах.

От удивления Тихоскок выпустил шпагу, которая со звоном упала на каменный пол.

– Ах ты, мелкий крысеныш! – зашипел на него охранник, замахиваясь алебардой. – Это из-за тебя начались все наши

беды! Ну, пеняй теперь на себя!

– Вовсе нет! – отползая назад, попытался заговорить его Тихоскок. – Беды начались от того, что Гнилозуб захотел затащить в свой гарем мою крысу. Мало ему было двенадцати жен, понадобилась еще одна, молодая! А он слышал, что жадность сгубила кошку?

– Если бы ты не вмешался, то не было бы мятежа! – наступая на него, заявил Твердолоб.

– Мятеж пошел от того, что Гнилозуб арестовал бургомистра и распустил городской совет, – опять возразил Тихоскок. – Если бы он не раскатал губу на чужой каравай, то и теперь прохлаждался бы в своем мраморном дворце. А если бы ты не изменил законным властям, то до сих пор числился бы уважаемым гражданином.

– Не тебе меня судить! – рассердился Твердолоб и рассек алебардой воздух.

Тихоскок резко вскочил, подобрал шпагу и бросился наутек. Однако бежать было некуда. Между стеной колокольни и краем балкона оставалась только узкая дорожка. Беглец сделал несколько поворотов вокруг восьмиугольной стены, и снова оказался у входа. Но Твердолоб схитрил – вместо того, чтобы преследовать его, он развернулся и встретил его с обратной стороны, так что Тихоня сам налетел на острие вытянутой вперед алебарды и едва не накололся на него.

– Бросай оружие! – властно велел Твердолоб.

Тихоскок затравленно оглянулся. Сражаться с кирасиром

в медных доспехах нечего было и думать. Помощи ждать было неоткуда – весь город боролся с потопом, да и взобраться на такую высоту вряд ли кто-то сумел бы. Осмелев от отчаяния, Тихоня надавил грудью на выставленную алебарду и выкрикнул:

– Ну, давай, проколи меня!

– Ты глупыш, если думаешь, что я этого не сделаю! – заявил кирасир.

Тихоскок начал отступать шаг за шагом, но неожиданно почувствовал спиной укол холодного и острого клинка. Он оглянулся: сзади тянул к нему абордажную саблю Лихогляд, только что вывалившийся из узенького прохода. Капитан тяжело дышал после подъема по крутой лестнице. Фетровая треуголка с орлиным пером на его голове колыхалась, как будто он только сошел на берег с пиратского корабля.

– Вот вы где! – с угрозой проговорил он, надвигаясь на Тихоскока со спины.

Испугавшись, что пират сейчас рубанет его саблей, Тихоня развернулся и со всех сил кинулся на него. Однако капитан посторонился и пропустил его мимо, отчего Тихоскок споткнулся и клюнул носом в жесткие камни площадки. А капитан уже рубил саблей древко Твердолбовой алебарды и громко выкрикивал:

– Подлый изменник! Ты забросал нас бомбами, когда мы были на дне! Кто это тебе приказал? Признавайся!

Твердолоб попытался отбиться. Алебарда зазвенела о саб-

лю, оба бойца принялись яростно орать друг на друга. Тихоскок поднялся, встал рядом с Лихоглядом в боевую стойку и выставил вперед наконечник шпаги, но капитан ему крикнул:

– Здесь для двоих слишком тесно! Тебя ждет подруга! Я сам разберусь с этим олухом!

Тихоня кивнул ему головой и забежал в колокольню. Лестница тут была не каменной, как в башне, а деревянной. Ее ступени скрипели и грозили сломаться, но он не обращал на опасность внимания. Через широкий люк он попал в часовую комнату, за стеной которой двигались стрелки часов, видных из любой точки города. Здесь, в комнате, крутились огромные, выше его роста, шестеренки. Раскачивался из стороны в сторону маятник, скрипели упругие пружины.

Тихоня опасливо обошел механизм, стараясь, чтобы шерстинки на его шкуре не застряли между шестеренками, и полез наверх, в звонницу.

Узкая площадка звонницы была открыта на все четыре стороны света. Порывистый ветер задувал сюда и раскачивал тяжелый колокол. Тихоскок ударился головой о его край и громко ойкнул.

– Тихоня! – услышался слабый голос.

– Белянка! – закричал он.

В глазах у него плыли темные круги от удара, и он ничего не видел.

– Тихоня, спасайся! Здесь ловушка! – тревожно прокри-

чала его подруга.

– Ну нет, не для того я шел за тобой, чтобы спастись! – ответил он, шевеля усами и пытаясь нащупать ими твердую опору.

Ладони его уперлись в знакомую мягкую шерстку – такую нежную и такую пушистую! Сколько раз он засыпал с мыслью о том, что гладит ее. Все еще слабо видя, он принялся выдергивать железные кольца, вмурованные в стену, но они держались так прочно, что не удавалось даже расшатать их.

– Тихоня, сзади! – взвизгнул голос Белянки.

И в этот же миг на его загривок обрушился тяжелый удар дубины. Над самым ухом издевательски расхохотался хриплый голос. Тихоскок поднял глаза, и сквозь темные круги разглядел блеск золотой коронки на гнилом зубе.

– Вот ты и попался! – произнес голос Верховного Деспота.

Тихоня снова ощутил сильный удар. На его счастье, оживший магистр не был слишком ловок, и его дубина, которой можно было запросто переломать кости, не причинила ему ничего, кроме боли. Тихоскок выхватил шпагу и направил ее на Гнилозуба.

– Отдай ключ от наручников! – грозно выпалил он.

– Отдай мне мою шпагу, – возразил Гнилозуб.

– Эта шпага теперь моя!

– Ты уверен? Ты купил ее? Или тебе ее подарили? Нет, ты ее у меня отнял! Ты отнял у меня невесту и уважение горожан. Ты меня обесчестил!

– Невесту нельзя отнять, это не вещь, – в свою очередь возразил Тихоскок. – А уважение горожан нужно заслужить. Если ты его потерял – значит, ты натворил бед, как хорек в курятнике.

И он сделал выпад, попытавшись уколоть Гнилозуба в заплывший жиром бок. Магистр резко увернулся и снова огрел его дубиной по ребрам, отчего в глазах у Тихони заплясали огненные искры.

– Ну, давай! – дразнил его Гнилозуб. – Коли меня, коли! Ты – щенок, который даже укусить как следует не может.

– Тихоня, осторожно! – кричала Белянка, привязанная к стене. – Он хочет заманить тебя в западню!

Но Тихоскоку было не до осторожности. Он обогнул звенящий колокол, ловко увернулся от удара дубины и прижал магистра к стенке, рядом с которой зияли огромные проемы, распахнутые в пустоту. Гнилозуб испуганно задрожал и перестал сопротивляться. Тихоня вырвал у него ключи от наручников, швырнул его дубину в окно, и больше не обращая на противника никакого внимания, принялся снимать с Белянки оковы. Воспользовавшись моментом, Гнилозуб юркнул на лестницу и засеменял по ступеням, спускаясь на нижний этаж. Тихоня даже не подумал его задерживать.

Белянка оторвалась от стены и уже принялась растирать затекшие запястья, когда Тихоскок наступил на дыру, заброшенную соломой. Раздался треск раздираемой марли, и он рухнул вниз, больно ударившись подбородком о край прова-

ла.

Он попал на наклонный настил из досок, кубарем прокатился по нему и вылетел в окно Часовой комнаты, расположенной этажом ниже. Мимо его глаз понеслись вверх узкие окошки башни.

«Я падаю!» – понял Тихоня.

Он даже не успел испугаться. Его лапа угодила во что-то живое и мягкое. Раздалось возмущенное карканье, и из-под него выпорхнула ворона, теряя разлетающиеся перья. Она понеслась рядом, пытаясь долбануть обидчика жестким клювом, но поняла, что через пару мгновений он рухнет с такой высоты, что мстить уже не будет смысла.

«Я на такой высоте, что рядом летают птицы, – подумал Тихоня. – Мне всегда было любопытно, что они видят из-под облаков. Но они никогда не падают, а я лечу прямо вниз...»

Мимо него промелькнул балкон, на котором Лихогляд разделялся с Твердолобом. Охранник был прижат к полу, капитан оседлал его, и, лихо размахивая саблей, пытался содрать с него шлем и кирасу. Увидев промелькнувшего Тихоню, Лихогляд на миг остановился, разинул рот от удивления, и высунулся за перила, крича:

– Постой! Ты куда?

Он даже попытался ухватить Тихоню за воротник, но тот пролетел вниз так быстро, что пальцы капитана поймали лишь воздух. Тихоскок посмотрел себе под ноги. Темные воды, залившие город, стремительно приближались. Он на-

брал в грудь побольше воздуха и задержал дыхание. Раздался оглушительный всплеск, он ударился о поверхность воды и пошел ко дну...

Белянка высунулась из широкого проема звонницы и заглянула вниз. Там, в тридцати ярдах, бурлил пенистый поток. Рваное серое ухо мелькало среди бурунов, то скрываясь под водой, то выплывая наружу.

– Ти-и-хо-о-оня-а-а! – заголосила Белянка.

Из окна Часовой комнаты этажом ниже высунулась физиономия Гнилозуба, хищно сверкнула золотой коронкой и, ослабившись, пообещала:

– Сейчас я его добыю!

Не обращая больше внимания на пленницу, магистр поспешил вниз, к крыше ратуши, черепичные своды которой нависали над самой водой. Шаткая деревянная лестница подвела его: ступенька проломилась под его непомерной тушей, и он с грохотом пролетел несколько пролетов, смачно шлепнувшись о каменную площадку на вершине башни.

За узким дверным проемом, на балконе, упревший Лихогляд вязал ремнем лапы Твердолоба. Блестящая медная кираса и шлем были сорваны и сиротливо валялись сбоку. Без них охранник выглядел далеко не так грозно: доспехи делали его полнее и мощнее, на самом же деле он оказался худым, почти тощим. Заметив упавшего Гнилозуба, он взмолился:

– Ваше высокородие, помогите!

Лихогляд сверкнул на магистра глазами и яростно завопил:

– Ах, вот ты, предатель! Это ты приказал утопить меня и мою команду?

Но Гнилозуб не стал дожидаться, пока тот прыгнет за ним. Схватив алебарду, выпавшую из рук кирасира, он неловко махнул ей, пытаясь напугать капитана, и пролез внутрь каменной башни, благо, лестница в ней, хоть и завивалась бараньим рогом, но была сложена из надежнейших каменных валунов, не шатавшихся под ступнями. Лихогляд рванулся было за ним, но не смог отпустить Твердолоба, и продолжил вязать его, приговаривая:

– Вы все получите по заслугам!

А Гнилозуб уже стучал каблуками бархатных туфель по жесткой черепице крыши, нависшей над пенящимися бурунами. Тихоскок успел выплыть на поверхность воды и теперь отчаянно барахтался в волнах. Он захлебывался. Шпага на поясе болталась и била его по ногам, мешая движениям. Дыхание сбивалось, вода заливала глаза.

– Ты плаваешь, как слепой котенок! – расхохотался магистр.

Он подобрался поближе, взмахнул алебардой и попытался рубануть Тихоскока по голове, но тот был так далеко, что оружие до него не достало.

– Плыви сюда! – потребовал магистр. – Либо я тебя разрублю, либо пойдешь ко дну!

Тихоня уже успел нахлебаться грязной пены. Ему некуда было деваться, он подплыл к крыше и уцепился за ее край. Гнилозуб неторопливо приблизился, наступил ему на ладонь, и направил на него острие алебарды.

– Эй, альбиноска, смотри! – закричал он, задрав кверху нос. – Сейчас я разделаю твоего дружка на кусочки.

Но Тихоскок не стал ждать. Он схватил алебарду за обух, судорожно сжал и резко дернул к себе. Не ожидавший подвоха магистр свалился в воду и отчаянно завизжал. Его толстая тушка так заплыла жиром, что вода выталкивала ее на поверхность, но Гнилозуб настолько испугался, что обеими лапами вцепился в край черепицы и начал суматошно карабкаться обратно. Ему это не удалось – настолько он был неловок и неповоротлив. Воспользовавшись его замешательством, Тихоня вскочил на крышу. Магистр оказался у его ног. Тихоня стряхнул воду с шерсти, протянул ему задний конец алебарды и сказал:

– Выбирайся!

Ему пришлось поднапрячься, чтобы вытянуть из воды тяжелое тело Деспота. Тот уцепился за длинное древко и не отпускал его, пока не оказался на сухой черепице.

– Ты проиграл! – заявил ему Тихоскок. – Тебя будут судить за захват ратуши, изгнание бургомистра и за то, что ты устроил потоп. Ни один дикий зверь не натворил столько бед, сколько ты.

– Ну нет! – взревел Гнилозуб, поднимаясь на лапы и под-

тягивая к себе алебарду. – Это мой город! Что хочу – то и делаю. Захочу – дам всем вволю зерна и мяса, а захочу – утоплю!

Он перехватил алебарду острием вперед и сделал резкий выпад, попытавшись нанести Тихоскоку укол. Тот отскочил, уклонился и выхватил шпагу.

– Сдавайся! – крикнул Тихоня. – Посмотри, что ты сделал с городом! Он затоплен по самые крыши! Так же вели себя наши неразумные предки. Они иссушали землю и отравляли воду. Они наполняли воздух ядовитыми газами. Они жили по принципу «после нас – хоть потоп». И вот этот потоп настал. Их города погрузились на дно океана, от их великой культуры остались руины. Нельзя вредить земле, на которой живешь, даже если ты думаешь, что на твой век еще хватит. Ты совершил преступление, и ты должен за него ответить.

– Я – Хозяин! – заревел на него Гнилозуб. – Я сам решаю, что преступление, а что – нет. Либо ты мне подчинишься, либо умрешь!

И он метнул в Тихоскока тяжелую алебарду. На этот раз Тихоня не успел отскочить – он только слегка отклонился. Железное острие царапнуло его по груди, пронзило мокрый шейный платок и пронеслось мимо, увлекая его за собой. Он с грохотом обрушился на черепицу, выпустив из рук шпагу. Гнилозуб тут же ее подобрал и попытался пронзить его. Пока Тихоня барахтался, пытаясь высвободить платок от запутавшейся в нем алебарды, магистр атаковал его сзади. Острие

шпаги чиркнуло по черепице и сорвало несколько серебряных шерстинок с его бока.

Ему наконец удалось сорвать с шеи платок. Он перехватил алебарду и ткнул ей магистра в толстое брюхо. Бархатный жилет Гнилозуба порвался, из-под него хлынула темная кровь.

– Ты убил меня! – ошеломленно проговорил Гнилозуб, зажимая рану ладонями.

– Если я тебя убил, то почему ты еще разговариваешь? – спросил Тихоскок.

С громким воплем магистр рухнул на спину и покатился по черепице. Он едва не свалился в воду и удержался только на самом краю.

Шумная ватага студентов во главе с Гладкошерстом уже неслась к ним со всех ног. Профессор наклонился над Гнилозубом, осмотрел его рану и проговорил:

– Толстое брюхо спасло вас, магистр. Прошит только жир, внутренние органы не задеты. Рана неглубока, нужно только промыть ее обеззараживающим раствором.

Веселая толпа студентов подхватила Тихоскока на руки и принялась подбрасывать вверх. Он взлетел над их головами, перекувыркнулся в воздухе и увидел город, затопленный водой почти до самых крыш, торчащие из мутной пены вершины крепостных стен и каменных башен, купола соборов и высокий шпиль ратуши с жестяной крысой, протянувшей свой коготь куда-то в сторону моря.

Его охватило ликование. «А Белянка меня сейчас видит? – подумалось ему. – Вот бы она на меня взглянула. Раньше я считал себя книжным червем, недостойным такой красавицы. Но если она посмотрит, как все меня чествуют, то может, сама начнет верить, будто я молодец?»

Его подбросили еще раза три. Он с удовольствием расставлял лапы в стороны и вопил:

– Ура, мы победили!

Однако на четвертый раз крепкие ладони товарищей почему-то забыли его подхватить. Он с размаху шлепнулся на каменную поверхность стенного прясла и ударился боком так, что искры посыпались из глаз.

– Ребята, вы чего? – обиженно произнес он.

Однако товарищи на него не смотрели. Отвернувшись и не дыша, они все, как один, направили носы в ту сторону, куда тыкала когтем жестяная крыса на шпиле. Там, за Красными Воротами цитадели, где все еще бурлила морская вода, показалось чешуйчатое змеиное тело. Оно извивалось в волнистых бурунах, как серебристая нить.

– Что это? – удивленно спросил профессор Гладкошерст.

Он снял очки, тщательно протер их и водрузил обратно на нос, но это не помогло ему разглядеть невиданное существо.

– У меня две новости: хорошая и плохая, – хмуро откликнулся Ветрогон. – Хорошая: я выиграл пари у трактирщика Вислобрюха. Этому пивному барону придется признать, что водяной дракон существует.

– А плохая? – звонким голосом спросила Яска.

– Дракон плывет к нам. Он почуял большую добычу. Если он ворвется в город, то проглотит всех, кто выжил в потопе.

И в этот же миг из волн у самых городских стен поднялась огромная голова пепельно-седого цвета. Выпученные глаза без проблеска мысли тарасились на цитадель, выискивая поживу. Пасть широко распахнулась, выпустив из-за острых зубов змеиное жало.

– Нужно закрыть ворота! – сообразил Гладкошерст.

– Поздно! – отчаянно сказал шкипер.

Чешуйчатое тело уже струилось под Парадной Аркой, заползая в город. Горожане, спасавшиеся от потопа на верхних этажах зданий, перепугались и принялись карабкаться как можно выше – на деревянные коньки крыш. Женщины завyli от ужаса, детеныши заголосили.

Увидев змея, Гнилозуб преобразился. Он перестал зажимать свою рану, вскочил и ликующим голосом завопил:

– Что, мятежники, перепугались? Это по моему приказу разбудили морского дракона! Это я зазвал его на ваши дурные головы! Потому что я могу все, и если вы до сих пор этого не поняли, то вы недоумки! Подчинитесь мне, сдайте оружие и разойдитесь, и тогда, может быть, дракон вас не слопает!

– Вот дурак! – в сердцах выкрикнул Тихоскок. – Как ты можешь что-то обещать? Дракон не станет слушаться такой ожиревшей крысы, как ты! Он вообще никого не слушается!

Ты разбудил стихию!

Но Гнилозуб не обращал внимания на его слова. Он взобрался на высокое чердачное окно, возвышающееся над крышей, и принялся размахивать лапами, истошно вопя:

– Дракончик, дорогой мой, плыви ко мне! Сюда! Слопай их всех! Покажи им, кто тут хозяин!

Однако дракон был так огромен, что не замечал мелкой крысы, пищущей на крыше.

– Я заставлю тебя повиноваться! – пришел в негодование Гнилозуб.

Он соскочил с чердачного окна и подбежал к пушке. Она была заряжена и готова к стрельбе. Гнилозуб зажег фитиль, направил ствол на дракона и крикнул:

– Вот тебе! Получи!

Пушка оглушительно громыхнула и пыхнула пламенем. Раскаленное ядро вырвалось из ее чугунного жерла и плюхнулось в воду рядом с костяным гребнем, торчащим над головой чудовища. Дракон высунул из воды длинную шею, повел вокруг желтыми немигающими глазами и втянул ноздрями облачко дыма, расплывшееся над орудием.

– Сожри их всех! – яростно заорал Гнилозуб, подбегая к самому краю крыши и размахивая шомполом.

Дракон вытянулся в струну и молниеносно метнулся к нему. Его чешуйчатое тело ловко обогнуло торчащий из воды столп Крысы Разумной. Голова взлетела вверх, распахнулась огромная пасть с острыми зубами.

– Покарай их! – вопил Гнилозуб.

Всего одно движение понадобилось дракону, чтобы слизнуть с края крыши магистра. Мелькнул раздвоенный язык, челюсти схлопнулись, издали чавкающий звук, и зеленые панталоны «Верховного Деспота» скрылись в его необъятной пасти. Дракон смачно сглотнул – было видно, как по его горлу, под слоем толстых чешуек, прокатился комок жирной пищи.

Профессор Гладкошерст, бургомистр Серобок, Ветрогон и даже выдавший виды капитан Лихогляд на балконе замерли от ужаса. Никто не решался издать ни звука. Стало слышно, как пищит над водой одинокий комар.

– Он нас всех сожрет! – беспомощно оглянулся вокруг бургомистр.

Змей резким движением выбросил голову высоко вверх. Его костяной гребень метнулся ввысь вдоль Часовой башни над ратушей и достиг колокольни, в которой до сих пор томилась Белянка.

Драконья морда остановилась прямо напротив широкого проема, за которым виднелась золотистая блузка Белянки. Выпученные глаза уставились на альбиноску, пасть распахнулась, и из нее высунулось длинное змеиное жало.

Белянка в испуге отшатнулась и задела колокол. Он покачнулся и издал слабый звон. В наступившей тишине было отчетливо слышно, как мелодичные отзвуки отражаются от воды и разносятся среди затопленных крыш.

– Белянка! – тихо прошептал Тихоскок.

Он стоял внизу, на крыше ратуши, и задирая голову вверх, смотрел на вершину Часовой башни. Дракон начал обвиваться вокруг башни, опутывая ее своим чешуйчатым телом.

– Сейчас он ее слопает, – обезнадеживающим тоном произнес Ветрогон.

Услышав его слова, Тихоскок преобразился, сбросил с себя оцепенение, выхватил шпагу и рванулся вперед. Зеленый самоцвет в рукоятке сверкнул в лучике солнца, пробившимся из-за тучи.

Он добежал до основания башни, поднимающегося над крышей ратуши, и изо всех сил всадил острие шпаги в тело дракона, ползущее вверх по стене. Дракон вздрогнул, резко дернулся и обрушился обратно в воду, подняв тучу брызг. На крыши соседних зданий выплеснулась волна. Она подхватила Тихоню и смыла его в озерцо, образовавшееся на месте Рыночной площади. Он выронил из рук шпагу, которая тут же пошла на дно, и начал барахтаться рядом с гранитным постаментом, на котором высился памятник Крысе Разумной.

А дракон уже струил свое гибкое тело вокруг него. Он был вне себя от боли и ярости. Его длинный хвост с острым плавником на конце бешено бил по поверхности вод, поднимая пену и брызги. Вода на площади забурлила от его бешеного движения.

Тихоскок зацепился когтями за постамент и кое-как взобрался на памятник. Медное изваяние Крысы Разумной по-

зеленело и покрылось налетом. Одной лапой она сжимала тяжелую книгу, другую тянула вверх, указывая на небо. Поникший лазоревый парус до сих пор висел на ее воздетом вверх пальце. Легкие рей, обтянутые парусиной, безвольно болтались на ветру. Стягивающие их канаты обмотались вокруг медной мантии.

Тихоня вцепился в них зубами и подтянулся, стараясь убраться подальше от бурлящей воды. Парус с треском сорвался с места и свалился ему на голову, задев реей рваное ухо, отчего Тихоня тут же почувствовал острую боль. Он попытался удержать парус в руках и ощутил, как порыв ветра надувает его и пытается унести прочь.

Сопrotивляться этому порыву не было сил. Тихоня едва не разжал когти, испугавшись, что его стащит в воду, к беснующемуся дракону. И только напрягшись, он смог прицепить канат «ветролета» к углу медной книги, которую статуя крепко сжимала в своих неподвижных лапах.

Парус надулся и взмыл в воздух. Его с силой тянуло вверх, в сторону Парадной Арки и лежащей за ней Центральной улицы. Дракон перестал бить хвостом по воде и нырнул.

Тихоня с надеждой взгляделся в мутную поверхность воды, по которой расходились круги. «Пожалуйста, уплывай!» – пробормотал он.

В образовавшемся озере до сих пор плавали обломки мебели, досок и вырванных с петлями дверей. Тихоня поймал доску от смытого наводнением палисадника. Она представ-

ляла собой распиленное надвое бревно с заостренным концом. Одна сторона доски была плоской, другая – круглой.

Он попытался взобраться на нее, но это было трудно – доска переворачивалась, и один конец ее уходил под воду. Тогда он решился и отвязал «ветролет» от медной фигуры. Парус тут же потянул его к арке.

Тихоня изо всех сил вцепился когтями нижних лап в доску и заскользил на ней по искусственному озеру.

– Смотрите, Тихоня плывет на доске, как на лодке! – удивленно воскликнул Ветрогон, опасливо спускающийся к воде по соседней крыше.

– Ветрогон, если увидишь дракона, стреляй по нему из пушки! – выкрикнул Тихоскок, проплывая мимо вслед за рвущимся парусом.

Его несло через затопленную Рыночную площадь, мимо торчащего из водоворота столпа с медной статуей Крысы Разумной, мимо крыш окрестных зданий, превратившихся в острова, мимо столпившихся на них горожан, пытающихся спастись от потопа.

В ушах свистел ветер, брызги заливали глаза. Неожиданно вода перед ним вспенилась, и из нее показалась чешуйчатая морда с разинутой пастью, из которой хищно высовывался раздвоенный змеиный язык. Пасть казалась такой огромной, что могла легко проглотить и Тихоню с его доской, и рвущийся на канате парус, и даже медную статую, если бы она оказалась чудовищу по зубам.

Тихоня зажмурил глаза и подпрыгнул на водном буруне. Парус приподнял его и помог перелететь через костяной гребень на макушке дракона. Доска плюхнулась на воду позади чудища, обдав шерсть Тихони россыпью холодных брызг, и тут же у него за спиной с чавканьем захлопнулись мощные челюсти, пытавшиеся ухватить его.

Тихоня почувствовал, как дернули его сзади за куртку. Раздался звук рвущейся ткани, и здоровенный кусок парусины остался у дракона в зубах.

– Ти-и-ихоня! – орал с крыши Ветрогон.

– Стреляй! – закричал в ответ Тихоскок.

Ветрогон бросился заряжать пушку. Бургомистр схватил шомпол и принялся запихивать в жерло ядро. Взбудораженные студенты засуетились вокруг с мешками пороха, и даже профессор Гладкошерст включился в их бурную деятельность, проявляя подозрительное знание артиллерийского дела.

А дракон уже струился в воде вслед за Тихоней, обгоняя волны и ветер. Тихоскок заложил крутой вираж и увернулся от очередного щелчка острых зубов. Челюсти сомкнулись так близко от его головы, что он почувствовал смрадный дух, исходящий из хищной пасти. Он принялся яростно дергать за канат, направляя летучий парус, но дракон не отставал. Во время следующего выпада чудовище едва не схватило его за ухо – как раз то самое, которое и без того было порвано шпагой.

И тут прямо перед носом Тихони в воду плюхнулось тяжелое ядро. Одновременно с этим до него донесся звук пушечного выстрела.

– Куда ты стреляешь? – заорал Тихоскок Ветрогону.

– В дракона! – завопил тот в ответ.

– Нет! Ядро слишком маленькое, дракона им не убить! – закричал Тихоскок. – Стреляй разрывными! Цель в арку! Она едва держится!

Парадная арка и в самом деле едва держалась. Землетрясение так ее расшатало, что она грозила обрушиться в любой миг. Мраморные статуи Мудрых Крыс наклонились над водой. На них были заметны глубокие трещины.

Дракон вытянулся в струну и ринулся вслед за Тихоней. Он так разогнулся, что не мог остановиться. Ветер нес доску с Тихоней прямо на тяжелые мраморные фигуры, угрюмо торчащие над водой. Еще немного – и порыв изо всех сил разбил бы о них и доску, и оседлавшего ее наездника. И тут Тихоня подпрыгнул и взлетел над волнами. Летучий парус помог ему вскочить на высокую арку в тот миг, когда дракон готовился перекусить его пополам.

Внезапно увидев перед собой мокрый мрамор с узорной лепниной, дракон увернулся от столкновения, нырнул и поплыл по туннелю, ведущему на Центральную улицу. Остановиться он не успевал, и его тело все дальше и дальше скрывалось под тяжелыми сводами арки.

Тихоня выпустил из рук парус, который вильнул и свалил-

ся на статую Крысолапа. Хвост дракона ожесточенно хлестнул поверхность воды и скрылся под ее мутной толщей. И тут же прямо под ногами Тихоскока сотрясло камни раскаленное ядро, готовое вот-вот разорваться.

– Тихоня, скинь его в воду! – заорал Ветрогон через всю площадь.

– Бросай в озеро, не то оно рванет так, что мало не покажется! – присоединился к нему Гладкошерст.

Тихоскок подскочил к ядру. Оно было темно-красным от жара и шипело, как змеиный клубок. Его запал рассыпал вокруг снопы искр. Тихоскок сбросил мокрую куртку, обмотал ей ядро и поднял в руках.

– Тихоня, бросай! – заверещала Белянка с вершины башни.

Но Тихоскок смотрел в воду. Там, в ее мутной глубине, еще продолжал колыхаться хвост морского чудовища, проплывающего в этот миг под аркой. Тихоскок посмотрел на ядро и задумался. Верхний камень в арке совсем расшатался. Достаточно было небольшого толчка – и он бы обрушился, увлекая за собой всю конструкцию.

Хвост в последний раз мелькнул под водой и исчез. Еще несколько мгновений – и дракон вынырнет с другой стороны, и начнет разорять посад, и тогда к крысам, которым некуда деться с затопленных крыш, придет настоящая беда.

Тихоскок взглянул на Белянку, кивнул ей головой на прощанье, и резко бросил ядро прямо в шатающийся камень. И

тут же сам бросился головой в воду – прямо туда, где только что проплывало чудовище.

Ядро оглушительно разорвалось. Над ним взвился столб дыма и пламени. Камень выпал из арки и рухнул в воду, а за ним начал рушиться весь свод с тяжелыми мраморными статуями и декоративной лепниной. Огромная арка на глазах уходила в воду, и маленькая серая фигурка Тихони пропала из виду, затерявшись в поднятых камнями всплесках.

– Тихоня! Тихоня! – отчаянно рыдала Белянка.

Она сбежала по лестнице вниз и присоединилась к толпе, скопившейся на крыше ратуши. Профессор обнял ее и попытался успокоить, но она вырвалась и понеслась по галереям и переходам на другую сторону площади – туда, где еще продолжали осыпаться своды разрушенной арки.

Дракон был завален камнями. Он лежал на дне, под толстым слоем острых обломков, придавивших его к затопленной мостовой. Крайний камень из арки угодил ему по загривку, отчего длинная чешуйчатая шея оказалась перерубленной и держалась на волоске. Хвост безвольно болтался в водных струях, которые слабо его трепыхали. Жадный блеск в желтых глазах потух, раздвоенный язык свисал из пасти, как повисшая плеть.

Ветрогон успел прибежать первым и тут же бросился шарить в воде багром.

– Где Тихоня? – налетев на него, закричала Белянка.

Ветрогон беспомощно огляделся вокруг.

– Тихоня! – не дожидаясь ответа, начала звать Белянка.

Но никто ей не отвечал.

– Он пропал под водой. Его должно было завалить обломками, – печально произнес Ветрогон.

– Так чего ты стоишь? Раскопай его! – чуть не плача, вскричала Белянка.

Однако дно было далеко. Между ним и крышами было несколько этажей, затопленных мутной водой.

– Подводный колпак! – сказал запыхавшийся Лихогляд.

Он только что подбежал в окружении студентов и горожан, поспешивших на помощь. Ветрогон понял его с полуслова. Трясущийся от страха Твердолоб сам вынес им оборудование, сваленное под чердаком ратуши – пару прозрачных колпаков для погружения, шланги и насосы для закачивания воздуха. Лихогляд с Ветрогоном натянули колпаки на голову и без лишних слов полезли в воду. Барабаш с Шишкобором взялись за ручки насоса и принялись качать воздух, Гладкошерст с Яской бросились им помогать.

Тело Тихоскока удалось найти почти сразу. Его вытащили из воды и положили на мраморном постаменте, оставшемся от рухнувшей статуи Крысолапа. Тихоня не двигался и не дышал. Его серая шерсть улеглась, лапы раскинулись в стороны. Рваное ухо поникло, и лишь шейный платок из синего шелка, завязанный любовным узелком, продолжал трепыхаться на ветру, хоть и был порван сразу во многих местах.

Белянка кинулась к нему, уткнулась острым носом в платок и отчаянно разрыдалась. Оторвавшись, она начала трясти его за плечи, но Тихоня не отвечал. Лишь тонкие струйки воды выливались у него изо рта и растекались по мрамору.

– Тихоня! – плача, кричала Белянка. – Тихоня, очнись! Ты всех спас! Посмотри – все вокруг живы!

Ветрогон подошел сзади и положил ладонь ей на плечо.

– Не тревожь его. Ему уже не поможешь, – печально произнес он.

В этот миг к ним приблизился профессор Гладкошерст со студентами. Товарищи обступили Тихоню. Они молчали и не решались произнести ни слова. Однако профессор не разделял их тоски.

– Эй, быстро схватили его за ноги! – скомандовал он. – А ну, чего встали? Живо, кому я сказал!

Повинуясь его уверенным командам, Барабаш с Шишкобором подняли Тихоню вниз головой и принялись изо всех сил трясти. Вода потоком хлынула у него изо рта. После нескольких энергичных встрясок она полностью вышла. Неподвижное тело распластали на мраморном постаменте, Гладкошерст схватился за его руки и изо всех сил принялся размахивать ими в стороны. Белянка бросилась ему помогать.

Пожилой Гладкошерст уже устал, а она все массировала Тихоскоку грудь, не останавливаясь ни на минуту.

– Дуй ему в рот! – велел профессор.

Белянка припала к губам Тихоскока и принялась изо всех сил вдыхать в него воздух. Грудь Тихоскока раздулась, щеки задергались, сомкнутые веки едва заметно приоткрылись. Он слабо втянул воздух и раскрыл глаза. Белянка все еще с шумом дышала над ним. Тихоскок обнял ее за бока, прижал к себе и слабым голосом произнес:

– Так я и знал, что ты ко мне неровно дышишь!

Белянка отпрянула и недоверчиво взгляделась в его порозовевшее лицо, затем улыбнулась сквозь слезы, ткнулась носом в серую шерсть на его груди и изо всех сил разрыдалась.

Глава 13 Праздник

Вода уходила медленно, забирая с собой горы мусора и обломков. Вслед за Крысиным гнездом приходила в себя после наводнения и Пиратская гавань. От смытых рыбачьих хибар остались лишь грязные кучи хлама, дешевые лодочки прибрежных жителей разнесло в щепы. Потерянные рыбаки бродили среди развалин и вытаскивали из руин остатки пожитков, надеясь спасти хоть что-нибудь. То тут, то там, раздавался стук топоров и визг пил – это самые деловитые уже приступили к восстановлению своих домов. Они горели желанием побыстрее отстроить поселок заново, а некоторые даже радовались тому, что теперь все можно будет сделать по-новому и начать жизнь с чистого листа.

И только таверну «Бешеная коза», взгромоздившуюся на высокий обрыв, наводнение не задело. Тут все было по-старому. Трактирщик Вислобрюх в фартуке, залитом пеной, разносил пиво по столикам. Его жена жарила на гриле свиные сосиски, от которых исходил одуряющий аромат сала. Гитарист Баламут примостился у барной стойки на высоком стуле и терзал струны своей гитары, заставляя ее выдавать щемящие душу мелодии.

Капитан Лихогляд сидел за столом и громко сетовал на судьбу:

– Я все потерял! Мой превосходнейший особняк с башнями и глубоким рвом, трехэтажное чудо архитектуры в классическом колониальном стиле – все сгинуло из-за этого сумасбродного олигарха, чтоб ему вечно гнить в брюхе дракона. Мой «шато» стоил целого состояния! Это сколько же кораблей мне придется взять на abordаж, чтобы вновь накопить на такой же?

Тут только порядком подвыпивший капитан понял, что сболтнул лишнего, и резко осекся. Однако пираты, собравшиеся вокруг него, и не подумали укорять босса за длинный язык. Наоборот: они дружно захохотали и начали хлопать его по плечам, подбадривая и выражая горячее желание участвовать в его будущих авантюрах.

– Да ладно тебе прибедняться! – подмигнул ему Вислобрюх, с грохотом выставляя на стол сразу десять кружек, которые он ловко удерживал в лапах, по пять в каждой ладони. – Наверняка завалялось кое-какое барахлишко в загашнике? Ни за что не поверю, что ты раскопал сокровища подводного города и ничего не припрятал!

– Ах, мон ами, если бы ты видел ужасного дракона, сожравшего моих славных Дуболомчика, Чумадура и Сиволапа, то понял бы, что вернуться со дна самому – это такое счастье, что о большем нечего и мечтать, – горестно пожаловался Лихогляд.

Внезапно щемящая музыка прекратилась. Баламут резко щелкнул по струнам и прижал их к доске. Одна струна по-

рвалась и со звоном ударилась о корпус гитары. Все посмотрели в сторону музыканта. Он сидел, резко выпрямившись на своем стуле, и с застывшим лицом смотрел в сторону распахнутых настежь дверей, который располагались прямо напротив него.

– Что с тобой? – выкрикнул недовольно трактирщик.

– Там... там чудовище... – забормотал гитарист, трясущейся рукой указывая в сторону гавани, где еще бушевали темно-свинцовые воды.

Все побросали недопитое пиво и бросились к выходу. Над пенистыми волнами отчетливо виднелась голова морского дракона. Она высовывалась из воды, то поднимаясь, то снова ныряя. Костяной гребень на ее макушке стоял торчком. Блеклые глаза были полуприкрыты, их взгляд невозможно было уловить за дальностью расстояния.

– Эта тварь плывет прямо к нам! – в панике завизжал Вислобрюх.

Он ринулся к барной стойке, перевернув по дороге несколько скамеек, и залез под нее, не соображая от страха, что делает. Его жена бросила жарить сосиски и присоединилась к нему, едва не задавив своими пышными телесами.

– Как же так? – растерянно пролепетал Лихогляд. – Не может этого быть! Я сам видел, как дракона задавило обрушенной аркой!

Пираты медленно попятились назад. Кое-кто по привычке тянулся к поясу, надеясь выудить саблю, однако в таверну на

отдых было принято приходить без оружия – такой порядок был заведен издавна, чтобы пьяные драки не превращались в смертоубийство.

Драконья голова между тем подплыла к берегу, выбралась на песчаный пляж и начала взбираться на высокий обрыв. Все были до того обескуражены, что никто не обратил внимание на цепочку следов с маленькими коготками, которые оставались за ней на песке.

– Постойте, а где его хвост? – опомнился капитан. – Он же не может ползти без хвоста?

– А хвост я и не обещал! – раздался громоподобный охрипший голос у самого входа.

Пираты окончательно перетрухнули и бросились разбежаться, кто куда. Один лишь Лихогляд остался на месте и только непроизвольно ощерился – звание капитана не позволяло ему проявлять нерешительность на глазах у матросов.

– Кружку пенного пива и горячих сосисок! – тем же охрипшим голосом потребовала драконья голова.

Трактирщик взвился из-за стойки, как ужаленный, и бросился исполнять распоряжение чудовища.

– Я и не знал, что драконы пьют пиво, – расплываясь в улыбке, заявил Лихогляд.

– Еще как пьют! – заверила его голова.

Пасть дракона захлопнулась, скрыв пожелтевшие клыки. Откуда-то из ее глубины раздался сдавленный булькающий хохот. Наконец, чудовищная морда с грохотом обрушилась

на дощатый пол, и за ней показалась ухмыляющаяся во всю ширь физиономия Ветрогона. Бусы из морских раковин на его шее тряслись.

– А за кем тут остался должок? – громыхнул шкипер.

Лихогляд припомнил все, что произошло в последние дни, и смущенно отступил в сторону. Однако пожилой мореход явился не за ним. С заметной натугой он протащил склизкую драконью голову через зал и с шумом водрузил ее на барную стойку. Баламута с его гитарой как ветром сдуло. А вот трактирщик чуть не грохнулся в обморок, высуновшись из своего укрытия.

– Не припомнишь, на что мы с тобой спорили? – спросил его мореход.

– На сто золотых... – пролепетал трактирщик.

– Ну и кто из нас выиграл спор?

– Я же не думал... что все это взаправду... что драконы вообще существуют... я не знал! – продолжал лепетать содержатель таверны.

– Знал, не знал, а спор остался за мной. Долг платежом красен! Верно я говорю?

Пираты, успевшие вернуться в таверну, дружно загомонили, поддерживая его.

– А ведь и в самом деле! – сказал боцман Губошлеп, который, как всегда, не упускал случая посидеть в доброй компании. – Я был тут, когда вы бились об заклад. Ветрогон выиграл по-честному. Вислобрюх, за тобой сто монет!

– Да вы что? Где же я их достану? Вы меня разорите! – запричитал трактирщик.

– Ой, не прибедряйся! Наверняка припрятал кубышку под половицей! – рассмеялся Лихогляд.

Толпа пиратов так дружно надела на трактирщика, что ему некуда было деваться. Он утащил разозленную жену в заднюю комнату и заперся с ней. Четверть часа они ругались, на чем свет стоит, а после Вислобрюх выбрался к компании и трясущимися когтями отсчитал Ветрогону сто золотых монет с корабликами на оборотной стороне. Пираты столпились вокруг и все вместе, хором выкрикивали числа, помогая ему считать, чтобы он ненароком не ошибся. Когда дело дошло до последней, сотой монеты, все дружно завопили и бросились поздравлять Ветрогона.

– Вы меня разорили! – горестным тоном причитал Вислобрюх.

– Ой, кто бы говорил! – расхохотался Ветрогон. – Наводнение смыло мою хибару и унесло лодку с сетями. У меня вообще ничего не осталось. Я гол, как сокол. А у тебя остается таверна и погреб с вином. Кстати, налей-ка всем самого лучшего, самого дорогого! Ребята, я всех угощаю! Да и тебя, капитан, прошу к нам пожаловать. Прошлого вспоминать не будем, мы все не без греха.

Пираты с шумом расселись по лавкам и принялись смаковать дорогое вино, которое в обычные дни было им не по карману.

– Что будешь делать с деньгами? – поинтересовался Лихогляд, в очередной раз чокаясь с Ветрогоном бокалами.

– Построю себе домик в уютном месте и заживу наконец спокойной и тихой жизнью, – мечтательно ответил бывалый моряк. – Пора наконец мне завязывать с бродячей судьбой. Кстати, и тебе тоже неплохо было бы остепениться. Ты можешь вернуться в город и жить, как простой горожанин.

– Я никогда не был простым горожанином, – хитро ухмыльнулся Лихогляд, распахивая полы кафтана, под которым пряталась перевязь с абордажной саблей.

– Дело твое, – откликнулся Ветрогон. – Только торговый флот весь разметало бурей. Кто-то должен водить новые корабли. Раньше всю прибыль от заморской торговли присваивал Гнилозуб, но теперь его место свободно. Кто первым привезет в город товар – тот и разбогатеет.

– Да, тут есть над чем поразмыслить, – согласился с ним Лихогляд и предложил чокнуться бокалами еще разочек.

Тихоскок лежал в мягкой постели и нежился. Белянка только что смазала целебной мазью раны на его шерсти, оставленные острыми краями обломков. Боль ненадолго утихла, и он отдыхал, блаженно оглядывая комнату своей подруги в общежитии, которую они покинули, казалось, уже так давно.

Вещи еще были раскиданы по полу после обысков, стулья сломаны, а ящики тумбочек и комодов вывернуты. Но Бе-

лянка уже успела немного убраться, и комната мало-помалу снова приобретала жилой вид, благо, она располагалась на самом верхнем этаже общаги, и потоп до нее не добрался.

В дверь постучали. Тихоскок насторожился и наострил уши, но Белянка радостно встрепенулась и побежала открывать, не думая об опасности. На пороге показалась Яска с огромным букетом белых астр и Барабаш с загадочным длинным предметом, обернутым мягкой материей. Белянка тут же бросилась своей подруге на шею, девушки обнялись и наперебой принялись делиться новостями. За Барабашем через порог чинно переступил Гладкошерст в мятой профессорской мантии, а напоследок в тесную комнатку ввалился приземистый Шишкорбор с огромной корзиной, наполненной съестными припасами. В комнате сразу стало не протолкнуться.

Гладкошерст приблизился к постели, склонился над Тихоней и с улыбкой спросил:

– Ну как ты, герой?

– Да какие из нас герои? – с такой же улыбкой спросил Тихоскок. – Попали в переplet, как курица в суп, и не знаем, как выбраться.

– А чем это так вкусно пахнет? – оживленно спросила Белянка.

– Я тут вам угощенья принес, – смущенно сказал Шишкорбор и принялся выкладывать из корзины на стол мешочки с пшеницей, овсом, ячменем, сушеными сливами и изюмом,

вяленую рыбу, приправы, перепелиные яйца и горшочки со сметаной и льняным маслом.

В довершение всего он выудил огромный кусок копченого окорока, от которого под потолком поплыл такой одуряющий аромат, что все присутствующие невольно облизнулись и начали мести пол хвостами.

– Это от всех горожан с благодарностью, – так же смущенно проговорил торговец.

– Ой, как здорово! – хлопнула в ладоши Белянка. – У нас из еды ничего не осталось. А теперь мы обеспечены на много дней вперед.

– Бургомистр приглашает тебя на прием, – поведал Тихоне профессор. – Ходят слухи, будто тебя решили наградить каким-то невиданным орденом за Спасение Отечества.

– Что-то я не припомню такого, – с сомнением отозвался Тихоня.

– Его учредил городской совет специально ради твоих заслуг, – сказал Гладкошерст. – Такого ни у кого больше нет. Что собираешься делать, когда поправишься?

– Да бродят в голове кое-какие планы, – уклончиво ответил Тихоня.

– А в университет не желаешь вернуться? Открытие города предков – огромное достижение.

– Но город же затонул.

– Научные знания не тонут. Декан вводит на факультете новую дисциплину – Предысторию цивилизаций. Тебе ее и

читать.

– Я стану доцентом? – с сомнением сказал Тихоскок. – Но я еще так мало знаю. Боюсь, первокурсники срежут меня первым же каверзным вопросом.

– Ничего, я уверен – ты вывернешься. После всего, что с тобой случилось, это будет нетрудно, – рассмеялся профессор.

Барабаш сел на край постели и загадочно улыбнулся. Он не выпускал из рук длинный сверток, туго обернутый в бархат.

– Это то, что я думаю? – улыбаясь, спросил Тихоскок.

– Даже угадывать не берусь, о чем ты думаешь! – с готовностью откликнулся Барабаш. – Наверняка в твоей голове приключения, драконы, корабли под лазурными парусами и пушистые альбиноски. А у меня всего лишь твоя дорогая шпага с зеленым стеклом в рукояти.

– Блισταвица! – с придыханием выговорил Тихоскок.

Он развернул мягкий бархат и вынул из него блестящий клинок с узорной гардой.

– Ох, и пришлось же мне повозиться, прежде чем я выудил ее из-под завалов! – рассмеялся его однокурсник.

– А ну, отдайте ее сюда! – сердито прикрикнула Белянка. – Это вам не игрушка. Хватит уже воевать.

Она решительно отобрала у Тихони шпагу и повесила ее подальше на гвоздь, вбитый в дверь. Барабаш заговорщицки зашевелил усами, склонился к уху Тихони и зашептал:

– У нас тут такие дела! Серобок распустил стражу и вместо нее объявил набор гражданской гвардии. Я в ней уже старшина! Но есть и плохая новость. Твердолоба до сих пор не поймали. Будь осторожен! Говорят, будто он обещал отомстить тебе за Гнилозуба и стражников, которых ты заколол на острове. Держи ушки остро!

Тихоскок вздохнул и кивнул ему головой. Яска так увлекла Белянку разговором о мазях для увлажнения лица, что можно было секретничать, не опасаясь.

– Профессор, я хотел поговорить с вами об одной занятой вещице, которую поднял со дна, – несмело проговорил Тихоня.

Он выудил из тумбочки хрустальный шар на подставке и водрузил его на стол среди баночек со снадобьями и горшочков с притирками. Гости с удивлением уставились на диковинку. Шишкобор даже осмелился крутануть ее и тут же отдернул лапу, как будто боялся, что древний артефакт его ужалит.

– Посмотрите, это похоже на глобус, – увлеченно сказал Тихоскок. – Но он совсем не такой, как те глобусы, что рисуют наши географы. Тут другие материки, и океаны между ними выглядят немного иначе. Что это? Другая планета? Но кем тогда были наши предки? Неужели они прилетели из иных миров?

Профессор Гладкошерст от души рассмеялся. Он взял хрустальный шар в ладони и приблизил к очкам.

– Не делай поспешных выводов, мой мальчик, – ответил он. – Это действительно глобус. Но ты видишь не другую планету. Это Земля, только не та, которую мы знаем по нынешним дням, а та, какой она была многие тысячелетия назад. Материки не стоят на месте, они плывут, как огромные корабли. Океаны переливаются из одной части планеты в другую. Тот потоп, который постиг наш город – всего лишь малая капля во всемирном движении вод.

– Значит, такой видели Землю наши предшественники, Homo Sapiens? – задумчиво проговорил Тихоскок. – Но тогда посмотрите сюда, на обратную сторону шара. Тут ясно виден огромный континент. Вот он тянется от одного полюса до другого. Он не мог исчезнуть бесследно. Вода не затопила бы его целиком.

– В самом деле, – согласился профессор. – Он должен был сдвинуться с места и изменить очертания. Возможно, он уменьшился в размерах из-за того, что уровень океана поднялся и затопил его берега. Но центральная его часть, а особенно вот эти горы, которые так отчетливо проступают на рельефе, до сих пор должны торчать где-то из-под воды.

Тихоня привстал на постели и начал оживленно говорить, размахивая руками:

– Это значит, что на обратной стороне Земли до сих пор существует неведомая земля наших предков. Возможно, там до сих пор сохранились их следы. Может быть, там еще можно найти их города? Представьте, сколько всего мы могли бы

узнать!

– Корабли не плавают так далеко, – с сожалением сказал Гладкошерст.

– У них не было цели. А у меня есть. Я готов поплыть туда и разыскать погибшую цивилизацию древних людей, – с жаром сказал Тихоскок.

Белянка в ужасе подскочила, надавила ему на плечи и силой заставила лечь.

– Куда тебя понесло? – с обидой сказала она. – Ты еще от прошлых ран не оправился. Угомонись наконец. Хватит по дальним краям шляться.

Тихоскок взглянул на нее, догадался, что она боится разлуки, ласково взял ее за руку и рассмеялся.

– Не беспокойся, куда бы я ни поплыл, я обязательно вернусь к тебе, – сказал он.

Белянка покраснела, прикусила губу и отвернулась. Яска рядом с ней расхохоталась и пихнула Барабаша в бок. Гладкошерст задумчиво повертел хрустальный глобус в руках и сказал:

– Жаль, что я уже немолод и не могу отправиться вместе с тобой.

Остаток дня Тихоскок старательно скрывал от Белянки тревогу. Весть о намерениях Твердолоба взволновала его, хотя он и не подавал виду. Его ушки сами собой вставляли торчком, когда за дверью раздавались шаги или незнакомые

голоса.

Ночью город наполнился смутными шорохами. Беянка устроилась на длинном сундуке с плоской крышкой, подстелив набитый соломой матрас. Вскоре она задремала – до Тихони донеслось ее равномерное сопенье. Но сам он ворочался и не мог уснуть. Ободранная о камни шкура ужасно ныла. Болели ушибленные кости, шумело в голове, пережившей столько взлетов и падений.

Он поискал глазами Блиставицу – она все так же висела на двери. Призрачный луч лунного света падал на ее блестящий клинок, отчего шпага казалась серебряной.

Твердолоб все не появлялся, и Тихоня начал думать, что Барабаш преувеличил опасность. Луна уже скрылась за стеной цитадели, когда Тихоня начал проваливаться в сон. Ему привиделось, что он стоит на палубе воздушного корабля, мчащегося по облакам. Под ногами его – далекая земля с тонкими нитями голубых рек и темно-зеленой рябью лесов. Усы колышутся от ветра, бьющего прямо в лицо, а над головой развеваются лазурные паруса, на которые ослепительное солнце бросает яркую позолоту.

И тут же прямо над его ухом раздались возня и пыхтение. Он мгновенно очнулся. В окно, за которым едва начинало светать, карабкался темный силуэт. Незнакомец сжимал в руках какое-то оружие, которое трудно было разглядеть во тьме. Тихоня вскочил на постели, но незнакомец опередил его и резко спрыгнул с подоконника.

– Ах ты, изменник! – воскликнул Тихоня, пытаясь дотянуться до шпаги.

Темный силуэт в два прыжка настиг его и преградил путь. Тихоскок скрипнул зубами и опустился на пол – он почувствовал себя совершенно беспомощным перед противником, отрезавшим его от оружия.

Незнакомец сделал к нему шаг и приблизился вплотную. Тихоскок сжался, ожидая удара.

– Прошу тебя, только не шуми! Ты ведь не будешь поднимать тревогу? – попросил незнакомец.

Тихоня ухватил его за рукав и нащупал мягкий бархат кафтана с кружевными рукавами. Незнакомец спрятал в ножны широкую саблю и закинул ее себе за спину.

– Вот тебе и на! Уж кого я и ожидал этой ночью, но только не тебя! – удивленно воскликнул Тихоня.

Белянка на своем сундуке заворочалась, приподнялась и зажгла свечку.

– Капитан! – звонко сказала она. – Что вы делаете перед рассветом в студенческом общежитии?

– Умоляю, друзья мои, не выдавайте меня! – с жаром заговорил пришелец. – Я пришел просить вас о прощении.

Пламя свечи выхватило из темноты фетровую треуголку с орлиным пером, пурпурный камзол и голубую перевязь с абордажной саблей. Высокие сапоги с загнутыми краями галантно шелкнули каблуками по дощатому полу. На девушку эти манеры произвели впечатление, но Тихоскок еще крепче

вцепился в кружевной рукав и дернул его, едва не сбив гостя с ног.

– Сам пришел! Что ж, тем лучше! Вы еще не ответили за свои преступления, капитан Лихогляд!

Но предводитель пиратов и не думал бороться. Он бережно поднял Тихоскока с пола и помог ему снова улечься в постель. После этого он бросился на колени перед Белянкой и начал сумбурно бормотать:

– Умоляю вас, мадмуазель, вы так великодушны, не то что ваш жестокосердный приятель. Простите меня за все беды, которые я вам причинил!

Белянка подтянула к подбородку колени, прикрытые длинной ночной рубашкой, и отшатнулась от пирата.

– Простить вас за то, что вы бросили нас на съедение подводному дракону? – с гневом спросил Тихоскок. – За то, что вы с самого начала задумали принести нас в жертву, чтобы снять заклятье с сокровищ? Что вы использовали меня и Белянку, как наживку для рыбной ловли?

– Ах, мон ами, поверьте, я глубоко раскаиваюсь, – с искренней интонацией заговорил капитан. – Жажда наживы затмила мне разум, я был сам не свой. Но теперь я опомнился! Я никогда бы не повторил такого ужасного проступка!

– Зачем вам наше прощенье? – с подозреньем спросила Белянка. – Вряд ли вы рискнули бы явиться в город, где вас давно ищут, только ради морального долга.

– В самом деле, меня могли схватить в любой миг, – сбив-

чиво забормотал Лихогляд. – Но если бы вы за меня заступились! Если бы вы уговорили бургомистра подписать мне помилование! Я давно уже собирался завязать с пиратским ремеслом и жить в Крысином гнезде, как порядочный гражданин. Средства у меня есть, я не бедствую. Дело за малым – списать мне грехи прежней жизни. А бургомистр сейчас ради вас, мои дорогие друзья, готов на все. Ведь вы вернули его к власти и спасли город от дракона, а такого еще никто не совершал.

Тихоскок оглядел склонившуюся перед ним фигуру с опущенными плечами и поникшими усиками. Капитан предстал перед ним в таком жалком виде, что обижаться на него было решительно невозможно.

– Ладно, я замолвлю за вас словечко, – сказал Тихоскок. – Однако не подведите меня. Помните, что поручитель несет за вас ответственность.

– Ах, вы так великодушны!

Лихогляд оживился, горячо пожал Тихоскоку ладонь и даже попытался поцеловать ручку Белянке, но та захихикала и оттолкнула его.

Утренние сумерки уже начали рассеивать темноту. Еще несколько минут – и край неба запылал отсветами алой зари. Скрип половиц за порогом заставил Тихоню прислушаться. Кто-то осторожно приблизился к двери и настойчиво постучал.

– Это пришли за мной! – приглушенным шепотом проше-

лестел Лихогляд. – Меня тут не было, и я вас не знаю!

Один миг – и его силуэт растворился в окне. Белянка радостно бросилась открывать дверь, уже готовясь встречать друзей, однако за порогом высился, как истукан, дворецкий Долгопят в зеленой ливрее с красными отворотами, и по своей привычке задира л нос к потолку. Он был похож на деревянную статую и старательно избегал встречаться с Белянкой глазами.

Девушка растерялась и отступила на шаг, давая ему пройти, но дворецкий не захотел переступить порог.

– Его превосходительство бургомистр Крысиного гнезда просит вас, господин Тихоскок, пожаловать к нему на прием. Немедленно! – торжественно объявил Долгопят.

– В такую рань? – удивился Тихоня. – А ты что, теперь служишь у Серобока?

– Да-с. Служу-с, – не моргая, ответил Долгопят.

Белянка бросилась доставать свою лучшую блузку, однако дворецкий, шмыгнув носом, предостерег ее:

– Приглашение только для господина бакалавра. Без сопровождающих лиц.

– Ну и пожалуйста! – отозвалась Белянка, обиженно дернув хвостом. – Как город спасать – так без девушек никуда. А как чествовать победителей – так этого только мужчины достойны.

Тихоня легонько обнял ее за плечи и ласково проговорил:

– Не расстраивайся. На приеме наверняка будет жуткая

скукотища. Я обязательно свожу тебя на бал или на маскарад, когда будет повеселее.

Вся его парадная одежда сгинула во время потопа. Единственным, что нашлось в комнате у Белянки, оказалась его старая студенческая мантия с квадратной шапочкой. Для солидности он прицепил к поясу и Блиставицу – Белянка подтвердила, что так он выглядит представительнее.

– Нет-нет, – испуганно запротестовал Долгопят, – на приеме у бургомистра оружие не понадобится.

– Вот пусть сам бургомистр мне об этом и скажет, – раздраженно ответил Тихоня.

Долгопят вывел его из студенческого городка и повел за коулками в цитадель, беспрестанно озираясь по сторонам.

– Эй, мы чего такими задворками побрели? – недовольно спросил Тихоскок.

– Центральные улицы еще не расчищены-с после потопа, – не глядя ему в лицо, ответил слуга.

Парадную арку Тихоня заметил издалека. Выглядывающее из-за серых туч солнце бросало багровые отсветы на ее обрушенные своды. Под ногами хрустела кирпичная крошка и обломки мраморных статуй. В еще не подсохшей грязи можно было различить фрагменты бледных каменных лиц. Тихоня узнал в них Земледела и Крысодеву, а хвост его зацепился за острый обломок химеры, которую еще недавно рвал на части воинственный Крысолап.

Длинный туннель, по которому прежде горожане попада-

ли из деревянного посада в каменную цитадель, превратился в высокий желоб, заваленный мусором. Прохладный ветер носил по нему ворохи листьев, сорванных с деревьев, и бросал их в лицо. У входа жались к кострам две кучки уборщиков. Приглядевшись, Тихоня заметил, что они жгут остатки драконьей чешуи.

Долгопят быстро провел его мимо костров. Работники ратуши с любопытством вглядывались в проходящих. Тихоня заметил на себе пристальные взгляды немолодых, крепких мужичков с холеными усами и подумал: «где-то я их уже видел...»

Идти в туннеле, который прежде был просторным, теперь стало неудобно. Приходилось то и дело огибать валуны, оставшиеся от разрушенного потолка. Из-за них не было видно, что творится впереди. Долгопят пропал из виду – его зеленая ливрея перестала мелькать перед глазами, но Тихоня был этому даже рад.

Очередной узкий просвет между двумя валунами вывел его на площадку, за которой маячил выход. Долгопят стоял у его дальнего края и неодобрительно щерился. Выражение его лица насторожило Тихоню, и тут же из-за спины у дворецкого выдвинулась жилистая фигура, показавшаяся странно знакомой. Высокий рост – значительно больше шести крысиных футов. Густые усы, колышущиеся под мясистым носом. Внимательный взгляд темных глаз, как будто буравящих насквозь. Гладкая, тщательно уложенная бурая

шерсть с коричневыми подпалинами.

– Ого! Да тебя не узнать без кирасы, – выпалил от неожиданности Тихоскок.

– Мне не нужна кираса. Я тебя и без всякой амуниции придушу, – зловеще сказал Твердолоб, надвигаясь на него.

– Что тебе надо? Твое дело проиграно. Все уже кончено, – пробормотал Тихоскок, отступая назад.

– Еще ты не кончен, – заверил его бывший начальник охраны.

Тихоскок повернулся, и не думая о приличиях, со всех ног бросился обратно. Однако из-за наваленных горой валунов уже выбирались те самые «уборщики», что жгли на кострах змеиную чешую. Они выстроились перед ним плотной стеной и недобро оскалились.

– Ах, вот где я видел вас! – с досадой воскликнул Тихоня. – Как же: лапы как грабли, усищи торчком, животы над ремнями свисают. Кто еще может иметь такой холеный и бравый вид, как не славная караульная служба?

– Теперь уже бывшая, – прервал его Твердолоб. – Благодаря тебе мы оказались в отставке без пенсии и содержания. А я еще и под следствием.

– А не надо перевороты устраивать! – запальчиво выкрикнул Тихоскок.

– Не тебе, сопляку, решать, что устраивать, а что нет, – резко возразил Твердолоб. – Я уже тридцать лет на государственной службе. На верхах советы всяких школяров не

нужны.

Тихоскок выхватил из ножен шпагу и направил ее на стражников, окружающих его со всех сторон.

– Не подходите! – яростно взвизгнул он. – Я ваших товарищей переколол, и вас переколю!

– Мы бы тебе все простили, – хрипло дыша над ним, проговорил бывший начальник. – И мятеж, и бегство из-под охраны, и даже гибель нашего кормильца Гнилозуба. Но вот злодейское убийство наших собратьев мы тебе не простим.

Тихоскок резко развернулся и упер острие шпаги ему в грудь. Тело в простой парусиновой куртке, не защищенное привычным доспехом, казалось особенно уязвимым. Тихоня почувствовал, что если надавить посильнее, то он пробьет его насквозь.

– Ну, сопляк, что ты ждешь? Давай, коли и меня! – потребовал Твердолоб, напирая и как будто нарочно насаживаясь на острие плотной костьюшкой в середине груди. – Или кишка тонка?

Клинок шпаги выгнулся и задрожал. Тихоня резко одернул руку и опустил острие к земле.

– Не буду я тебя колоть. Хватит уже, – тяжело дыша, сказал он.

– А вот мы тебя будем. Ребята, хватайте!

Твердолоб вырвал у Тихони из рук Блиставицу и махнул лапой соратником. Тихоскока тут же скрутили, подняли над головами и потащили к кострам. Он увидел, как Твердолоб

поднимает в руках дубину, чтобы оглушить его перед тем, как отправить в огонь. И тут же раздался оглушительный визг.

Появившаяся, будто из-под земли, Белянка налетела на похитителя, вцепилась в него когтями и изо всех сил принялась рвать клочья его бурой в подпалинах шерсти. По ее виду было понятно, что она собралась на прием вслед за Тихоней. Девушка оделась в элегантную зеленую юбку и желтую блузку с коричневым пояском, а на голове ее красовалась кремовая шляпка с искусственной красной розой.

Шляпка тут же слетела с ее головы, но девушка не отпустила охранника и дико визжала, дергая его с сумасшедшим отчаянием. Твердолоб ощерился и грубо толкнул ее, но она не отцепилась и принялась изо всех сил кусаться – так, что тот взвыл от боли.

Тихоскок почувствовал, что его бросили на мостовую, и тут же ударился о брусчатку боком, который не перестал еще болеть после падения с арки. На него наступили сапогом и отдавили колено.

И тут же со стороны цитадели раздались тревожные голоса. Это бургомистр во главе целого отряда гражданской гвардии пробирался мимо обрушенных валунов, размахивая церемониальной булавой, служившей для торжественных мероприятий. Он подбежал к Белянке, так и не отцепившейся от своего противника, и со всех сил двинул Твердолоба тяжелой золотой головкой оружия, украшенного драгоцен-

ными камнями. Охранник рухнул на землю, как подкошенный. А к Тихоскоку подскочил Барабаш, поднял его с земли и спросил:

– Ты как, цел?

Тихоня убедился, что Беянка в порядке, и только после этого отозвался:

– Поберегись Твердолоба. Его нужно поймать, а то он не ведает, что творит.

Однако бывшего начальника охраны было не так-то просто схватить. Он быстро вскочил с мостовой, ловко увернулся от рук горожан и студентов, только вчера набранных в гвардию, и дал деру по деревянным настилам посада, торопясь выскочить за пределы городской крепости.

– Держите его, уйдет! – вопил Серобок, размахивая своей драгоценной булавой.

Но Твердолоб сделал несколько ловких поворотов и скрылся в воротах многоярусной башни, за которой расстились бесконечные фермерские поля. Беянка уже успокоилась и сказала:

– Пусть побегает на природе. Это пойдет ему на пользу.

– Тем более, скоро распутица и морозы. Пробежит его холодком – сам приползет с повинной, – согласился с ней Барабаш.

Оставшихся охранников уже вязали и строили в ряд, чтобы отконвоировать на гауптвахту.

– Что с ними будет? – спросил Тихоскок.

– Суд присяжных, – утирая со лба липкий пот, ответил ему бургомистр. – Много им не дадут, они пешки в руках олигархов.

– Ну а как быть со мной? Ведь я тоже... – начал несмело Тихоня, но не решился продолжить.

Серобок с пониманием потрепал его по плечу и сказал:

– Мы уже разбирали тот случай на острове. Судьи согласились считать твой поступок самообороной, ведь тебя и твоих друзей собирались утопить без закона и справедливости. Да я бы, скажу откровенно, все равно бы тебя помиловал. Ведь ты столько сделал для города. Но все же ради всех святых: сдай эту шпагу в Оружейную палату. Она уже натворила дел, пора и остановиться.

Тихоня поморщился и кивнул головой.

– Одного не пойму, – сказал он. – Зачем вы послали ко мне Долгопята. Он что, теперь в штате мэрии?

– Что ты! – расхохотался бургомистр. – Этого холуйчика к ратуше и на пушечный выстрел никто не подпустит. Кстати, где он?

– Его уже след простыл.

– Ну и пес с ним. Кому нужна эта мелкая сошка? А я, если б хотел тебя пригласить, то послал бы к тебе кого-нибудь из магистров. Ты ведь у нас теперь важная персона. Кстати, в полдень твое награждение. Разумеется, ждем тебя вместе с невестой. Скажу по секрету: совет приготовил подарок. За заслуги перед городом мы дарим тебе отдельный дом, пря-

мо за ратушей, у стены цитадели. Будешь жить по соседству. Если что, то мы рядом.

Тихоскок с благодарностью взял бургомистра под локоть и пошел сообщить радостную новость Белянке, которая приводила в порядок растрепанные волосы.

Церемония награждения выдалась пышной: все шестнадцать магистров городского совета поднялись со своих мест, когда бургомистр под музыку духового оркестра навесил на грудь Тихоскоку малиновую ленту с огромной золотой звездой. Белянка, элегантная, как настоящая светская дама, блистала во всей красе и принимала с разных сторон комплименты, так что Тихоня даже немного занервничал.

На пышном банкете столько раз поднимали бокалы с вином, что его развезло, и он начал слегка хулиганить. Когда они остались вдвоем, Белянка строго его отчитала, но стило ей увидеть новенький каменный домик, спрятавшийся в уютном саду сразу за ратушей, как она тут же оттаяла и начала планировать, в какой комнате что поместить.

Вечером на рыночной площади снова возвели деревянную сцену и устроили грандиозный концерт. Сначала играл все тот же духовой оркестр, а после на всеобщее обозрение вырвался Баламут и так вдарил по струнам гитары, что все сорвались с места и пустились в пляс.

Торговцы, ремесленники, земледельцы и студенты веселились, забыв о недавних бедах. Площадь наполнилась

до краев и дружным гулом восторга встретила первые струи фонтана, вновь запущенного после ремонта. Радужные брызги поднялись так высоко, что намочили табличку с надписью «Rattus Sapiens», над которой ученая крыса сжимала одной лапой книгу, а второй тыкала в небо.

К Баламуту присоединились еще несколько музыкантов. Они ударили в барабаны, задули в длинные дудки и заскрежетали на скрипках. Фермеры из окрестных сел начали чинно приглашать на танец горожанок, беря их под заплывшие жирком бока и кружа по мостовой.

Барабаш с Яской давно танцевали, а Тихоня все никак не решался пригласить свою подругу. Наконец, музыка стала лиричной и медленной, и объявили белый танец.

– Ну все, – решительно заявила Белянка. – Белый танец вдвойне мой: и как девушки, и как альбиноски. Пошли немедленно танцевать, а то я останусь единственной нетанцовой на этом празднике.

Тихоня вздохнул, и, жутко стесняясь, взял ее за бока. Они долго кружились среди соседних пар, которые прыгали и тискались, нисколько не заботясь о том, что подумают окружающие.

Тихоня прижимал Белянку к себе, ощущая ладонями ее тонкую гладкую шерстку. Его подруга забыла обо всем и отдавалась танцу со всей страстью, на какую была способна. Ее хвост лихо подпрыгивал и взметался ввысь, тонкие усики колыхались, а карие глазки смеялись, пряча в глубине хит-

рую искорку.

Тихоня запыхался и остановился. Музыка вокруг стала громче, голоса соседних пар сделались неслышны.

– Ты знаешь, – сказал он, – я привык видеть тебя каждый день. Каждый день я жду встречи с тобой и заранее знаю, что увижу самую красивую девушку на свете. И каждый раз, когда вижу тебя, ты оказываешься красивее, чем я ждал. Я смотрю на тебя, как впервые, и думаю: вот это красавица! Неужели она моя?

Белянка радостно расхохоталась, прижалась к нему, поднялась на цыпочки и поцеловала.

В этот миг народ у них за спиной грохнул со смеху. Тихоня смутился и обернулся, но все смотрели не на них, а в сторону храма, двери которого распахнулись. Из темного зала вышла процессия служителей Ордена Тихого Прикосновения Восьми Мудрых Крыс, одетых в бардовые сутаны. Во главе процессии неспешно шагал Мурöver. Но выглядел он необычно: вместо лиловой сутаны он был одет в грубое рубище, ступни его были босы, а голова непокрыта.

Епископ приблизился к сцене и отдал свой посох с серебряной пастью бургомистру.

– Что с вами, ваше святейшество? – хохоча, выкрикнул Шишкобор, стоявший в обнимку со своей почтенной супругой.

– Я больше не святейшество, – мрачно откликнулся Мурöver. – Епископский посох я передаю городским властям.

Пусть они вручат его достойнейшему из служителей веры. А я отправляюсь на Дикий остров проповедовать Слово Мудрых туземцам. Возможно, души Огненной Глотки и Неистового Сусла еще не окончательно потеряны для Подземного царства.

Горожане проводили процессию из цитадели, и снова грянула музыка. Тихоскок игриво схватил Белянку на руки и затащил ее прямо в фонтан. Девушка хохотала и отбивалась. Плотные струи воды отгородили их от шумной толпы. Тихоня прижал ее к колонне со статуей Крысы Разумной, собрался с духом и произнес:

– Беляночка, выходи за меня замуж!

Белянка обняла его за шею и сказала:

– Наконец-то ты решился. А я уже думала, что ты так и не предложишь. Только знаешь, я должна тебе кое в чем признаться...

– Что еще такое? – насторожился Тихоня.

– Я не настоящая альбиноска! – выпалила его подруга. – Настоящие альбиноски с ног до головы белые, и у них красные глаза. А у меня глаза карие, и рыжее пятно на спине. У альбиносок таких не бывает.

– Но ведь ты белая, как лебяжий пух.

– Это у моей шерсти окрас такой, – смущенно сказала Белянка.

– Ну и что? – рассмеялся Тихоня. – Я люблю тебя такой, какая ты есть. Ты – самая красивая крыса на свете!

Мохночупа, старшая жена Гнилозуба, недовольно размахивала руками и орала на бургомистра.

– Как вы можете отнимать у нас этот дворец? – заходясь от гнева, выкрикивала она. – Его строил на свои кровные Гнилозуб, да упокоят его Мудрые Крысы в своих подземных чертогах! Он принадлежит нам, только нам!

– Ваш дворец отныне принадлежит городу, – устало повторял ей бургомистр Серобок. – Такое решение принял городской совет. А у вас, уважаемая госпожа, осталось загородное поместье. Свежий воздух пойдет вам на пользу.

– Что мне осталось – не твое дело! – окончательно выходя из себя, взвизгнула Мохночупа.

Ее бурая полинялая шерсть встала дыбом, а обвисшие усики заколыхались.

– Нечего считать богатства в чужих закромах, – продолжала она. – Все, чем владел покойный магистр, должно отойти его сыну!

И она вытолкнула вперед молодого крысопарня в модных джинсах до самых лодыжек, в такой же джинсовой безрукавке с блестящими застежками на карманах и в темно-синей панаме с вышитой надписью «I'm a fat rat!». Парень держал в лапах глиняный кувшинчик с лимонной настойкой, которую он с шумом высасывал через сухую соломинку. Кажется, он не вполне понимал, что вокруг происходит. Он ошалело вращал по сторонам черными глазами и беспокойно шеве-

лил взъерошенными усами.

– Покойный магистр преступил закон, – терпеливо сказал Серобок. – Он в нарушение всех правил присвоил общественное имущество, и теперь оно возвращается в собственность государства. А в этих мраморных палатах расположится новый Дворец Правосудия. Старый ютился где попало, оттого и решения у него были кривыми.

Оставшиеся одиннадцать жен обступили бургомистра со всех сторон и гневно загоготали. Капитан гражданской гвардии оттеснил их и помог Серобоку выбраться из мраморного подземелья.

А Мохночупа вернулась в Большую залу дворца и собрала всех вокруг себя.

– Долгопят, собирай наши вещи, – решительно распорядилась она. – Мы едем в загородное поместье. Ни часа не хочу оставаться там, где нас оскорбляют. Подумать только: мальчик едва остался сироткой, а у него уже отбирают жилплощадь. Правильно наш покойный супруг засадил этого бургомистра в темницу – по мне, нужно было вообще его там сгноить. Но мы этого так не оставим. Мы будем бороться за наше общее достояние. Верно я говорю?

И все оставшиеся одиннадцать благородных вдов в один голос загомонили, выражая ей полную поддержку.

– Это все Тихоскок, этот отвратительный хулиган и злодей, это он все затеял! – сказала Мохночупа, поглаживая сына по загривку. – Он и его мерзкая подружка. Видать, и

вправду народ говорит, что альбиноски до добра не доводят. Чему их там учат в этом университете? Ни за что не отдам в лапы профессоров моего Шпыня!

Парень с шумом втянул через соломинку лимонад и поправил джинсовую панаму, которая съехала набок от чрезмерно энергичных поглаживаний матери.

– Помяни мое слово, сынок, – продолжала она. – Когда-нибудь мы вернемся в этот дворец, и ты возвратишь себе все, чем владел твой отец. А врага рода крысиного, Тихоскока, мы накажем. Это он виноват в наших бедах!

Парень выплюнул соломинку, окрысился, и, грозя когтем невидимому врагу, произнес:

– Не беспокойся, мать, я этого так не оставлю. Я ему отмщу!

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии СС0.